

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА:
КОНТУРЫ
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ**

Москва

1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК .
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА:
контуры посткоммунистической модели развития
(Сборник статей)

*Ответственный редактор
доктор философских наук профессор
Ю. С. Новопашин*

Москва
1992

Сборник подготовлен в секторе современной истории
(70–80-е годы) ИСБ РАН

Редколлегия:

*доктор исторических наук Э. Г. Задорожнюк
кандидат исторических наук Ю. Ф. Зудинов
доктор философских наук Ю. С. Новопашин*

Рецензенты:

*кандидат исторических наук А. К. Абдуллаев
кандидат исторических наук С. А. Романенко*

*Научно-техническую работу
провела Майорова О. Н.*

ISBN 5-201-00749-X

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1992

В июне 1991 г. в Москве состоялась международная научная конференция на тему "Восточная Европа и СССР на историческом переломе: проблемы изменения общественного строя и органичного включения в международное сообщество", организованная Институтом славяноведения и балканистики бывшей Академии наук СССР (теперь Российская академия наук) совместно с тоже уже бывшим Всесоюзным обществом "Знание". В ней приняли участие ученые из Великобритании, Голландии, Дании, США, ФРГ, Чехословакии, Швеции, Югославии, а также многие отечественные обществоведы. К сожалению, не все из них имели письменные тексты своих выступлений, на основании которых подготовлен этот сборник. И хотя поэтому он не может претендовать на охват всего разнообразия высказывавшихся на конференции мнений, основное, наиболее существенное из этого разнообразия предлагаемое читателю издание отражает. Всего в нем 17 выступлений, доработанных в качестве статей. Среди них материалы, затрагивающие общие теоретико-методологические проблемы, есть и статьи конкретно-исторического плана по отдельным странам.

В авторский коллектив вошли следующие наши зарубежные коллеги, участвовавшие в конференции: профессор Зденек Млынарж из Праги, ЧСФР; профессор Кристиан Кернер из Лундского университета, Швеция; профессор Анджей Корбонски – директор Центра изучения России и восточноевропейских стран при Калифорнийском университете, США; профессор Кристоф Ройен из западно-герман-

ского Фонда науки и политики. Российские участники конференции представлены в сборнике статьями профессоров А. П. Бутенко, Ю. С. Новопашина, И. С. Яжборовской, доктора исторических наук Э. Г. Задорожнюк, доктора экономических наук Ю. К. Князева, кандидатов исторических наук Е. Л. Вальной, Н. Ю. Калашниковой, А. А. Кальмансона, Л. Б. Миляковой, В. В. Мирошниковой, А. С. Стыкалина и кандидатов философских наук В. П. Киселева, В. Д. Кузнецевского.

Редколлегия не повторила в названии сборника статей этих авторов тему состоявшейся в 1991 г. научной конференции, как в таких случаях обычно бывает, а дала ему заголовок "Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития". Дело в том, что к началу упомянутой конференции был подготовлен в качестве материалов для дискуссии сборник "Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989-1990 гг.)", с выходом которого типография, как водится, ко времени не успела, но который тем не менее был в 1991 г. опубликован. Поскольку настоящий сборник - это совершенно другое издание и по имеющимся в нем статьям, и по составу авторов, он, естественно, и назван по-другому.

О ПРИЧИНАХ КРАХА МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИЗМА

Конец 80-х – начало 90-х годов отмечены событиями, которые не иносказательно, без всяких кавычек можно назвать эпохальными, имеющими всемирно-историческое значение. Речь идет о крахе международного коммунизма, прежде всего тоталитарно-репрессивных коммунистических режимов в восточноевропейских странах и в бывшем СССР, сметенных волной народного гнева. Крах этих режимов положил начало глубинным преобразованиям в общественно-политической, социально-экономической и культурно-идеологической сферах жизнедеятельности этих стран, преобразованиям, которые в своей совокупности подводят черту целой эпохе в европейском и всем мировом развитии. Эпохе, связанной с расчетами на торжество марксизма-ленинизма, на победу "нового общественного строя" в международном масштабе. С помощью этого строя марксисты-ленинцы намеревались вывести трудящиеся массы "из бездн страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира"¹.

Нигде и ничего из этих намерений не получилось по причине прежде всего утопичности самой коммунистической идеи, а также ложности представлений о том, что осуществления "светлого будущего" можно добиться только революционным путем, т. е. насильственным, террористическим по своему существу. Первая из так называемых партий нового типа – большевистская, все ее вожди были сторонниками революционного насилия, красного террора, классовой непримиримости и священной ненависти пролетариата и его политического авангарда к каждому, встающему на их, так сказать, благородном социалистическом пути. "Мы зажгли социализм у себя и во всем мире, – заявлял Ленин. – Кто хоть сколько-нибудь мешает этой борьбе,

с тем мы боремся без пощады. Кто не с нами, тот – против нас”². Заметим в скобках, что этот левоэкстремистский принцип коммунистов весьма был сходен с правоэкстремистским принципом фашистов, выраженным, например, Гитлером в 1925 г. в следующих словах: “В нашей борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его”³.

Вдохновенные певцы непримиримого классового противоборства многое сумели разворошить и разрушить до самого основания; сумели, конечно, и кое-чего достичь при помощи своих репрессивных методов и невиданной в истории мистификации народных масс. Не совсем ведь эфемерными были такие, например, понятия, характеризовавшие уходящую эпоху, как “коммунистическое движение”, “мировая система социализма”, “социалистическое содружество”, “реальный социализм” и т. п. Определенную действительность они отражали. Но в том-то и вся суть, что в качестве скрепляющих все это обручей выступали прежде всего насилие и ложь, т. е. непреодолимое расхождение между словами коммунистов и их делами. Какое-то время оболванивать народные массы, держать их в страхе, в охранно-репрессивной узде удавалось, но это время, как показала жизнь, не беспредельно.

Коммунистическое движение к началу 90-х годов выродилось, за отдельными исключениями, в небольшие сектантские организации, которые не имеют сколько-нибудь заметного влияния на повседневную политическую жизнь. А ведь еще совсем недавно марксисты-ленинцы похвалялись, что не кто-либо другой, а именно они составляют “авангард рабочего движения, всех сил мирового революционного процесса”, что авангард этот “выступает как влиятельнейшая идейная и политическая сила современности”⁴.

Чтобы понять, как же произошло превращение этой некогда влиятельной и уж во всяком случае многочисленной политической силы в мало что сейчас значащие сектантские группировки, придется из конца XX в. вернуться к его началу. Тогда, в романтическую революционную эпоху, символом которой был 1917 г., возникли в разных странах компартии, объединившиеся вскоре в единую цен-

трализованную организацию Коммунистический Интернационал (Коминтерн), который, как подчеркивали его руководители, "не есть совокупность национальных рабочих партий, он есть коммунистическая партия международного пролетариата"⁵.

Программа Коминтерна, принятая 1 сентября 1928 г., начиналась со следующей констатации: "Эпоха империализма есть эпоха умирающего капитализма. Мировая война 1914—1918 гг. и развязанный ею общий кризис капитализма, являясь непосредственным результатом острого противоречия между ростом производительных сил мирового хозяйства и его государственными перегородками, показали и доказали, что внутри капиталистического общества уже созрели материальные предпосылки социализма, что капиталистическая оболочка общества стала невыносимыми оковами для дальнейшего развития человечества, что история ставит в порядок дня задачу революционного свержения капиталистического ига"⁶. Империализм, говорило далее, "доводит до крайнего предела классовый гнет, обостряет до исключительного напряжения борьбу между капиталистическими государствами, вызывает неизбежность империалистических войн мирового размаха, потрясающих всю систему господствующих отношений, и с железной необходимостью ведет к мировой революции пролетариата"⁷.

Таким видели мир тогдашние марксисты-ленинцы, и в некоторых отношениях их анализ отражал злобу дня. Но мир менялся. Темпы и характер этих изменений обгоняли, опережали умение коммунистов и их желание приспособлять идеологию и политику к новой реальности. Последняя же заключалась в том, что 1917 г. и развернувшиеся за ним события мобилизовали внутренние силы правящей буржуазной элиты, активизировали ее интеллект и волю. Чтобы выжить, выдержать напор истории, западное общество, его руководители освоили государственное регулирование экономики, включая антикризисные мероприятия, ограничение рабочего дня, рост заработной платы, пособия по безработице, оплачиваемые отпуска, пенсии, резкое улучшение образования, здравоохранения, жилищных условий. Все это обеспечило достаточно высокое качество

жизни трудящихся капиталистических стран, в частности существенно изменило интересы, требования и психологию рабочего класса, переставшего составлять массовую опору международного коммунизма. Должным образом оценить значение и глубину происходивших перемен марксисты-ленинцы не смогли ни в межвоенный период, ни после второй мировой войны.

Кстати, после второй мировой войны в одну из постоянно действующих причин ухудшения дел в коммунистическом движении превратилась история построения "реального социализма" в СССР и других странах Европы, Азии и Америки (Куба). Она заполнена преступлениями партийно-правительственной номенклатуры против своих и других народов, номенклатуры, явившей законченный образец репрессивно-полицейской системы, которая была враждебна всем традициям гражданского общества, правового государства. В этих условиях солидарность с компартиями, находившимися у власти, если и приносила дивиденды, то лишь коммунистической элите, подкармливавшейся из Москвы или Пекина, Восточного Берлина или Пхеньяна. Для рядовых же коммунистов упомянутая солидарность оборачивалась непрекращающимся свистом и улюлюканием со стороны некоммунистических рабочих и других партий, профсоюзов, многочисленных общественных организаций, средств массовой информации за "промосковскую" (или "пропекинскую") ориентацию, за отсутствие политической и идейной самостоятельности. Десятки, сотни тысяч коммунистов не смогли переступить через советский ГУЛАГ, китайскую "Великую пролетарскую культурную революцию", через подавление антитоталитарных венгерского (1956 г.) и чехословацкого (1968 г.) движений, через брежневско-андроповскую афганскую авантюру и т. д. Нежелание связывать себя с тем, что происходило и еще происходит в странах "реального социализма" (т. е. во Вьетнаме, КНДР, КНР и на Кубе), — не менее, чем внутренняя, важная причина обескровливания, полнейшей деградации коммунистического движения, давно уже превратившегося, по справедливому в данном случае мнению бывших руководителей КПСС, в "группы людей на нашем иждивении. Не везде, конечно, но в большинстве стран"⁸.

Разумеется, в каждой конкретной стране, в каждой конкретной партии свой набор объективных и субъектив-

ных, более и менее важных причин, объясняющих трудности коммунистов. Выше говорилось только о тех, которые являются общими для всех. Это, во-первых, обнаружившаяся у капитализма способность к самообучению, высокая эффективность его приспособительных реакций, неожиданные для марксизма-ленинизма, который ничего подобного так никогда и не смог продемонстрировать. Во-вторых, провал социалистического эксперимента, генетически связанного с несостоятельными марксистско-ленинскими постулатами и с Октябрьским антидемократическим переворотом большевиков 1917 г. В-третьих, разлагающий факт долголетнего властвования КПСС в международном коммунистическом движении, цинично рассматривавшей это движение в качестве подсобного орудия своего экспансионистского курса⁹, а во всех других отношениях заявлявшей, например устами Л. И. Брежнева, что "оно (комдвижение. — Ю. Н.) уже пятьдесят лет никого не волнует"¹⁰. Насаждавшиеся Лениным, Троцким, Сталиным и долго державшиеся после них нетерпимость к демократии и инакомыслию, яростный, воинствующий догматизм, самодовольство и самовосхваление подавляли, губили всякую живую мысль, в том числе обезоруживали компартии, делали их беспомощными перед лицом новых поворотов истории, превращали подчас в поистине антинациональную силу, рупор чужой политики.

Таким образом, то, что считалось самой влиятельной политической силой современности, чему пророчили перспективу неуклонного роста в качестве авангарда революционного обновления человечества, пережило уже, как говорится, самое себя, превратилось под воздействием указанных выше причин в жалкое прибежище разного рода маргиналов. Они продолжают поклоняться обветшалым догмам "классовой борьбы с мировым капиталом" и установления социалистических порядков в результате победы в этой борьбе, т. е. продолжают в таких категориях вести спор, когда последний превращается, по меткому замечанию редактора журнала "Форин афферс" Уильяма Хайленда, в "интеллектуальное похмелье "холодной войны", ибо "характер и структура мировой политики уже радикально изменились"¹¹.

То, что У. Хайленд стремится сказать академическим языком, российский политолог Алексей Кива преобразовал в максимально простую, лапидарную формулу: "Народу стало ясно, что мировая революция – это миф"¹². Значит, и все аксессуары этой революции, такие, например, как международное коммунистическое движение, тоже из области политико-идеологической мифологии. Слишком экстравагантным это умозаключение не назовешь, во многом оно отражает реалии современности.

Но продолжим мысль А. Кивы. "Мировая соцсистема со всеми ее структурами на поверку оказалась тоже мифом, – пишет он. – Как только исчез страх перед советскими танками, соцлагерь тут же опустел. "Старший брат", по существу, остался один"¹³. Думается, это суждение экстравагантно даже для нашего времени. Определенную реальность уходящей эпохи, связанной, как уже говорилось, с расчетами на торжество марксизма-ленинизма, победу "нового общественного строя" в международном масштабе, понятие мировой социалистической системы все же отражало, оно не было целиком и полностью из области коммунистической мифологии.

Около 15-ти лет назад автор настоящей статьи, пытаясь отразить диалектическое единство объективного и субъективного факторов в функционировании и развитии мировой социалистической системы, определял ее "как социально-экономическое сообщество суверенных стран, скрепленное не только общностью господствующих в них производственных отношений и единством коренных интересов народов этих стран, но также различными формами их международного взаимодействия"¹⁴.

Не будем вдаваться в тонкости диалектического единства объективного и субъективного в развитии таких общественных систем, которые являются мировыми. Подчеркнем несомненное: от того, насколько правильно национально-государственные интересы той или иной страны осознаются ее руководством, сколь глубоко и последовательно увязываются они с национально-государственными интересами других стран, особенно социально родственных, зависит во многом дружественный характер сотрудничества такой страны со своими международными парт-

нерами. То есть для развития любой мировой системы, в том числе социалистической, как определенной социально-исторической общности суверенных стран первостепенное значение имеет необходимость координировать, сочетать национально-государственные интересы этих стран между собой и с общими для всех них интересами. И здесь нет какого-то автоматизма даже в том случае, когда речь идет о согласовании интересов, совпадающих по своему объективному содержанию.

Если это основополагающее условие соблюдается не всегда, в системе нарастает отчужденность, формы международного взаимодействия суверенных стран будут все более регламентироваться и стремиться к проявлениям, все дальше отстоящим от дружественного сотрудничества. Это закономерно ведет к учащающимся сбоям, постепенно, но неотвратимо подтачивающим стабильные, инвариантные связи (структуру) и внутрисистемную организацию в целом, если под ней понимать не только устойчивые, но и все остальные упорядоченные связи и отношения между элементами системы.

Так и происходило, надо заметить, с мировой социалистической системой, сложившейся в послевоенный период при решающем участии Советского Союза. Это последнее обстоятельство многое определило, ибо в Центральной и Восточной Европе вся совокупность общественных, в том числе международных, межгосударственных, отношений ведет свою родословную от победы СССР над нацистской Германией и ее сателлитами и от обусловленного этой победой советского военно-политического доминирования в регионе. Точно так же как вся совокупность отношений в Западной Европе ведет свою родословную от аналогичных прав США, Великобритании и Франции и их безусловного военно-политического доминирования в этой части континента.

Думается, Советский Союз и шедшие за ним политические силы, в первую очередь восточноевропейские коммунисты, никакой другой системы, отличной от той, которую создали, построить не могли. Все они ориентировались на реализованную в СССР коминтерновскую левацко-экстремистскую тоталитарную модель (в противоположность

фашистской правозэкстремистской модели антикоминтерновского толка, характерной для побежденных во второй мировой войне стран и весьма, кстати, близкой по форме и содержанию к своему коммунистическому антиподу). И вновь стоит заметить, что вчерашние союзники СССР по антигитлеровской коалиции тоже воспользовались правом победителей, чтобы по своему образу и подобию воссоздать и укрепить в западной части континента систему общественных, в том числе международных, межгосударственных, отношений, т. е. систему парламентарно-демократическую, опирающуюся на многоукладную рыночную экономику.

Следовательно, речь идет о том, как воспользовались своим правом победителей доминировавшие в восточной и западной частях Европы военно-политические силы, какие они создали или воссоздали общественные системы, т. е. приспособленные ли только к обстановке противоположности, противостояния и противоборства или могущие функционировать в иных условиях. Жизнь показала, что западноевропейская правовая демократическая система настроена на более широкий спектр отношений, чем лишь конфронтация и противоборство, а вот восточноевропейская полицейская система советского типа смогла просуществовать ровно столько, сколько сохранялась в Европе и во всем мире обстановка противостояния, "холодной войны".

К концу 80-х годов международная обстановка радикально изменилась: ушли в прошлое противостояние Востока и Запада, "холодная война". Венские договоренности (январь 1989 г.) и Парижская хартия для новой Европы (ноябрь 1990 г.) подвели черту под положением победителей и побежденных во второй мировой войне, под послевоенной эрой конфронтации и раскола Европейского континента. Тот элемент идеологизации, который многое определял в государственной и всей общественной жизни восточноевропейских стран, включая и сферу их отношений с Советским Союзом, потерял всякое значение. Это был принципиальный сдвиг, изменивший всю иерархию ценностей. Тем более, что политические силы, являющиеся ныне субъектами взаимных отношений, претерпели радикальную эволюцию, сбросив с себя путы ленинско-сталинской большевистской модели.

Под этой уже упоминавшейся выше тоталитарной моделью разумеется в первую очередь та совокупность идей,

которые в послевоенный период были взяты на вооружение прошедшим коминтерновскую выучку руководством компартий стран Центральной и Восточной Европы. Она именовалась марксизмом-ленинизмом как "единым интернациональным учением" и сводилась к такому пониманию строительства нового общества, когда основное орудие этого строительства усматривается в диктатуре пролетариата. Именно власть диктатуры пролетариата или более позднего ее наименования – общенародного государства, которое тоже венчает обязательно компартия, является, согласно взглядам Ленина, гарантом освобождения труда, выступает как "единственно верный друг и помощник трудящихся и крестьянства"¹⁵.

Поскольку же "первопроходцем" внедрения в жизнь подобной доктрины общественных отношений явилась, как известно, партия российских большевиков, то и доктрина эта закономерно получила название большевистской. Опираясь на нее, компартии СССР и других стран социализма обеспечили не освобождение труда, а создали уникальную в своем роде партийно-государственную систему эксплуатации всех слоев населения, угнетения многочисленных наций и народностей. И далеко не последнюю роль в этой партийно-государственной системе играло "единое интернациональное учение" как набор репрессивных по своей сути "общих закономерностей и принципов", следовать которым под постоянной угрозой вмешательства "старшего брата" и вразумления "отступников" обязаны были все партии и страны "социалистического содружества". Именно в этом смысле марксизм-ленинизм, главным толкователем которого выступала со времен Коминтерна советская компартия, и служил для восточно-европейских лидеров наивысшим критерием, но становился им, по словам Зденека Млынаржа, лишь в виде официальной идеологии партии, когда проникал в партийные директивы и указания. "Во имя партийной идеологии, – пишет он, – люди такого типа могут пойти и на преступление, даже не считая его проступком, поскольку кроме системы ценностей, одобренных данной идеологией, никаких других ценностей они не признают"¹⁶.

На взрывоопасном фундаменте идеологических цен-

ностей ленинизма и возводилось здание мировой социалистической системы; здесь коренится одна из основных причин того, почему это здание получилось непрочным и совсем развалилось в настоящее время. С огромной силой действовал в направлении непоправимого развала и "последний довод" интернационалистской политики – советские танки, будь то на улицах Берлина или Магдебурга в 1953-м, Будапешта – в 1956-м, Праги – в 1968 г. "Если сегодня, – справедливо заметил в одном интервью глава правительства Чехословакии времен "пражской весны" Олдржих Черник, – так называемый "реальный социализм" терпит поражение, то корни этого и в августе 1968-го. Там же отчасти и причина распада коммунистического движения в международном масштабе, и неверия в бывшие идеалы отцов"¹⁷. Иными словами, это и есть *главная доктринальная причина* направления послевоенных процессов в странах Центральной и Восточной Европы по антидемократическому и потому тупиковому в конечном счете пути развития.

Если же говорить о *практико-политических* причинах, приведших к историческому поражению мировой социалистической системы вообще, восточноевропейского ее региона в частности, то следует прежде всего назвать левацко-экстремистский поворот 1947–1949 гг. Чтобы понять, что это был за поворот, от чего и к чему, надо обратиться к последнему этапу войны с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Этот этап характеризовался практически во всех странах Центральной и Восточной Европы ростом левых тенденций и укреплением позиций народных и отечественных фронтов. Складывавшаяся в то время в этих странах власть была своеобразной коалицией, конструктивным компромиссом между представителями рабочих, крестьянства и мелкой буржуазии. То есть выставшая из этой коалиции антифашистская народно-демократическая модель общественных, в том числе национально-государственных, отношений имела более широкий социальный базис и уже поэтому в известном смысле выступала в качестве альтернативы большевистской модели. И какое-то время руководство ВКП(б) вынуждено было это терпеть, оглядываясь на границу. Ведь еще не высохли чернила

на послевоенных соглашениях с союзниками по антинацистской борьбе, согласно которым СССР взял на себя обязательство уважать волю народов восточноевропейских стран, т. е. не чинить в своей сфере влияния препятствий ни организации свободных выборов, ни действиям демократически избранных властей.

Но это продолжалось недолго. Уже в 1946 г. в обстановке ухудшения отношений с бывшими западными союзниками, которое стало нарастать отнюдь не только по вине последних, советское руководство посчитало свои руки развязанными, и вмешательство по различным каналам в восточноевропейские дела существенно усилилось. К началу следующего, 1947 г. окончательно созрела в головах кремлевской партократии мысль о необходимости решительного поворота в странах Центральной и Восточной Европы к обеспечению такого же точно коммунистического единовластия, какое уже без малого три десятилетия культивировалось в СССР под марксистско-ленинской вывеской диктатуры пролетариата.

Иначе говоря, в противоположность коалиционной народно-демократической политике, формировавшейся в этих странах, была предложена (без права выбора) совершенно другая политика, острим своим направлением против всех партнеров коммунистов по антифашистской, освободительной борьбе. Продуман был, конечно, вопрос и о механизме реализации этой политики, именовавшейся тогда "углублением" в регионе революционного процесса и "переходом в кратчайшие исторические сроки к диктатуре пролетариата". Предполагалось, в частности, использовать и "особые отделы" при советских воинских частях, находившихся на территории восточноевропейских стран, и советских советников с их оперативным аппаратом при министерствах в этих странах внутренних дел и госбезопасности, и многое другое. Для координации соответствующих усилий и общего руководства процессом "исторического поворота" московские власти решили вернуться ко второму, так сказать, изданию Коминтерна, упраздненного в 1943 г., т. е. учредить Информационное бюро коммунистических партий. Оно было создано на первом организационном совещании представителей Центральных Комитетов, проходившем в польском курортном городке Шклярская Поремба в сентябре 1947 г.

Деятельность этого "центра", заявившего о своих пра-

вах на руководящую роль в коммунистическом движении, потребовавшего исходить "из того неоспоримого положения, что любая партия должна отчитываться перед Информбюро"¹⁸, известна прежде всего с негативной стороны, особенно в организации оголтелой антиюгославской кампании 1948–1953 гг. Под флагом борьбы с "кликкой Тито-Ранковича" и их "пособниками" в других восточноевропейских странах были инспирированы Информбюро и развязаны руководством компартий этих стран массовые репрессии против вчерашних политических союзников и неугодных в собственной среде. "Особенно кровавыми были 1948–1953 гг., в ходе которых Восточная Европа подверглась крайне интенсивной советизации, – пишет Збигнев Бжезинский в своей книге "Большой провал". – Коммунистические режимы казнили десятки тысяч людей, приговорили к заключению сотни тысяч, устраивали показательные процессы и прибегали к массовому устрашению". Он приводит в качестве примера следующие данные: в Венгрии с ее тогдашним населением около 6 млн. человек с 1950 по 1953 г. около 387 тыс. человек, т. е. более 5 % всех венгров, угодили за решетку как предполагаемые политические противники; в Чехословакии в 1951 г. в концлагеря было помещено свыше 100 тыс. человек (включая более 6 тыс. священников, монахов и монахинь); в Польше подавление вооруженного сопротивления коммунистической власти привело к гибели примерно 45 тыс. человек, вслед за чем последовало около 5 тыс. казней различных политических противников режима. "Только посредством массового и организованного насилия, – заключает автор, – коммунистические правители сумели навязать Восточной Европе тоталитарную систему советского типа"¹⁹.

Теперь наши "красно-коричневые" тогдашнюю кровавую вакханалию пытаются объявить некой "деформацией", "отступлением" от стратегически якобы правильного курса на поворот к диктатуре пролетариата. То есть проявляется стремление обелить ленинско-сталинскую политику абсолютной нетерпимости к политическому плюрализму, независимым от коммунистов партиям, общественным организациям, союзам и пр. Однако поворот от нарождавшейся коалиционной формы власти к так называемой

диктатуре пролетариата или бесконтрольному однопартийному единовластию – никакая не деформация, а как раз и есть подлинно коммунистическая, истинно большевистская политика. История со всей очевидностью свидетельствует, что у государственного кормила коммунисты органически не могут находиться ни с кем в коалиции, они представляют собой леваков-экстремистов не только по форме своей политики (которая-де иногда может деформироваться), но и по глубинному ее содержанию.

Была ли внутренняя опора для осуществления подобной левацко-экстремистской политики? Была в лице прежде всего численно значительно возросших после войны самих коммунистических и рабочих партий, а также тех общественных слоев, которые шли за ними. Примерно до середины – конца 50-х годов необольшевистские режимы имели общественную поддержку, связанную с революционным энтузиазмом и революционным нетерпением определенной части населения. Но когда энтузиазм иссяк, тогда карательная административно-командная система коммунистической партократии выдвинулась на первый план и намертво закрепила за собой все рычаги власти.

Таким образом, самоубийственный для любой правящей партии процесс вывода ее властных механизмов из зоны какого-либо контроля и критики, процесс антагонистического по сути противопоставления интересов номенклатурного слоя интересам народных масс берет свое начало в 1947–1949 гг., когда произошел поворот к настойчивым попыткам обеспечения, с одной стороны, единообразия политических и экономических структур так называемых народно-демократических государств на базе левацко-экстремистской "советской модели", а с другой – руководящей роли ВКП(б) на основе безусловной поддержки компартиями мира позиции Информбюро по "югославскому делу". Это дело, кстати, стало первым из серии тяжелейших ударов со стороны властвующей партноменклатуры по коммунистическому движению, сыгравших поистине роковую роль в углублении его кризиса и распада в настоящее время. Инспирированный Москвой левацко-экстремистский поворот, заключавшийся в форсировании в странах Центральной и Восточной Европы двух упомянутых выше

взаимосвязанных процессов, наши западные коллеги давно уже и справедливо окрестили процессами "советизации" и "сателлитизации". Они – следствие победы СССР над нацистской Германией и ее союзниками, причем такое следствие, судить в однозначном плане о котором весьма затруднительно.

С одной стороны, Советский Союз сыграл объективно большую прогрессивную роль, и недаром народы европейских стран рукоплескали нашим воинам-освободителям. С другой же стороны, вместе со строевыми частями Красной Армии на территории Центральной и Восточной Европы оказалось немалое количество оперативных работников репрессивно-охранного бериевского ведомства в виде особых отделов НКВД и органов других спецслужб. Завершив проверку всех наших соотечественников, возвращавшихся из фашистской неволи, из западных лагерей для перемещенных лиц, всех освобожденных советских военнопленных, большинство из которых транспортировалось прямым путем на Колыму, неутомимые наши особисты прочно осели в странах региона и надзирали за их развитием вплоть до последних месяцев 1989 г., т. е. пока их оттуда вежливо, но настойчиво не попросили новые власти этих стран. Такого рода антиконституционная деятельность КГБ, других спецслужб была неотъемлемым и важнейшим элементом советской системы тотального контроля за характером развития "братских" государств, системы давления и прямого вмешательства, включая военное, в это развитие тогда, когда кремлевский ареопаг считал необходимым.

Другими словами, подобная "деятельность" советских спецслужб в странах Центральной и Восточной Европы (которая отнюдь не прекратилась после известных решений правительства СССР о ликвидации в 1956 г. института наших советников во всех министерствах и ведомствах этих стран) представляла собой не мифическую, а вполне реальную "руку Москвы" и немало способствовала утверждению в регионе тоталитарно-репрессивных коммунистических режимов. При работе по ликвидации существующих еще "белых пятен" в истории отношений нашей страны со странами Центральной и Восточной Европы внимание, как

представляется, следовало бы уделять в первую очередь не тем или иным частностям, а определению исходных позиций, признанию не только *прогрессивного* значения действий народов бывшего СССР по освобождению этих стран от фашистского господства, послевоенному восстановлению и упрочению их экономического потенциала, но и *реакционной* роли советского руководства в деле установления над регионом собственного политического контроля и господства, навязывания другим своих левацко-экстремистских моделей общественного устройства, внешне-политического поведения и т. д.

Если остановиться несколько подробнее на тезисе о реакционной роли советского партийно-государственного руководства, то надо сказать об унижительной, постыдной практике поощрения в восточноевропейском регионе лишь послушных сателлитов, всякой серости, посредственности, а то и просто примитивных информаторов наших посольских и иных "компетентных" служб. Скажем, когда в конце 1953 г. решался вопрос о новом первом секретаре ЦК БКП и когда болгарским коммунистам казалась предпочтительнее всего кандидатура Антона Югова, именно вмешательство со стороны советского посла и некоторых других высокопоставленных лиц из СССР привело на партийный трон совсем другого человека, более для Кремля удобного и "полезного" – Тодора Живкова. То же самое можно сказать про "воцарение" в 1971 г. на властном Олимпе Эриха Хонеккера, который после воссоединения Германии в 1990 г. неизвестно каким образом очутился в Москве, хотя на родине его давно поджидают судебные инстанции. Можно упомянуть в этом ряду и о фигуре Яноша Кадара, правительство которого вообще было сформировано вне венгерских пределов, в советском Закарпатье и обязано своим назначением сделке между Н. С. Хрущевым и Иосипом Броз Тито в ночь с 1 на 2 ноября 1956 г. на острове Бриони. Известно, что Хрущев больше склонялся к кандидатуре Ференца Мюнниха на пост главы этого квислинговского "рабоче-крестьянского" правительства, но Тито переубедил его в пользу Я. Кадара как более молодого и перспективного, хотя и менее известного в международных коммунистических кругах того времени.

Кстати, исследование кризиса тоталитарно-репрессивного коммунистического режима в Венгрии, который начался в 1949 г. и привел осенью 1956 г. к острейшему общественно-политическому конфликту вплоть до вооруженной борьбы между противниками этого режима и его защитниками, – актуальная задача нашей общественной науки, прежде всего исторической. Три с половиной десятилетия прошло со времени тех драматических событий. Немало появилось за эти десятилетия разного рода научных монографий, журнальных и газетных статей, воспоминаний очевидцев, а то и активных действующих лиц разыгравшейся тогда драмы. Но только не в нашей стране, для читателей которой данная проблематика – все еще во многом сплошное "белое пятно". И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадываться о причинах нежелания бывших советских властей, в том числе горбачевско-крюковских, допустить гласное обсуждение всего комплекса соответствующих вопросов. Причины эти заключались в первую очередь в огромной вовлеченности опоры этих властей – армии и органов госбезопасности в венгерские дела, в использовании родиной партократического социализма против первой антитоталитарной революции в Восточной Европе не силы политических аргументов, не дипломатического искусства, а устрашающего большевистского насилия, привычной "логики танков".

А если обратиться к проблеме правления после удушения "пражской весны" Густава Гусака и всей его "команды"... Ведь это же была прямая креатура тогдашнего руководства КПСС. Теперь вот в печати восточноевропейских стран обсуждаются подробности чуть было не состоявшегося вторжения в Польшу армий Советского Союза, ЧССР и ГДР в декабре 1981 г. Об этом говорит в вышедшей в свет своей книге "Военное положение. Почему?" бывший президент Польши генерал Войцех Ярузельский. "Если бы я не решился на введение военного положения в декабре 1981 г., – заявляет он, – то состоялась бы советская вооруженная интервенция. Это уже доказанный факт. Руководство ПНР пошло на этот вынужденный и драматический шаг потому, что считало целесообразным решать внутреннюю польскую проблему собственными силами". Признав

большую вину возглавлявшегося им руководства и заметив, что она не должна полностью лечь только на его плечи, В. Ярузельский еще раз подчеркнул: "Введя военное положение в стране, я хотел прежде всего спасти ее от катастрофы, от советской вооруженной интервенции, защитить начало экономических реформ, которые в те годы пробивали себе дорогу в Польше"²⁰.

Главная роль в планировавшемся вторжении в Польшу отводилась, конечно, советским войскам, и можно себе представить сколько бы их там оказалось, если против гораздо меньшей Чехословакии посчитали нужным в августе 1968 г. ввести полумиллионную армию²¹. Однако и чехословацкая 45-тысячная группировка, состоявшая из одной танковой и одной мотострелковой дивизии, тоже была готова в декабре 1980 г. к броску на польскую территорию. Об этом пишет, в частности, один из бывших военнослужащих-танкистов П. Розсыпал, вспоминающий, что "в среду, 3 декабря 1980 г., наш полк неожиданно был снят с обычных учений. Ночью мы прибыли в расположение своей части, и в течение двух дней велись сборы. Нам было сказано, чтобы готовились к "временно не ограниченному пребыванию в полевых условиях". Подразделение получило полный боекомплект. Все боевые машины были укомплектованы оружием и боеприпасами, чего не делается даже перед учениями, объявляемыми командованием Варшавского Договора. Все воины носили при себе личное оружие. Подготовка велась под контролем вышестоящего командования. Нам сообщили, что вместе с частью выезжают представители военной прокуратуры и военно-полевого суда. Полк был приведен в полную боевую готовность. Это значит, что невыполнение приказа карается смертью. Мы взяли с собой кресты и "похоронные свидетельства". Далее Розсыпал сообщает, что вся 9-я танковая дивизия под командованием полковника Я. Килара выступила 6 декабря 1980 г. "В понедельник наша часть прибыла в Пардубице, другие подразделения подошли к Находу, т. е. к польской границе. Здесь мы ждали нового приказа. Каждый день получали политическую информацию о Польше, неофициально говорилось, что на ее восточной границе стоят советские войска. Утверждалось, что речь

идет об учениях, но этому никто не верил. Во вторник, 9 декабря, акция была отложена. Мы вернулись к месту расположения части, но боевая готовность сохранялась вплоть до августа 1981 г.”²².

В общем, в декабре 1980 г., вслед, значит, за введением ”ограниченного контингента” в Афганистан, была подготовлена политическим руководством СССР, советским генералитетом еще одна ”интернациональная акция”, но, слава богу, не состоялась. Затем, по свидетельству В. Ярузельского, то же самое планировалось и на конец следующего, 1981 г. За семь с лишним десятилетий реализации научного социализма коммунисты так и не создали из России ни сельскохозяйственного колосса, ни промышленного гиганта. В вооруженной же помощи ”братьям по классу” они весьма поднаторели, ибо всю страну поставили на службу, говоря словами писателя Бориса Васильева, ”уродливому военному звероящеру”, который ”пугал весь мир, влезал в чужие дела, провоцировал военные перевороты, раздувал гражданские войны и не только оглушительно лязгал оружием, но и щедро им торговал. Он держал свои войска в соседних вассальных странах и вторгся в Афганистан, заносчиво полагая это веселой военной прогулкой. Прогулка обернулась десятилетней бессмысленной и кровавой войной, оставившей народу трагедию потерь, а оборотистому начальству – афганские клинки на афганских коврах”²³.

Какими жертвами могло бы обернуться еще и вторжение в Польшу, трудно даже представить. Но одно несомненно: мировая социалистическая система рассыпалась бы на десятилетие раньше, лопнули бы, как мыльный пузырь, все структуры ”социалистического содружества”, особенно Варшавский Договор и СЭВ, канализировавшие по политической и экономической линиям руководящее советское влияние на ”соседние вассальные страны”, постоянный контроль за характером их развития.

* * *

Эти размышления о причинах краха международного коммунизма, социалистического эксперимента в восточно-

европейских странах и в бывшем Советском Союзе подводят к заключению о том, что история сработала не на марксистов-ленинцев и не на страны, составлявшие так называемый новый мир ("мы наш, мы новый мир построим..."), а на те, которые "беззаветные борцы за рабочее дело" традиционно стносили к старому миру. Жизнь показала, что именно их, капиталистический, путь был пусть жестким, но органическим, более отвечающим человеческой природе и по итогу продуктивным, а путь социалистических стран – волюнтаристским, насильственным и потому в конечном счете везде несостоятельным, оборвавшимся, как только оборвалось насилие. Несмотря на эйфорические прокламации и многочисленные обещания партийных съездов и прочих "директивных инстанций", коммунистическое руководство этих стран в принципе оказалось не в состоянии обеспечить такие демократические свободы и экономические завоевания, которые бы сделали жизнь людей "нового мира" лучше или хотя бы такой же, как в развитых государствах "старого мира".

Решить эту исторической важности задачу предстоит уже совершенно другим политическим силам, занятым сейчас расчисткой тоталитарных завалов, содействием на государственном и общественном уровнях делу возвращения России, других бывших стран социализма в русло европейской и мировой демократической цивилизации. В свое время Уинстон Черчилль заметил, что демократическая система несовершенна, ее функционирование весьма сложно. Но тут же добавил, правда, что ведь ничего лучшего человечество не изобрело. Наш провалившийся социалистический эксперимент – наглядное подтверждение справедливости этих слов. Ничего лучшего, более успешно работающего на пользу самых широких слоев населения, кроме парламентарно-демократической системы, опирающейся на многоукладную рыночную экономику, человечество действительно не изобрело. В этом аспекте глубокий смысл заключен в положении Парижской хартии, которое гласит: "Мы обязуемся строить, консолидировать и укреплять демократию как единственную систему правления в наших странах"²⁴.

Конечно, каждая бывшая страна социализма проводит

суверенный внутри- и внешнеполитический курс, исходит прежде всего из своих национально-государственных интересов, а не из неких якобы приоритетных требований пролетарского, социалистического интернационализма и тому подобных идеологических заклинаний. Но если говорить об интернациональной составляющей посттоталитарного курса, то ею, видимо, как раз и будет направленность политики на строительство, консолидацию и укрепление демократии в собственной стране и постоянная нацеленность на сильное содействие решению той же задачи и только ее одной в международном масштабе. Думается, таким образом понимаемое соотношение национального и интернационального во внутренней и внешней политике выдерживает критику, ибо придает действиям нынешнего руководства наших стран необходимую цельность, чего за долгие годы правления верных марксистов-ленинцев явно не хватало.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 78.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 289.
3. Цит. по: Взлет и падение третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 150.
4. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 133, 134.
5. Троцкий Л. Соч. Т. XIII. М.—Л., 1926. С. 146.
6. Программа и устав Коммунистического Интернационала. М., 1933. С. 5.
7. Там же.
8. Цит. по: Жданкин А. Поиск денег КПСС: много вернуть не удастся // Российская газета. 25.05.1992.
9. Нельзя, например, назвать иначе, чем проповедью экспансионизма, относящиеся к 1917 г. рассуждения Л. Д. Троцкого, что "есть сейчас на карте Европы цитадель революции, которая поддержит всякую попытку революционного народа, в той или иной форме поднявшегося против своего правительства", что если "Германия не поднимется или поднимется слишком слабо, то мы двинем наши полки им навстречу не для обороны, а для революционного наступления" (Троцкий Л. Соч. Т. 4. Ч. 1. М.—Л., 1925. С. 132).
10. Цит. по: Млынарж З. Холодом веет от Кремля. 2-е изд. Нью-Йорк, 1988. С. 280.
11. Hyland William G. The case for pragmatism // Foreign affairs, 1992, vol. 71, N 1. P. 42—43.
12. Кива А. Портрет на фоне перестройки // ЛГ-Досье. 1991. № 6. С. 4.
13. Там же.
14. Международные отношения нового типа: Вопросы теории и практики развития мировой системы социализма. М., 1978. С. 15—16.

15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 158.
16. Млынарж З. Указ. соч. С. 78.
17. Бумеранг "пражской весны" // Известия. 21.VIII.1990.
18. Коммюнике о совещании Информационного бюро коммунистических партий // Правда. 29.VI.1948.
19. Бжезинский Зб. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1989. С. 108—109.
20. Jaruzelski W. Stan wojenny. Dlaczego... Warszawa, 1992. S. 283, 396.
21. См.: Валента И. Советское вторжение в Чехословакию / Пер. с англ. М., 1991. С. 191.
22. Svědectví z r. 1980: Chystala se tehdy intervence do Polska? // Svobodné slovo. 27.I.1990. S. 4.
23. Васильев Б. На пределе // Известия. 2.I.1991.
24. Парижская хартия для новой Европы // Известия. 22.XI. 1990.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Обращение к этим вопросам – не попытка загнать анализ в старые идеологические шоры. Методологическая ясность есть условие научного исследования, в том числе осуществляемого с позиций марксизма. Ведь все его основополагающие принципы – детерминизм, классовость, партийность, историзм, единство теории и практики и др. были в предшествующие десятилетия догматизированы, трактовались однобоко, механически. Предпринимались, разумеется, усилия избавить марксистскую науку от идеологических шор, преодолеть догматизм в области методологии истории, добиться признания значимости сравнительно-исторического метода, обстоятельного изучения закономерностей развития общества, в том числе Центральной и Восточной Европы. Заметным стало, например, издание на рубеже 70-х годов коллективного труда "Очерки методологии познания социальных явлений" со статьей М. А. Барга "Методологические вопросы исторической науки". Он обращал внимание коллег на необходимость не упускать из поля зрения, "при всей универсальности социологических законов", историческую индивидуальность каждой нации, богатую палитру исторических судеб отдельных народов¹.

Но к концу 70-х – началу 80-х годов в так называемой марксистско-ленинской историографии усилилась идеологически стимулируемая тенденция унификации процесса послевоенных преобразований в восточноевропейском регионе, подведения их к общему знаменателю – изначально единообразной "реализации закономерностей социалистической революции и социалистического строительства"².

Новая полоса исторического развития, "эпоха гласности" позволили российским ученым освободиться наконец от идеологического пресса и в полный голос спросить: "что мы построили?", "так что же это было?", "откуда и куда идем?"³. В ответах специалистов-обществоведов на эти вопросы едва ли не определяющее место занимает анализ процессов в Центральной и Восточной Европе. Теперь, в частности, совсем другие условия для применения метода детерминизма, который и раньше заявлял о себе стремлением к трезвому, реалистическому подходу к действительности. Однако не секрет, что более активно он использовался для подгонки упомянутой действительности под концепцию "реального социализма", для декларирования его преимуществ. Миф о преимуществах длительное время подкреплялся ссылками на высокие темпы роста промышленного производства в странах Центральной и Восточной Европы (пока экстенсивная экономика не исчерпала своих возможностей развития). Беспристрастный анализ показывает, что объяснение этих темпов лежит в области весьма низкого стартового уровня, характерного почти для всего региона "второго эшелона капитализма" и усугубленного к тому же спадами в годы кризисов и войн, резким обострением противоречий на мировой арене, жертвами которого становились в первую очередь малые и средние страны.

Когда же выявилась вся иллюзорность расчетов на постоянно высокие темпы развития, прежде всего экономического, когда эти темпы упали до минимального уровня или даже налицо абсолютный спад производства, многие теоретики и практики начинают оперировать новым "экономо-детерминационным" трафаретом – достижениями западного рыночного хозяйства. Будучи во власти догмы примата экономики и волюнтаристских схем, но забывая о многофакторности развития, они начинают ставить на радикальный слом «реал.- социалистической хозяйственной структуры своих стран. Принимаются энергичные меры по трансформированию общества в направлении "западной модели", по конструированию некоего собственного утопического капитализма. Предполагается, что тотальное разгосударствление и всеобщая (обвальная) приватизация обеспечат функционирование общества на основе исполь-

зования рыночных механизмов, в первую очередь ускорение социально-экономического развития, а также создание саморегулирующейся народнохозяйственной системы.

Таким сторонникам принципа экономического детерминизма можно было бы возразить, что последний отнюдь не сводит проблемы общественного развития к экономике, восстановлению многообразия форм собственности, к созданию класса частных предпринимателей, который будет претендовать на участие во власти, в силу чего политические структуры трансформируются как бы автоматически. На участие во власти и управлении страной в демократическом обществе претендуют не только владельцы частной собственности. То есть чисто экономический подход к принципу детерминизма явно односторонен. В том, что налицо его своеобразный "ренессанс" в восточноевропейском регионе, сказываются последствия длительного запрета на политические и социологические науки, в результате чего историки и экономисты не могли опереться на политологический и социологический анализ, на инструментарий этих наук.

Думается, что совсем лишены детерминистского подхода те публикации, во множестве появившиеся во всех странах Центральной и Восточной Европы, в которых сквозит не лишенное наивности убеждение, что развитие этих стран, оторвавшись от здоровой основы, в определенный момент под давлением "старшего брата" свернуло на ложный путь и что достаточно-де теперь вернуться к тому роковому повороту и все пойдет совершенно иначе. Страна окажется в оптимальной системе координат, а реалии нескольких прошедших десятилетий останутся лишь страшным сном. Эта "нормальная" система координат представляется как бы прежней для этих стран и одновременно в русле современной общеевропейской цивилизации, т. е. непорочно демократической во всех деталях, полностью отвечающей потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня.

Нельзя не заметить, что это всего лишь очередная попытка идеализировать прошлое и настоящее. Вернуться на исходные позиции, тем более в мир вымышленной утопии, не удавалось никому и никогда, так же как поменяться с

кем-нибудь местами на карте мира. Как бы ни оценивались четыре послевоенных десятилетия, пульс общественной жизни, замедляясь или учащаясь, продолжал биться. Каждая из стран шла своим историческим путем, постоянно выбирая из имевшихся альтернатив и сворачивая на различных перекрестках, даже если их выбор был искусственно ограничен. Действительность за эти десятилетия изменилась безвозвратно, хотя сохранила исторически сложившиеся несущие конструкции.

Сложность и многослойность проблем, вставших на новом историческом повороте, поэтично и пронизательно определил в ночь на новый 1992 г. Вацлав Гавел: "Мы боремся не только с наследием коммунизма, но и со многими проблемами, которые колдовски опутали нашу судьбу и далекую историю. Перед нами стоит совершенно невиданная задача: вновь обрести себя"⁴.

В. Гавел очень точно подметил органическую связь истории и современности, множественность ракурсов обретения себя и выявления контуров нового общества. Мало решительно осудить и заклеить неосталинистскую политическую систему со всеми ее атрибутами как антидемократическую, "коммунистическую", т. е. отождествляемую с советской моделью партии – государства. Необходим корректный анализ природы режимов восточноевропейского региона с позиций такого принципа марксистской методологии, как историзм, и критический пересмотр имевшего особо высокий ранг в этой методологии принципа "партийности". Тут не обойтись без вспомогательного инструментария политических наук, без помощи теории традиций, исследующей, в частности, механизмы воспроизводства политических структур.

Регион средних и малых восточноевропейских наций вошел в новейшую историю со своеобразным и непростым политическим наследством. Воссоздание в этой части Европы независимых государств в условиях завершения первой мировой войны происходило на почве, подготовленной авторитарными режимами трех монархий – Австро-Венгерской, Германской и Российской, несло на себе следы политических отношений авторитарной Османской империи. Таким образом, изначально преобладал тип

политической культуры, почитавший за идеал сильную, неконтролируемую власть и с трудом признававший (или отрицавший) политические права и гражданские свободы. Известным исключением во всем регионе "второго эшелона капитализма" была лишь Чехословакия.

Ни первые послеверсальский годы, ни весь межвоенный период не смогли принципиально изменить модель развития региона, не привели к завершению буржуазно-демократических преобразований и прочному утверждению новых социально-экономических и политических структур. После кратковременного демократического сдвига в 20-е годы в абсолютном большинстве стран вновь возродились авторитарные структуры и механизмы, возобладали авторитарная (военно-авторитарная) разновидность авторитарной политической культуры, которой присущи сильная, практически неконтролируемая власть, недоразвитие и неустойчивость партийно-политических структур, размытость электората, отсутствие прочных парламентских традиций, харизматический тип политических лидеров.

В то время как Западная Европа при помощи цикла революций наработала в XIX в. в основном либерально-демократический вариант политической культуры, Восточной Европе не удалось сделать это за всю первую половину XX в. Политизация общества прогрессировала медленно. Население оставалось в своей массе равнодушным, а то и негативно относящимся к проблемам осуществления власти. Оно отнюдь не стремилось активно участвовать в политической жизни. Авторитарная власть преимущественно применяла методы прямого насилия, широко использовала идеологическое воздействие как инструмент подчинения, сохранения пассивного послушания.

В 30-е годы во всем регионе четко высветились тенденции кризиса парламентаризма, не имевшего прочных традиций и социальной базы. Государственно-бюрократический аппарат, все энергичнее вмешиваясь во все области политической жизни, шел по пути укрепления авторитарности режимов, ущемления политических прав и свобод, нарушения законности. На завершающем этапе мирового экономического кризиса в Болгарии и Греции были уста-

новлены диктаторские военно-авторитарные режимы. В Югославии (1931 г.), Польше (1935 г.), Румынии (1938 г.) и некоторых других странах принимаются новые конституции, сужавшие права представительных органов и расширявшие полномочия авторитарной власти, функции армии и всего аппарата подавления.

Военно-авторитарные режимы продолжали смещаться вправо. Они заимствовали у фашистских стран идеологические клише, пытались перенять методы управления и создать по фашистскому образцу монопартию. Однако на восточноевропейской исторической почве партии подобного толка не сумели обрести массовую базу и остались верхушечными бюрократическими образованиями. Возникавшие фашистские течения и организации массовой поддержки не получали. В этом сказалось качественное отличие авторитарных режимов от второго, тоталитарного варианта автократической политической культуры, который достаточно прочно утверждается при достижении определенного уровня политического развития общества, при его значительном политическом структурировании – как специфическая форма обуздания высокой политической активности масс, манипулирования сознанием общества, достаточно четко самоопределившегося в политическом отношении.

Тоталитарная политическая культура предполагает сочетание культа вождя, сильной власти с мобилизацией активного большинства граждан на участие в политической жизни на определенных условиях – диктуя свою систему политических норм и ценностей. Политические системы такого типа (фашистские или реликтовые автократические, декларирующие принципы социалистической демократии) основываются на относительно развитых политических структурах. Они существенно модифицируют, меняют существо ранее принятых норм и ценностей, вовлекают массы при помощи специальных политических механизмов воздействия в русло той политики, которая обеспечивает устойчивость режима более тонкими, всеобъемлющими, эффективно подчиняющими политическими методами, чем прямое насилие и идеологическое давление.

С освобождением от ига гитлеровского фашизма в ходе народно-демократических революций 40-х годов был сделан важный рывок вперед в развитии политической культуры в демократическом направлении. Однако перемены оказались весьма непоследовательными и кратковременными. Политические структуры, формировавшиеся на базе традиционной многопартийности, конечно, полнее отражали интересы широких слоев трудящихся. Но этот процесс изначально был сужен, т. е. ряд партий не допускался на политическую арену. В 1948 г. процесс демократизации политической системы был искусственно, при помощи вмешательства Информбюро прерван. Сложившиеся структуры подверглись существенной ломке. Деятельность ряда легальных, в том числе левых, политических сил была ограничена, они вытеснялись из политической жизни. В результате форсированного организационно-политического объединения коммунистических и социалистических (социал-демократических) партий господствующие позиции на политической арене заняли партии-государства советского типа.

Социальная ломка и трансформация политических структур законсервировали традиционную авторитарную основу. Политические подвижки заменили один политически активный слой другим, мало затронув основную массу населения, ее отношение к политике. На традиционные отношения между властями и обществом авторитарного типа был наложен целый набор тоталитарных форм, функционированием которых руководила партия-государство. Это принесло колоссальные потери – ликвидацию институтов народно-демократического типа, снижение социально-психологической и политической активности населения, потерю опыта партий и масс, приобретенного в период мощного революционно-освободительного подъема. Артикуляция интересов различных слоев и групп населения была резко ограничена, правовые основы многопартийности ликвидированы или существенно урезаны, любые формы политической борьбы запрещены. Утвердился тоталитарный политический диктат, всевластие партии-государства, внеправовое определение внутренней и внешней политики, приукрашиваемое беззастенчиво-апологетической пропагандой.

Адаптация населения к таким методам реализации власти осуществлялась не столько при помощи политических механизмов, сколько в результате идеологического воздействия на общественное сознание, подкрепляемого получившими повсеместное распространение методами прямого, хотя нередко тайно осуществляемого репрессивными органами насилия. Утверждавшаяся в этих условиях модель политического поведения отнюдь не способствовала росту открытости политических механизмов, не сопровождалась приращением знаний масс о политике, выработкой политических ценностей, дифференциацией политических позиций, накоплением политического опыта. Наоборот, все эти атрибуты общественной жизни подменялись внедрением "идейного монолита" – идеологическим прессом, служившим легитимации "руководящей и направляющей роли" партии-государства, партноменклатуры.

Во всех странах Центральной и Восточной Европы десятилетиями неуклонно, по советской модели, реализовывался ставивший эти страны в жестко определенные рамки курс на обеспечение "социальной стабильности". Что стояло за этим курсом, как он проводился, какие имел результаты?

Функционирование на диктуемых им основах определялось несколькими причинами, прежде всего интересами неделимой власти партократии. Во всем регионе с характерной для него особой сложностью социального ландшафта и остротой противоречий была форсированно проведена ликвидация многоукладности и многопартийности (сохранение в некоторых странах отдельных некоммунистических партий означало перевод их на роль "приводных ремней", а отнюдь не обеспечивало артикулирование "снизу" интересов каких-либо слоев). Унифицированные структуры с загнанными внутрь противоречиями казались руководству компартий более подходящими для функционирования централистского аппарата управления. Ведь действительно значительно удобнее править, когда можно обойтись без учета сложных, многоплановых общественных отношений, без хлопот по созданию и постоянному поддержанию, обновлению механизмов урегулирования социальных конфликтов, достижения компромиссов и т. д.

Идеологический каток "классового" квазиединства проглаживал общество в такт с неустанной (хотя и с разной интенсивностью) работой репрессивных органов, безусловно именовавшихся правоохранительными. В сознании населения внедрялась идея социальной уравнительности, которая ложилась на исторически унавоженную почву авторитарного общества с его низкой политизацией и, как правило, крестьянским менталитетом, с его рабским послушанием властям и верой в заботу монархов и прочих харизматических лидеров о своих подданных и т. п. Эта идея внедрялась при помощи клише "морально-политического единства" народа как характеристики социалистического строя, "общенародного государства" как необходимого этапа на пути к "бесклассовому обществу" и др. Этот авторитарно-тоталитарный флер "классового подхода" вкупе с созданием механизмов обеспечения для части населения сносного существования (при низком уровне потребностей) позволял поддерживать упоминавшийся выше миф о преимуществах "реального социализма". Не случайно, высоко оценивая идеологическую эффективность этого мифа, коммунистические руководители стран Центральной и Восточной Европы торопились причислить свои страны к когорте созидателей "развитого" социализма.

На деле же чем глубже проникала уравнительная психология "винтиков", тем на более низкую эффективность производства обрекалось общество. Рядовой труженик приобретал типичнейшие черты "хомо советикуса" – безынициативность и незаинтересованность в результатах своего труда, социальное иждивенчество, привычку полагаться на социальные гарантии и т. п.

Это явилось одной из важнейших причин революционных событий в восточноевропейском регионе на рубеже 80-х – 90-х годов. Ни в одной из стран региона официальные реформаторские силы, пытавшиеся внести изменения в структуры и функционирование политической системы, не смогли перешагнуть через модель партии-государства и пресловутый принцип "социальной стабильности" и оказались в пучине всестороннего кризиса этой системы. Стержнем обновления и дальнейшего развития стали массовые

социальные движения антикоммунистической ориентации. Характер и мощь этих движений были непосредственно связаны с применявшимися в каждой из стран региона партийно-государственными методами обеспечения "социальной стабильности".

Кровавый 1956 г. в Венгрии стимулировал отказ от массового стихийного выступления, поиск ненасильственных и результативных методов трансформации общественной жизни. Свойственный населению ГДР достаточно высокий уровень политизации проявился в более организованной форме обновленческого движения, собраний, митингов и т. д. Опыт 1968 г. продиктовал жителям Чехословакии в 1989 г. методы, позволившие гарантировать успех "нежной революции". Польский народ добился своими периодическими антиправительственными выступлениями прогрессивующей либерализации режима и перехода к политике "круглого стола". Там, где формирование некоммунистических и антикоммунистических движений, партий и организаций проходило более или менее свободно и позволяло артикулировать интересы различных групп и слоев, мобилизовать политические, а не репрессивные методы решения конфликтов и реформирования общества, движение масс не приобрело деструктивного характера, негативные поведенческие реакции блокировались в большей степени. Жесткость коммунистического режима обуславливала складывание конфронтационной модели поведения, затягивала развитие процесса политизации общества.

Сама по себе основательная трансформация структур политической системы и отлаживание ее функционирования на новой базе предполагают определенную дестабилизацию, ломку старых отношений. Нестабильность как принцип становится движущей силой прогресса, будучи нацелена на коренное преобразование общества, в ходе которого ярче выявляются, энергичнее определяются разнообразные интересы и требования, обнаруживаются назревшие потенции обновления. Именно она способствует конструированию таких структур, которые обеспечивают выявление и столкновение интересов, создание механизмов их сопоставления и мирного согласования. Такая нестабильность – естественный и необходимый элемент развития в рамках исторической целесообразности.

Однако исторически неизбежный и целесообразный посткоммунистический переходный период в регионе

Центральной и Восточной Европы к демократическому обществу протекает весьма противоречиво. Страны этого региона в основном сбросили путы тоталитарной политической культуры, но, еще не наработали "критической массы" демократических структур, позволяющих успешно преодолеть наследие авторитарного прошлого. После бурного социально-психологического сдвига население вновь теряет интерес к политике, веру в эффективность новой политической системы, в новых харизматических лидеров, завоевавших авторитет своим сопротивлением коммунизму, моральными качествами. Резко падает избирательная активность. Явно снижается необходимая для успеха преобразований легитимация демократической власти. При различной мере продвинутой в деле антитоталитарной трансформации политических структур они еще недостроены, незрелы, малоэффективны, лишь приблизительно соответствуют состоянию общества, уровню его политизации. Новая правовая система создается в муках. Самоопределение депутатского корпуса не завершено. Сотни мелких партий, организаций проходят процесс становления, укрупнения, поиска своего места на политической арене.

Труден путь к классическому распределению функций между законодательной, исполнительной и судебной властями. Авторитарное прошлое этих властей склоняет их к противостоянию. Осмысление политической реальности продолжает в значительной степени проходить в категориях "борьбы за власть", "взятия власти" и т. д., а не многопартийности, политического плюрализма. Другими словами, до полного очищения от тоталитарно-авторитарных традиций еще весьма далеко. Не доведенное до конца демократическое обновление инфраструктур сочетается с нечетким функционированием. Эта проблема наглядно обнаружилась с введением кнопочной системы голосования, позволившей многим депутатам освободить себя от трудоемкой и утомительной работы на заседаниях. В некоторых парламентах введен штраф за "прогулы", а в польском Сейме сидения оборудованы так, чтобы кнопка у пустого кресла не срабатывала.

Переходный этап грозит "затвердением" или откатом назад. Существующие структуры стремятся стабилизировать свое положение, глохнет линия на дальнейшее раз-

витие, на обновление состава и т. д. Внутриполитическая борьба оказывается сражениями в духе прошлого, консервированием противостояния сторонников и противников реформ, множит личностные конфликты. Тем временем вновь углубляется пропасть между политиками, занятыми доктринерскими спорами, и обществом, не получающим ответа на животрепещущие вопросы. Попытка действовать "в обход" при помощи плебисцитарной демократии может мобилизовать лишь сиюминутные умонастроения и не заменит серьезной политической работы. Последняя требует хорошего понимания происходящего, трезвого научного анализа с широким применением сравнительно-исторического метода, тщательным учетом объективных закономерностей развития региона Центральной и Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барг М. А. Методологические вопросы исторической науки // Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 294.

2. См.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 1982; и др.

3. Бутенко А. П. Откуда и куда идем. М., 1991; Симония Н. А. Что мы построили. М., 1991; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989.

4. Известия. 3.01.1992.

К ВОПРОСУ

О "БАРХАТНЫХ" И "НЕБАРХАТНЫХ" РЕВОЛЮЦИЯХ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Стремительный ход событий в этих странах, развернувшихся в конце 80-х годов, приковал к себе внимание политиков и политологов, практиков и теоретиков. Для многих наших соотечественников, веривших в незыблемость порядков казарменного псевдосоциализма, лавинообразное развитие этих событий в соседних, еще недавно "братских" странах стало своеобразной шокотерапией, заставившей по-иному взглянуть не только на чужую, но и на собственную жизнь. Что же произошло в этих странах, долго называвшихся странами реального социализма? Были ли это революции или контрреволюции, какой строй здесь свергался и что утверждалось? Какой этап их истории закончился и что за историческая полоса открывалась перед ними?

Два подхода к оценке происшедших перемен

Хотя прошел небольшой еще срок со времени рассматриваемых событий, сегодня нет недостатка в самого разного рода концепциях и конструкциях, пытающихся способами, доступными тому или иному автору, осмыслить суть происшедшего и происходящего. По моему глубокому убеждению главное разграничение в предлагаемых трактовках, хотя и связано с теми политическими позициями, которых придерживается конкретный автор, — а чаще всего это связано со стремлением подладиться под настроения масс, — все же лежит значительно глубже политических различий и обусловлено научностью или ненаучностью используемого подхода. Проще говоря, здесь сталкиваются подходы, базирующиеся на научном обыденном созна-

нии, сегодня весьма политизированном, и на теоретическом мышлении. В чем их суть?

Обыденное сознание, его черты и понимание. Когда речь идет о современном обыденном сознании, т. е. повседневном сознании людей и его подходе к происшедшему и происходящему в рассматриваемых странах, то важно видеть следующее: на протяжении многих десятилетий это сознание в качестве массового сознания, распространенного в странах так называемого реального социализма, было мифологизированным, воспринимающим реальную жизнь под воздействием официальной пропаганды как в царстве кривых зеркал – искаженно, причем настолько, что воспринимаемое казалось своей противоположностью: провалы были успехами, застой – прогрессом, бесправие людей труда – народовластием и т. д. Все это весьма важно учитывать, ибо в самое последнее время стала появляться даже псевдонаучная литература, не выходящая за рамки усвоенных мифов.

Наиболее распространенным мифом этого обыденного сознания является миф, согласно которому в странах Центральной и Восточной Европы потерпел фиаско социализм, что поднявшиеся массы здесь свергли разочаровавший их социалистический строй. Вряд ли кто-либо из здравомыслящих политологов и социологов согласится с этой, в принципе прокоммунистической ложью. Ведь именно коммунисты при господстве прежней тоталитарной власти внедрили в массовое сознание миф, согласно которому в этих странах уже построено социалистическое общество, соответствующее интересам человека труда. Однако это была коммунистическая неправда! Ибо не было никаких научных оснований называть общество, утвердившееся после второй мировой войны в этих странах, общество, где и политическая власть, и средства производства отчуждены от трудящихся, социалистическим. Поэтому, только оставаясь в рамках мифологизированного сознания, мысля прокоммунистически, можно утверждать, что в этих странах потерпел фиаско социализм, что народные массы разочаровались в социализме и свергли его. Добавлю еще. Если бы это был действительно социализм, т. е. общественный строй человека труда, непонятно, почему же тогда его свержение

оказалось столь легким и простым, почему оно не вызвало сколько-нибудь заметного противодействия самих трудящихся? Думаю, ответ однозначен: потому что это был не их строй, не социализм.

В рамках этого ненаучного, находящегося в рамках обыденного сознания, понимания сегодня налицо две принципиально противоположные оценки событий: с одной стороны, буржуазными демократами, стоящими на правых позициях, а с другой – просталинскими консерваторами, прикидывающимися ортодоксами, леваками. В чем суть этих оценок?

Сторонники капитализма, приверженцы буржуазной демократии, в том числе и те, кто только недавно разуверился в социализме, утверждают: да, это был социализм и тоталитаризм, ибо социализм нетоталитарным быть не может. В качестве зарубежного примера здесь может служить книга Збигнева Бжезинского "Большой провал", где речь ведется о происходящем как конце именно социализма. Отечественным примером подобной литературы является большая работа А. С. Ципко "Почему разрушился социализм в Европе?", в которой рухнувший строй тоже рассматривается как социализм¹.

Правда, подобные утверждения – о неразрывной связи социализма и тоталитаризма – начисто отвергает международный опыт социал-демократии, выступавшей за социализм и глубоко чуждой не то что тоталитарным порядкам, но и любому ущемлению демократии и свободы личности. Но, как говорится, страшнее кошки зверя нет: раз распространившийся в мире "реальный социализм" был тоталитарным, значит, социализм и тоталитаризм вообще неразрешимы. А потому и рассматриваемые события были революциями, свергнувшими социализм, появившийся как зигзаг, случайность, курьез истории.

В противоположность им приверженцы сталинско-брежневского казарменного псевдосоциализма, ортодоксы тоже считают – ведь те и другие не выходят за рамки мифологизированного сознания, – что свергнутый в этих странах строй действительно социализм, а потому происшедшие здесь события являются не революциями, а контрреволюциями, правыми переворотами. Прекрасным образчиком

подобных рассуждений может быть статья харьковского философа, профессора М. Дубрускина "О поворотах истории и "волшебнике" , где события, происшедшие в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, безоговорочно рассматриваются как "правые перевороты"².

Таким образом, любая концепция, согласно которой в странах Центральной и Восточной Европы в результате событий конца 80-х годов (а в Албании – в начале 1992 г.) был *свергнут социализм*, независимо от того, приветствуют ли она такой ход событий, называя их революцией, или осуждает его, отождествляя с контрреволюцией, – все такие концепции являются ненаучными концепциями обыденного мифологизированного сознания. Оба рассмотренных подхода суть порождение одного и того же сталинского догматизированного марксизма, пленники его мифологии, его пропаганды о повсеместных победах социализма. Но здесь необходимо одно добавление. Конечно же, утверждение о крахе здесь социализма кажется для простого человека столь же очевидным, как утверждение о восходе Солнца на Востоке и заходе на Западе. Однако даже школьникам известно, что это – только весьма наглядная видимость: само Солнце не всходит и не заходит, оно вообще не "ходит" по небу. Равным образом, считавшийся построенным здесь социализм не мог быть свергнутым, ибо его не существовало в природе.

Такова суть первого подхода, перейдем ко второму.

Теоретическое научное сознание, его черты и понимание. Оставляя бесплодную почву обыденного сознания и обращаясь к иному – теоретическому научному сознанию, следует учитывать его основную отличительную черту: оно оперирует не мифами, а фактами, не тем, как воспринимаются события массами, а что было на самом деле. Здесь нет места пропагандистским формулам и стереотипам конформистского сознания, связанного с этой пропагандой. Именно на основе такого, как мне представляется, единственно верного подхода в самое последнее время начинает пробивать себе дорогу действительно научная литература, разрывающая с мифологией и стремящаяся описать происшедшее в странах Центральной и Восточной Европы с этих научных позиций³.

Исходным пунктом этого научного понимания является тезис, согласно которому социализм как сложившийся общественный строй, отвечающий интересам людей труда, никогда не имел места в странах Центральной и Восточной Европы (да и вообще в современном мире). Вопреки коммунистической и прокоммунистической лжи о реализации здесь идеала рабочего класса, человека труда, на самом деле во всех этих странах *был реализован социальный идеал партийно-государственной бюрократии – казарменный псевдосоциализм или сталинизм* в своих конкретных разновидностях. Поэтому все разговоры о том, что в исходном соревновании капитализма и социализма победил капитализм, что народы этих стран "вкусили" социализма и, разочаровавшись в нем, свергли социализм, – все это новая, уже буржуазная мифология, идущая на смену прежней мифологии – прокоммунистической.

Вместе с тем это – реальная мифология, факт существующего сознания миллионов. Нельзя быть здравомыслящим политологом и социологом, не учитывая того, как мыслят огромные массы населения, и, если они убеждены, что здесь именно социализм потерпел фиаско, то из этого важнейшего социально-психологического (а не материального) факта надо делать далеко идущие выводы как для оценки условий общественного развития, так и для практических действий всех, в том числе левых сил (скажем, в такой обстановке смешно распространяться о коммунистическом идеале, что может вызывать раздражение и возмущение у населения; не следует удивляться обилию заблудившихся идеологов, не говоря уже о разного рода антикоммунистических крикунах и их подголосках, ибо все это естественные выбросы больного сознания, и т. д.). Хорошо известно, насколько опасно мифологизированное общественное сознание, насколько кровавой может оказаться цена, уплачиваемая тем или иным народом за освобождение от него, за отрезвление.

Возвращаясь к рассматриваемой проблематике, не к мифологизированному, а научному подходу к свершившимся событиям, следует подчеркнуть, что в рамках уже этого научного подхода, базирующегося на фактах, на признании того, что действительного социализма в этих

странах никогда не было, а значит не может быть и речи о том, что народы разочаровались в действительном социализме, сегодня налицо два отличающиеся подхода: с одной стороны, подход тех, кто считает, что сталинизм и номенклатурная бюрократия только извратили принципы социализма и привели к утверждению в рассматриваемых странах не истинного, а *деформированного социализма*, поддающегося исправлению и обновлению; с другой же стороны, мнение тех, кто считает, что речь следует вести не о деформированном социализме и его кризисе, а о *казарменном псевдосоциализме* и связанном с ним социально-экономическом тупике, о случившемся здесь большом историческом зигзаге, о происшедшем в этих странах разрушении общечеловеческих механизмов естественноисторического прогресса, о возникновении здесь внеформационных социально-экономических структур и образований, о сходе этих стран с общей линии прогресса и прозябании их на обочине человеческой цивилизации. Мне лично представляется правильной именно эта вторая позиция⁴.

Объективные тенденции и субъективный фактор, характер революций

Стремясь исходить из реальных фактов, а не из представлений о реальности, попытаемся соотнести объективное и субъективное в происшедших революциях. Реальный смысл необходимых назревших здесь перемен заключался в следующем. Общества, о которых идет речь, были общественными устройствами, гораздо более неприемлемыми для людей труда, чем современный цивилизованный капитализм, и не только в экономическом, но также в политическом, идеологическом и нравственном смысле. Но эти общества вовсе не находились накануне одной из известных истории революций, когда в той или иной стране возникают препятствия поступательному развитию цивилизации в виде системы отживших общественных отношений, тормозящих это развитие, препятствующих ему. Нет! Все эти страны не были беременны такого рода революциями; а были больны и как раз потому, что в силу совершённых коммунистами преобразований в них были разрушены

механизмы естественноисторического прогресса, в связи с чем возникшие здесь события как раз и явились общественной реакцией на начавшийся процесс застоя и разложения.

Другими словами, это были революции, не известные марксизму, не укладывавшиеся в прокрустово ложе его схем. Ведь те революции, которыми до сих пор занималось марксистское обществоведение, суть революции, происходившие на тех или иных ступенях общеисторического восхождения человечества, его прогресса. Здесь же речь шла о революциях в странах, оказавшихся вне этого общего восхождения, на обочине истории, в социально-экономическом тупике, о революциях в целях разрыва с тупиковой линией эволюции, возвращения в лоно цивилизации.

Поскольку назревшие общественные потребности и необходимые перемены никогда не реализуются самотеком, не достигаются автоматически, поскольку их творцами всегда являются живые люди, так или иначе осознающие свои потребности и интересы, всегда имеющие те или иные представления о необходимых общественных переменах и действующие в соответствии со своими устремлениями и со своим пониманием событий, то нет ничего более ошибочного при анализе революционных перемен, чем пренебречь существующим пониманием. Насколько это важно, можно проиллюстрировать тем, что на основе одних и тех же объективных условий, из одних и тех же социально-экономических противоречий могут вырасти и стихийный бунт, и сознательная революция.

Главным субъективным фактором, оказывавшим решающее воздействие на ход и исход революций в странах Центральной и Восточной Европы, было почти полное отсутствие у основной общественно-политической силы общества – у рабочих и всех трудящихся – своих собственных организаций, партий, самостоятельных профсоюзов, способных выражать и отстаивать интересы трудящихся, спланировать их на активные действия в ходе революционных перемен. Преступление так называемых "правящих марксистско-ленинских партий" вовсе не сводится только к тому, что они, оторвавшись от масс, обюрократившись, стали выражать интересы партийно-государственной бюро-

кратии, превратились в становой хребет административно-репрессивной системы, которая завела эти страны в кризисное состояние и даже в социально-экономический тупик. Их преступление не в меньшей мере заключается также в том, что на переломном рубеже истории, когда принимались судьбоносные решения о будущем строе, о перспективах общественного развития, именно компартии, погрязнув в расчетах на самоспасение, лишили рабочий класс, трудящихся самой возможности осознать происходящее, свои интересы и свою роль в развертывающейся борьбе, лишили их средств воздействия на ход перемен в этих странах в духе своих интересов.

Стремясь выделить общие черты всех происшедших здесь весьма неодинаковых изменений, можно утверждать, что суть рассматриваемых революций заключается в разрушении тоталитарных порядков казарменного псевдосоциализма. Как бы ни развивались события и как бы они ни воспринимались участниками, их объективным результатом стало то, что прежнему тоталитаризму пришел конец. В этом смысле это – *народные, антитоталитарные революции*. Но утверждать только это недостаточно. Происшедшие и происходящие здесь революции имели ту принципиальную особенность, что они развернулись в обществах "реального социализма", т. е. в условиях господства специфического псевдокоммунистического тоталитаризма, когда под видом упразднения отживших капиталистических отношений были разрушены механизмы естественноисторического прогресса, в виду чего рассматриваемые страны сошли с общего пути цивилизационного развития, оказались в тупике, на обочине общественного прогресса.

Поэтому самая глубокая сущность этих революций заключается в разрушении политических и экономических структур, закрепляющих состояние социально-экономического тупика, в восстановлении общечеловеческих механизмов прогресса, в возвращении этих стран в лоно человеческой цивилизации. Рассматривая происшедшее и происходящее с этой стороны, можно сказать, что это – *революции возобновления механизмов прогресса*, гораздо более глубокие по своему содержанию, чем любой из когда-либо совершавшихся революционных переходов. Поэтому к характе-

ристике рассматриваемых революций совершенно неприменимы привычные марксистские критерии и понятия, относящиеся к революциям, разделяющим и соединяющим общественно-экономические формации или этапы внутри формаций. Это и понятно: прогресс и регресс, цивилизация и антицивилизация – гораздо более сложные и комплексные понятия, чем общественно-экономическая формация, и то, что является качественным переломом к первым двум процессам (прогрессу и регрессу, эволюции цивилизации и антицивилизации), несоизмеримо масштабнее в сравнении с революцией в рамках формационного развития.

Если эту общую антитоталитарную, противотупиковую нацеленность рассматриваемых революционных перемен конкретизировать, то объективное социально-экономическое содержание этих революций, взятых в своих главных чертах, сводится к тому, чтобы: во-первых, покончить с тоталитарными политическими режимами, для чего необходимо свергнуть господство номенклатурной бюрократии, которая здесь узурпировала политическую власть трудящихся, и вернуть властные функции самому народу; во-вторых, сломать путем разгосударствления и приватизации тупиковые экономические структуры мобилизационной экономики и казарменного псевдосоциализма, связанные с бюрократическим огосударствлением средств производства и их отчуждением от трудящихся и создать смешанную экономику рыночного типа, чтобы таким путем воссоздать механизмы естественноисторического прогресса, вывести общество из социально-экономического тупика, вернуть его в лоно цивилизации; в-третьих, реализовать материальные, политические и духовные интересы людей труда, обеспечить права и свободы граждан, наций и народов.

Реальный ход и типы совершающихся революций

Сегодня иногда говорят о том, что революции, происшедшие в странах Центральной и Восточной Европы, не оправдали надежд (творцы "бархатной" революции, чешские студенты, даже нарекли ее "украденной революци-

ей”), о том, что многое в действительности оказалось не столь радостным, как это поначалу предполагалось. В чем истоки этих уже обнаружившихся разочарований? В чем “тайна украденной радости”? Революцию совершали одни, а к власти пришли другие. Первопричина – в состоянии субъективного фактора, т. е. в ложном понимании происходящего массами населения; это сочеталось с тем, что рабочий класс, трудящиеся оказались без своего политического авангарда, а потому в судьбоносные дни демократического переворота они не смогли осознать и выразить свои коренные интересы. Данное обстоятельство имело далеко идущие последствия.

Реально революционные события разворачивались так: во-первых, народ одержал победу, свергнув тоталитарную власть партийно-государственной бюрократии, но закрепить победу в свою пользу ему не удалось – отбираемая у бюрократии политическая власть попала не в руки трудящихся, а в руки политической элиты пробуржуазной ориентации; во-вторых, под давлением недовольства масс, отчужденных от средств производства и отвернувшихся от устоев казарменного псевдосоциализма и мобилизационной экономики, совершается поворот к смешанной рыночной экономике, способной вывести страну из социально-экономического тупика, вернуть страну в лоно цивилизации, но при этом восстанавливаются капиталистические механизмы прогресса, сохраняющие отчуждение трудящихся от средств производства; в-третьих, под прессом народного недовольства рухнула прогнившая и насквозь лживая бюрократическая система псевдореализации экономических, политических и духовных прав трудящихся, а на смену ей приходит обычная система прав и свобод граждан и наций обычного демократического буржуазного общества.

Конечно же, революция в каждой стране шла и идет своим особым путем, ибо в каждой стране своя совокупность проблем и трудностей, своя конкретная расстановка общественно-политических сил. Но жизнь, исторический опыт уже показывают: где бы ни разворачивались антитоталитарные реставрационные революции восстановления прогресса, они неизбежно идут через разгосударствление и

частичную приватизацию бюрократической собственности, через создание смешанной рыночной экономики. Но возможны два основных типа таких революций: один тип – возвращение в лоно цивилизации посредством реставрации устоев западного эксплуататорского общества (по монетарной модели, например, или кейнсианской), а другой тип – возвращение в лоно цивилизации посредством утверждения механизмов прогресса смешанной, социально ориентированной экономики, сохраняющей социалистическую перспективу. Успехи экономического возрождения, достигнутые современным Китаем на этом последнем пути, стремление двигаться по нему же ряда республик бывшего Советского Союза – показатель интенсивности ведущихся здесь поисков.

Вместе с тем было бы неправильно думать, будто народы тех стран, руководители которых намерены возвратиться на капиталистический путь, – безропотная паства, обреченная на вечное повиновение. Вряд ли кто может сомневаться в том, что острое чувство социальной несправедливости, заставившее массы студентов и рабочих, учащихся и служащих рассматриваемых стран выйти на улицы и площади, чтобы устранить узурпаторов – партийно-государственную бюрократию, будет молчать, смиряясь с новыми узурпаторами власти и откровенными эксплуататорами. Конечно, сейчас трудно загадывать, как и когда развернется и станет массовой эта борьба, какие формы она будет обретать в разных странах этого региона. Массовая безработица и забастовки уже налицо, а структурная перестройка экономики как дамоклов меч угрожает будущему. Поэтому нет никаких убедительных аргументов, которые опровергали бы то, что здесь неизбежен новый тур борьбы рабочих, всех трудящихся за социальную справедливость и ее идеалы.

Те события, которые уже сегодня сопровождают только начинающиеся экономические перемены, говорят сами за себя. Если даже относительно немногочисленные армии безработных в восточных землях Германии (бывшая ГДР), Польше, Чехословакии начинают выходить на улицы, требуя учета своих интересов, то можно не сомневаться в том, что неизбежная структурная перестройка экономики не останется без общественно-политических последствий.

Поэтому как-то даже неловко читать писания, в которых под воздействием происходящего снимаются с повест-

ки истории проблемы социальной справедливости, равенства и социализма. Продолжая размышлять эгоцентристски, некоторые наши авторы рассуждают по принципу: если у нас не получилось, то и ни у кого не получится. Но жизнь еще громко посмеется над подобным националистическим отупением. Ибо только люди, ничего не понимающие в общественном развитии, могут поражение "реального социализма", крах сталинизма и его детища – казарменного псевдосоциализма принять за "прощание с социализмом". Пока есть в обществе богатые и бедные, будет жить и идея социальной справедливости, а идея социализма не исчезнет раньше, чем будет устранена возмущающая людей эксплуатация человека человеком. "Сейчас, – говорил президент Португалии Мариу Соареш, – страны Центральной и Восточной Европы, которые освободились от коммунистических режимов, проходят через период эйфории и жажды свободы. Но за этим неизбежно придут экономические трудности. Народы этих стран столкнутся с финансовыми потрясениями, нехваткой потребительских товаров, проблемой занятости. В условиях рыночной экономики появятся очень богатые люди, другие же станут очень бедными, окажутся на обочине жизни общества. Это, в свою очередь, со всей остротой поставит в повестку дня вопрос о социальной справедливости. И тогда вновь возродятся идеалы демократического социализма"⁵. А вместе с тем обнаружится банкротство тех, кто перемену собственных настроений и взглядов принял за логику самой истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бжезинский Зб. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1989; Ципко А. С. Почему разрушился социализм в Европе. М., 1990.

2. Правда. 17.VII. 1991.

3. См. в частности: Князев Ю. К. Характер революций в странах Восточной Европы и возможные направления дальнейших преобразований. М., 1991.

4. См. подробнее: Бутенко А. П. Кризис или тупик // Московская правда. 15.V.1990; Он же. Почему так идет перестройка? // Через тернии. М., 1990. С. 379–401; Он же. Исторический тупик: как из него выйти? // Урал. 1990. № 9. С. 83–121.

5. Московские новости. 1990. № 43. С. 13.

ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИЙ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

На первых порах события конца 80-х – начала 90-х годов в Центральной и Восточной Европе воспринимались аналитиками как перемены, аналогичные по своей направленности и возможным последствиям перестройке в СССР. Поэтому оценивались они почти исключительно в позитивном плане. Очень скоро, однако, единодушие в оценках сменилось, по мере дальнейшего развития процессов, появлением различных и даже противоположных точек зрения в советской и восточноевропейской общественной и научной мысли. Политические и идеологические, а затем и общественно-экономические перемены в большинстве стран оказались столь радикальными, а их последствия настолько неожиданными, что они никак не укладывались в привычные представления о возможных путях трансформации общества, в котором, согласно широко распространенной догме, "социализм победил полностью и окончательно".

С характере революций в странах Восточной Европы

К 1991 г. оформились по меньшей мере три точки зрения по этому вопросу. Одни считают, что в четырех странах (ГДР, Болгарии, Чехословакии и Румынии) в конце 1989 г. свершились массовые народно-демократические революции, в результате которых произошла смена власти, к управлению государством пришли новые политические силы, которые провозгласили и начали осуществлять свой курс в общественной, политической и социально-экономической жизни. Перемены революционного характера имели место на протяжении 1989–1990 гг. также в Венгрии, Польше и Югославии. Хотя они и не сопровождались массовыми вы-

ступлениями, но явились итоговым результатом, скоротечным завершением длительных эволюционных процессов, происходивших в них в течение последнего десятилетия. В этих странах долгое время превалировали экономические аспекты преобразований, связанные с безуспешными попытками выхода из затянувшегося экономического кризиса, но эволюция и там привела к политическим переменам революционного значения. С конца 1990 г. стали происходить аналогичные сдвиги и в Албании.

Другие, ссылаясь на отсутствие глубинных преобразований в обществе, на сохранение в основном прежних производственных отношений, на незаконченность реорганизации власти и других политических процессов, склонны оценивать те же самые события как верхушечные перевороты, приход к власти альтернативных сил, не имеющих четкой программы переустройства общества и потому обреченных на неудачу и скорый бесславный уход с политической арены.

Третьи вообще считают происшедшие события не революциями, а контрреволюциями, поскольку они, как это показало дальнейшее их развитие, носили антикоммунистический характер, привели к отстранению от власти бывших правящих коммунистических и рабочих партий и отказу в большинстве стран от социалистического выбора.

Несмотря на внезапный и лавинообразный характер революций, прокатившихся по упомянутым четырем странам и захвативших их одну за другой через весьма короткие промежутки времени, вместившиеся в общей сложности в двухмесячный период (ноябрь – декабрь 1989 г.), несмотря на схожесть сценариев этих событий (спонтанные массовые демонстрации и митинги, отставки высших партийных и государственных руководителей или их арест, кадровое обновление руководящих органов, а затем создание новых организационных структур, появление на политической арене множества общественных движений и политических партий, приход к власти оппозиционных прежнему режиму сил в результате их победы на свободных многопартийных выборах, прошедших во всех семи странах с июня в 1989–1990 гг.), нет никаких оснований говорить о какой-то взаимной координации между действовавшими в каждой стране политическими силами. Более того, конкретные поводы для начала этих спонтанных событий были разными в отдельных странах (от массового стремле-

ния к эмиграции из ГДР до столь же массового выступления против ненавистной диктатуры Чаушеску в Румынии или исчерпания резерва доверия к реформаторским программам правящей партии и однопартийного правительства в Венгрии).

Но вопреки всей специфике общая направленность революционных движений была одноплановой – это были выступления против тоталитарных режимов власти, против отсутствия или грубых ограничений и нарушений общепринятых в мире прав и свобод граждан, против засилия бюрократических структур управления. Одновременно это был протест против социальной несправедливости в обществе, против незаконных привилегий и коррумпированности господствовавших партийных и государственных структур, низкого или постоянно снижавшегося уровня жизни народа (влияние последнего фактора не было, разумеется, одинаковым в каждой из рассматриваемых стран, но он всюду присутствовал, включая и более благополучные в этом отношении ГДР и Чехо-Словакию, по крайней мере в плане сопоставления этого уровня с развитыми странами). Наконец, это было массовое отторжение административно-командной, однопартийно-государственно-бюрократической системы управления экономикой, приведшей к нарастанию экономических трудностей, к бесхозяйственности и расточительству национальных богатств, ввергшей все восточноевропейские страны без исключения в глубокие экономические кризисы и неспособной найти из них достойного выхода.

Следовательно, речь идет не о верхушечных переворотах, а о массовых (о чем говорят не только многотысячные демонстрации и митинги, но и результаты проведенных затем в каждой стране всеобщих выборов) революциях, несших в себе большой отрицательный (в смысле отвергающий старое) заряд. Но как показали дальнейшие события, это были не только революции "против", но и революции "за", а именно – за установление подлинной демократии и свободы, за политический плюрализм, за социальную справедливость, улучшение материальной и духовной жизни народа, признание приоритета общечеловеческих ценностей, за эффективную экономику, развивающуюся по законам и критериям, действующим в высокоразвитых цивилизованных обществах.

Нельзя, конечно, отрицать, что революции прежде

всего коснулись чисто политической сферы. Первоначально они не проникли в глубинные пласты базиса общества, слабо затронули производственные отношения (т. е. отношения собственности) и поэтому могли выглядеть "легковесными" и незаконченными, а следовательно, подвергаться сомнению с позиций полного набора требований, которым должны отвечать истинно революционные преобразования. Но в то же время перемены в Восточной Европе обозначили начало фундаментального процесса, который уже можно считать необратимым. По своим глубинным последствиям эти перемены означают исторический поворот в судьбах соответствующих стран, хотя еще остается неясной окончательная направленность этого поворота. Но вполне очевидно, что в этих странах покончено с тем, что мы называли "реальным", "развитым" социализмом, что в одночасье рухнула так называемая "мировая система социализма" и "социалистическое содружество". Есть достаточно оснований для характеристики происходящих в регионе с 1989 г. событий и трансформаций как глубоко революционных.

Что касается третьей точки зрения, то она может быть верной только при одном условии – что существовавшие в восточноевропейских странах общества были действительно социалистическими. Революции в Центральной и Восточной Европе можно назвать антикоммунистическими только в одном смысле – они действительно направлены своим острием против безраздельно правивших там коммунистических и рабочих партий, которые сами признали свою ответственность за нынешнее тяжелое положение, деградацию и серьезное отставание этих стран от развитых капиталистических государств. Иного и не могло быть, так как эти партии утратили доверие самых широких слоев трудящихся, которые справедливо отождествляли их с навязанным ими идиотским обществом и потеряли веру в возможность его обновления под руководством все тех же политических сил.

Само же это общество, на наш взгляд, имеет слишком мало оснований называться социалистическим, чтобы его отрицание можно было бы считать антисоциалистической контрреволюцией. Не говоря уже об оппозиционных силах, сами бывшие или реорганизовавшиеся и сменившие свои названия правящие партии сегодня признают, что общество однопартийно-государственно-бюрократической дикта-

туры не соответствует критериям подлинного социализма. Поэтому в их новых программах ставится задача создания демократического, гуманного социализма, т. е. по сути дела совсем другого общества.

С чисто научной точки зрения недемократическое и тем более антидемократическое, тоталитарное общество по определению и по сути не может быть социалистическим; на худой конец оно достойно названия квази- или лжесоциализма. Построенное в восточноевропейских странах общество, господствующее положение в котором занимал партгосаппарат, а народ был отстранен от власти, где отсутствовали естественные рыночные отношения, замененные административно-командными, бюрократическими методами управления экономикой, нельзя назвать социалистическим прежде всего потому, что в нем не господствовали социалистические производственные отношения (эти специфические общественные отношения скорее напоминали партийно-государственный феодализм, чем прогрессивный в определенных условиях госкапитализм), а следовательно, отсутствовала и социалистическая политическая надстройка, призванная обеспечивать реальную власть трудящихся. Именно поэтому революции, имевшие прежде всего антитоталитарную, антибюрократическую направленность, не привели в восточноевропейских странах к установлению подлинно социалистической демократии, т. е. демократии для трудящихся: без господства социалистических производственных отношений такая демократия просто невозможна. В странах региона установилась многопартийная политическая система и начался переход к классической парламентской демократии.

Итак, события 1989–1990 гг. в странах Центральной и Восточной Европы нельзя оценивать иначе, как неизбежные и объективно обусловленные и в этом смысле неотвратимые революции, но ни в коем случае как антисоциалистические контрреволюции. Неминуемое крушение сложившейся в них системы, экономически неэффективной даже в наиболее развитых странах (ГДР, Чехо-Словакия), недемократичной и антигуманной в политическом, социальном и морально-этическом отношениях, было только вопросом времени.

О возможных направлениях дальнейших общественных преобразований

Политические и общественно-экономические преобразования в странах Центральной и Восточной Европы проходят почти в полном теоретическом вакууме. В большинстве стран применяются чисто прагматические подходы, и пришедшие к власти новые политические силы вполне естественно движутся в направлении от не оправдавшего себя "социализма" к процветающему капитализму.

В рассуждениях о возможном облике общественной системы, которая может возникнуть в указанных странах, все сильнее звучат мнения, что сегодня нельзя пользоваться двухцветным, черно-белым изображением. Оперирование понятиями "капитализм" и "социализм" себя исчерпало, и на смену биполярности приходит плюрализм обществ, которые нельзя свести к той или иной системе. Некоторые теоретики считают, что невозможен как социалистический выбор, так и третий путь – средний между капитализмом и социализмом. Остается лишь столбовая дорога применения универсальных принципов мировой цивилизации с учетом национальных и исторических особенностей конкретных стран. Значит, если говорить открытым текстом, западный путь развития объявляется вечным и неизменным, никакой альтернативы ему нет и быть не может, а восточноевропейским странам предлагается искать лишь свои национально-исторические формы организации капиталистического общества. Следовательно, сторонникам социалистической идеи, социалистического выбора как на Западе, так и на Востоке ничего якобы не остается, как признать современный капитализм социализмом и довольствоваться поисками несущественных его особенностей в отдельных странах.

В условиях всеобщего отрицания прежнего пресловутого "социализма" и коммунизма даже как весьма далекой перспективы действительно очень трудно отстаивать возможность альтернативы развитию западному обществу. Но это все-таки нужно делать, так как современная западная цивилизация далеко не совершенна. В ней, с одной стороны, господствуют крупные частнокапиталистические

собственники, а с другой – существуют наемные работники, пассивные исполнители, которых пока большинство и которые отстранены от собственности и власти. Эта цивилизация перерастет и в конечном счете может перерасти в более справедливое общество, не теряя своей экономической эффективности. Это общество, возможно, и станет истинным социализмом, но оно пока еще таковым не является, как и не было таковым общество, называвшее себя социалистическим. Следовательно, ни о каком третьем пути действительно не может быть и речи, так как второго пути просто еще в истории не было, ибо он оказался тупиковым. Но как в теоретическом, так и в практическом плане второй путь и возможен, и исторически неизбежен. Так что говорить о капитализме и социализме пока еще нужно, а вот чего не надо – так замазывать существенную разницу между ними, имея в виду, конечно, социализм не мнимый, а истинный, аутентичный, в котором нет, кстати, ничего общего с нашими извращенными представлениями о полном, зрелом коммунизме.

Подлинный социализм как исторически оправданная альтернатива современному капитализму

Так о каком социализме можно и нужно вести речь? Ответ на этот вопрос надо искать не только в теории, но и в реальной практике. После проведения в восточноевропейских странах первоочередных политических преобразований на передний край властно вышли экономические процессы. Больше того, именно экономические преобразования, их наличие или отсутствие, их направленность сейчас определяют дальнейшую судьбу рассматриваемых стран. Революции, победившие на почве отторжения тоталитарных, однопартийно-государственных и командно-административных режимов, очень быстро определили и самую общую позитивную платформу, общепризнанное направление движения – к демократии и рынку. Конечно, понимание демократии и рынка не одинаково как в разных странах, так и внутри этих стран. Но тем не менее это может стать той объединяющей идеей, вокруг которой пойдет сплочение общества. Главное сейчас – это добиться общего

понимания необходимости и неотвратимости перехода к рыночной экономике, которой просто нет альтернативы.

Ключевой вопрос становления рыночной экономики — вопрос о субъектах рынка. От характера этих субъектов зависит в конечном счете и выбор той или иной модели общественно-экономического развития. Если такими субъектами, помимо бесспорных мелких и средних частных предприятий и кооперативов, будут также и крупные частные предприятия (включая и акционерные общества на основе крупной частной собственности), образованные путем приватизации (продажи) государственных предприятий, то неминуем трудный, мучительный переход в конечном счете к тем или иным образцам современной высокоразвитой западной цивилизации. Есть ли альтернатива этому пути? Думается, что есть. Реально такой альтернативой может стать общество, отвергающее господство только крупной частнокапиталистической собственности и соответствующую ей политическую систему, которая отстраняет массы трудящихся от осуществления политической и экономической власти. Именно эту альтернативу и можно назвать истинно социалистической. Она основана на использовании таких общечеловеческих ценностей, как универсальные права и свободы граждан, политическая демократия в качестве антипода любой диктатуре, рыночная экономика в ее западном облике со всеми своими объективными закономерностями, действующими в современных развитых рыночных хозяйствах (включая свободное ценообразование на основе рыночной стоимости, закон средней нормы прибыли на капитал и другие), а также плюрализм и равноправие всех форм собственности (исключая только крупную частнокапиталистическую).

Что же может заменить на рынке крупные частные предприятия? Конечно, не государственные, которые, как показывает практика развитых стран, не смогут стать конкурентоспособными на свободном рынке. Представляется, что в результате неизбежного разгосударствления могут появиться эффективные рыночные субъекты на основе коллективной собственности трудовых коллективов при обязательной ее индивидуализации путем передачи (на платной или бесплатной основе) акций или паевых серти-

фикатов членам этих коллективов. В отличие от коллективной, индивидуальная собственность акционеров или пайщиков является не функциональной и не имущественной (в смысле не натурально-вещественной), а только присвоенческой и управленческой. Акции, например, дают право их владельцу на присвоение части прибыли и части стоимости средств производства в денежной форме при продаже их другому лицу, на участие в управлении предприятием соразмерно доле имеющих у владельцев акций в их общем смысле. Но они не дают права на изъятие части средств производства в натурально-вещественном виде, которые в любом случае сохраняются в функциональной и имущественной собственности всего коллектива и в управлении совета акционеров (пайщиков) и профессионалов-менеджеров, находящихся на службе у коллектива-собственника.

Такое понимание социалистической собственности как коллективно-индивидуальной предполагает двойственное положение трудящихся в общественном производстве. С одной стороны, они являются коллективными и индивидуальными собственниками и как таковые участвуют в управлении предприятиями и в присвоении результатов их деятельности, а, с другой стороны, оставаясь собственниками своей рабочей силы, они по законам рынка труда продают ее коллективу своего или любого другого предприятия. Статус собственника не дает работнику как наемному рабочему никаких привилегий: он может быть уволен с предприятия, оставаясь его акционером. Коллективизм перестает быть принудительным, так как работник может всегда по своему желанию уйти в сферу частного предпринимательства и индивидуальной трудовой деятельности. Оставаясь же в своем трудовом коллективе, он имеет двойной интерес в успешной работе предприятия: как собственник акций и как собственник своей рабочей силы.

За неимением практического опыта трудно с уверенностью сказать, окажется ли такое предприятие достаточно эффективным как рыночный субъект. Но одно очевидно: если и есть альтернатива частнокапиталистическому предпринимательству, то он может быть только на основе коллективно-индивидуальной собственности на государ-

ственные предприятия. Такой путь разгосударствления представляется наиболее быстрым из всех возможных и наиболее приемлемым для трудящихся в тех странах, где массовое сознание сопротивляется их превращению в обычных наемных рабочих, отделенных от средств производства (в имущественном смысле), и возрождению крупных капиталистических собственников. Если даже трудящиеся и продадут свои акции новому классу частных предпринимателей, то это произойдет постепенно и менее болезненно, чем при варианте немедленной капитализации общества.

Этот альтернативный вариант, противостоящий исключительно частнокапиталистическому предпринимательству, открывает наиболее быстрый, массовый путь вхождения в рыночную экономику двумя параллельными потоками: развитием мелкого и среднего частного бизнеса и преобразованием госпредприятий в коллективные предприятия и акционерные общества. При этом сохраняющиеся государственные предприятия также оказываются в общей рыночной инфраструктуре и вынуждены будут доказывать свою жизнеспособность в условиях свободной конкуренции всех других форм собственности. Такие преобразования в экономике будут способствовать снятию политической и социальной напряженности в обществе и дальнейшему развитию демократических структур власти. Как нельзя было без политических преобразований приступить к глубоким экономическим трансформациям, так и дальнейшая демократизация общества невозможна без скорейшего возникновения рыночных структур в экономике.

Таким образом, ускоренный вариант вхождения в рынок возможен на путях не столько классического (т. е. капиталистического) первоначального накопления, сколько разгосударствления монопольной собственности и трансформации ее в рыночные формы хозяйствования на основе коллективно-индивидуальных форм собственности и соответствующих акционерных, паевых, смешанных типов предприятий и обществ. Именно в этом смысле понимается движение к истинному социализму, к отличному от капитализма господствующим производственным

отношениям и вырастающим на их основе структурам демократии в ее первоначальном понимании как народо-властия.

Возможные пути перехода к современному капиталистическому обществу

В большинстве стран региона наиболее привлекательным на данном этапе оказался путь развития в направлении перехода к современным лучшим образцам западной цивилизации. Коммунистические и рабочие партии, безраздельно находившиеся у власти более четырех десятилетий, не только упустили имевшийся у них шанс воплотить на практике идеи социализма, но и дискредитировали их в глазах своих народов и мирового общественного мнения. Именно поэтому другие политические силы получили свой шанс повести соответствующие страны по альтернативному пути, отвергнув саму возможность какого бы то ни было социалистического выбора.

Возникает вопрос относительно реальности такого пути, длительности, характера и особенностей переходного периода. В принципе этот путь практически возможен, о чем говорит опыт бывшей ГДР, вошедшей в состав Германии, хотя он и уникален, поскольку осуществляется в неповторимых для других стран условиях (в рамках объединившейся Германии, при немедленном распространении на ее новые земли механизма западногерманской общественно-экономической и политической системы и при финансовой и иной помощи со стороны бывшей ФРГ). Тем не менее этот опыт весьма показателен, ибо он дает примерную картину структурных и социальных преобразований, результатов перехода к современной рыночной экономике.

Что касается других стран, которые стремятся стать на этот путь, то их переходный период будет гораздо более сложным, постепенным и весьма продолжительным. Постепенность и продолжительность таят в себе серьезные опасности разного рода, включая попятные движения и проблематичность самой возможности достигнуть первоначально провозглашенную цель в случае серьезных

изменений в соотношении общественно-политических сил в отдельно взятых странах.

Ничуть не умаляя шансов перехода любой из этих стран на рельсы капиталистической цивилизации, хотелось бы вместе с тем указать на объективные и субъективные факторы, которые будут этому противодействовать. К объективным факторам можно отнести унаследованную странами региона громоздкую, архаичную экономическую структуру, которую весьма трудно изменить и осовременить, а тем более приватизировать. Для оздоровления и модернизации экономики в каждой стране потребуются свои специфические методы и пути, которые, однако, станут применяться в рамках действия объективных законов развития производительных сил, уровень которых еще долгое время будет лимитировать амбициозные субъективные стремления. Сюда же можно отнести огромный по численности рабочий класс, который будет в разных формах сопротивляться восстановлению своего классического статуса только наемной рабочей силы, отчужденной от собственности на частнокапиталистических предприятиях, а также реально господствующие в обществе уравнилельные настроения в оплате труда и распределении социальных благ, что несовместимо с любой рыночной, а тем более с капиталистической экономикой.

Из субъективных факторов наиболее серьезным представляется сохранение на политической сцене левых, социалистически ориентированных сил, которые через некоторое время смогут окрепнуть и предложить обществу свои новые, привлекательные для народа альтернативы. Каково же может быть содержание, общественно-экономический характер этого переходного периода? По своей сути это будет переход от государственно-монополистического, централизованно-волюнтаристского экономического строя к частнокапиталистическому рыночному хозяйствованию, т. е. к постепенному возникновению и распространению, а затем превращению в господствующие капиталистических производственных отношений на базе частнокапиталистической собственности на средства производства. Практическим путем осуществления перехода является, как это показывает уже имеющийся опыт, приватизация государ-

ственной собственности (целиком или ее преобладающей части) и внедрение универсальных рыночных отношений. Очевидно, что как первая, так и вторая задачи тесно связаны друг с другом, должны решаться одновременно и при постоянном взаимодействии.

Поскольку темпы трансформации собственности и перехода к рынку зависят от наличия соответствующих правительственных программ, степени их радикальности, поддержки со стороны различных, включая оппозиционных, партий и разных слоев населения, готовности оказывать содействие по пути общественно-экономических преобразований будет, несомненно, отличаться специфическими особенностями в конкретных странах, и прежде всего глубиной и темпами этих преобразований, своеобразными формами их осуществления. В разных странах проявляются различные подходы к разгосударствлению собственности, ее приватизации и реприватизации, развитию мелких и средних частных предприятий, созданию акционерных обществ и смешанных компаний, допущению иностранных частных капиталовложений, проведению земельных реформ. То же самое можно сказать и об избираемых путях и темпах перехода к свободному рынку в его плюралистическом и комплексном понимании (с точки зрения многообразия субъектов и объектов рынка). Тот факт, что каждая страна решает эти вопросы с учетом своих внутренних условий и внешней среды, обуславливает разную степень продвижения к конечной цели и сохранение на длительный период времени своеобразных смешанных систем в различных странах, которые, однако, выражают не плюралистичность общественного строя и формаций, а всего лишь разнообразие переходных форм от одних аутентичных систем к другим. При этом в каждом конкретном случае есть возможность выявить среди пестрого разнообразия господствующий тип производственных отношений, который и определяет характер общества.

Нарастающее во многих восточноевропейских странах ухудшение экономического положения и социальной атмосферы создает весьма неблагоприятную среду для быстрых и коренных преобразований, а это чревато усилением политической нестабильности и оттеснением эконо-

мических и общественных преобразований на второй план. Это лишний раз подтверждает вывод о том, что трансформация общества, его производственных отношений в каждой стране будет проходить не столько по сценарию властей, сколько под воздействием объективных материальных и духовных факторов. И главное, чего нельзя игнорировать, — это объективную неизбежность движения к новому обществу любого образца с исходной точки унаследованной системы, с ее материальной основы, которую нельзя просто отбросить, а можно лишь трансформировать в ходе длительной эволюции в сторону либо современного развитого капитализма, либо аутентичного (истинного, подлинного) социализма.

О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И ПРОБЛЕМАХ ВОЗВРАТА В ЗАПАДНОЕ СООБЩЕСТВО

Названная в заголовке тема не означает, что автор статьи держит у себя в кармане синюю птицу из русской народной сказки или, говоря по сути, решение вопроса, над которым начали задумываться самые пытливые умы как в Восточной, так и в Западной полусфере нашей планеты еще в начале 1970-х годов. Их было немного, но они уже тогда сумели предвосхитить окончание одного этапа развития и начало перехода к качественно иной эпохе. Причем, это в равной степени относилось как к капитализму в его классических формах существования, так и социализму. Исторический процесс к этому времени предоставил немало свидетельств того, что идея коммунизма выказала свою несостоятельность в материальном, так сказать, ее воплощении в государственных структурах и общественных отношениях. Но и капитализм в его классической форме тоже нуждался в коррекциях, адекватных новым историческим обстоятельствам.

А. Д. Сахаров в начале 1971 г. в своей "Памятной записке" Брежневу с предельной ясностью сформулировал вопрос о том, что общемировой кризис XX в., т. е. нарастание угроз международной стабильности; потеря темпа экономического развития, идеологический тупик и дегуманизация, вызванные распадом мира на антагонистические группы государств, может быть преодолен только на общей основе, в процессе сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем.

Примерно в это же время другой выдающийся ученый Д. К. Гэлбрайт в своей книге "Экономические теории и цели общества" (1973 г.) счел необходимым обратить внимание на то, что после народнохозяйственного освоения

идей Д. Кейнса о "регулируемой экономике" капиталистическая система уже не может больше считаться саморегулирующейся, так как лишь вмешательство государства обеспечивает ее неуклонный рост и осуществление социальных программ.

Мир неумолимо шел к единству в основных характеристиках своего развития и с Восточной, и с Западной стороны. Антикоммунистические перевороты в восточноевропейских странах и в бывшем СССР лишь материализовали логику исторического процесса. Однако и сейчас, в 90-е годы, существует немало охотников истолковать эту историческую тенденцию на свой лад. В западной литературе нередко можно столкнуться с мнением, что страны бывшего социалистического лагеря должны признать полное поражение абсолютно во всех сферах своей общественной организации и полностью же принять условия развития, диктуемые победителями, т. е. западным сообществом. А в России активизируются силы, считающие, что нашей стране никак нельзя вливаться в западную цивилизацию, ибо это, дескать, не только не обеспечит выхода из кризиса, но и подорвет экосистему планеты. Каждая сторона убеждена в своей правоте.

Чтобы рассмотреть один из возможных аспектов решения этой проблемы, обратимся к восточноевропейским событиям конца 80-х – начала 90-х годов. Характерна чисто психологическая реакция тамошней партократии на утерю власти и влияния среди собственного народа. Когда запас внутривластной стабильности был исчерпан до конца и надежда оставалась только на внешнюю военную силу, последовало не осмысление причин такого положения, а апелляция к Москве. Будучи законнорожденными детьми большевизма, прямыми или косвенными выходцами из московских коминтерновских аудиторий и гостиниц, правители этих стран предприняли попытку напугать горбачевское руководство криками о "гибели социализма", хотя на самом деле речь шла пока всего лишь об угрозе их собственному начальствующему положению. Но Кремль был вынужден все больше отходить от коминтерновских догм, так как события в СССР уже не позволяли более за них держаться. Когда же выяснилось, что этой внешней под-

держивающей опоры более нет, реакция отторжения прогнивших коммунистических режимов от своих народов вступила в свою финальную фазу. Катастрофа этих режимов привела к тому, что крушение общественного строя в целом в восточноевропейских странах стало фактом. Что же идет на смену? И идет ли?

Так или иначе, но капитанский мостик опустел, и в командирскую рубку устремились новые политические силы, амбиции которых возрастали в ходе самого движения. На сегодняшний день очевидно, что эти новые политические силы не всегда умеют соразмерять свои амбиции с реальностью. А многие и не считают нужным делать это. Вино победы над противником, который еще вчера казался несокрушимым монолитом, — очень хмельное вино. Оно кружит даже весьма крепкие головы. Торжествующие победу нередко не знают, что с этой победой нужно делать. В ряде случаев вновь пришедшие к власти просто неверно оценили политическую ситуацию в стране, т. е. ненависть широких слоев населения к конкретным атрибутам прежних режимов (партийные комитеты, органы безопасности и т. д.) они приняли за признак того, что массы хотят немедленного разрушения всех прежних механизмов организации общества. На деле же люди выказали недоверие лишь тому, что не дает обществу функционировать в нормальном, демократическом режиме. Достаточно скоро выяснилось, что люди ждут не столько немедленного и тотального разрушения прежних организационных структур, сколько скорейшей стабилизации общества на основе, позволяющей каждому его члену иметь возможность осуществить свои цели. Симптомы этого явления можно наблюдать и в восточноевропейских странах, и в бывшем Советском Союзе.

Хотелось бы сослаться в этой связи на публикацию московского социолога Ж. Тощенко, который еще в 1990 г. пришел к выводу, что в общественном сознании нашей страны наметился достаточно заметный сдвиг от крайностей в политических позициях к центризму, т. е. народ выказал, что хочет стабильности, благополучия, здравого смысла, гарантий устойчивости своего положения. "Этот сдвиг в общественном сознании, — пишет автор, — весьма показателен".

телен. Пока речь шла о чем-то таком, что прямо не касалось каждого, многие склонны были слушать и даже поддерживать самые крайние точки зрения. Ведь когда говорили о том, что в общественных коллизиях может пропасть государство, партия, другие институты, то это впечатляло, но по большому счету не очень волновало людей, – мол, смогу прожить и без них. Но когда до каждого стало доходить осознание возможной социальной катастрофы, в разломах которой могут исчезнуть его собственное спокойствие, благополучие близких и родных, то здравый смысл стал диктовать иную направленность взглядов¹. Думается, в этих выводах уже тогда достаточно точно было отражено то, что в настоящее время происходит.

В связи с этим вопрос о том, носит ли разложение общества "реального социализма" в бывшем СССР и восточноевропейских странах необратимый характер для социализма как такового, не выглядит риторическим. Знакомство с точками зрения на этот счет выявляет весьма противоречивую картину. В большинстве случаев между суждениями пролегает довольно заметная граница в зависимости от того, где тот или иной эксперт живет. Если на Западе, то ствет в большинстве случаев однозначен. Так, Збигнев Бжезинский считает, что именно XX в. похоронит коммунизм, так как он представляет собой "политическое и интеллектуальное отклонение от нормального пути исторического развития", "историческую трагедию"². Редактор лондонского "Экономиста" Клайв Крук в номере за 28 апреля 1990 г. полагает, что уже через 15 лет в Большой Европе (Западной и Восточной) не останется и следов от социализма в его коммунистическом обличье. В лучшем случае некоторые западные обществоведы предупреждают, что хоронить коммунизм еще рано и считать его идеал уже никчемным было бы заблуждением.

Эксперты из бывшего социалистического содружества более сдержаны в своих оценках. Разброс мнений здесь значительно шире: от растерянности и неопределенности до утверждений, что социализму как идее ничто не угрожает. Так, бывший первый секретарь ЦК ПОРП, прекратившей свое существование в начале 1990 г., М. Раковский полагает, что "Восточная Европа в ближайшем десятилетии оста-

нется регионом, в котором придется иметь дело с мозаикой политических систем”³. Российский политолог Л. Шевцова по видимости сформулированных фраз идет вроде бы дальше своих восточноевропейских коллег, когда говорит, что формирующуюся в Восточной Европе общественную систему ”вряд ли будет корректным назвать демократическим социализмом... Но и капитализмом формирующееся общество назвать нельзя” и ”речь не идет о каком-то третьем пути общественного прогресса, но и национальных и конкретно-исторических формах осуществления его общих универсальных принципов”⁴.

В этом последнем случае налицо явная растерянность, характерная для абсолютного большинства наших авторов. По инерции вслед за первым и последним президентом СССР М. С. Горбачевым повторять слова о том, что нужно стремиться к так называемому ”демократическому социализму”, они не могут, так как никто, включая отставного президента, расшифровать этот лозунг не в состоянии. Не прояснило его содержания и Программное заявление последнего XXVIII съезда КПСС ”К гуманному, демократическому социализму”⁵. Капитализмом назвать грядущее общество наши авторы тоже не могут, так как этому противится все их ученое существо, воспитанное на постулатах марксизма-ленинизма. По этой второй причине российские обществоведы не могут даже помыслить и о каком-то третьем пути. Вот и получилось, что когда изменившиеся обстоятельства поставили перед доктором исторических наук Л. Шевцовой вопрос: ”что день грядущий мне готовит?”, то высококвалифицированный эксперт сумел лишь развести руками – это будет и не социализм, и не капитализм, и не третий путь. Каким же будет этот путь? Ответа нет...

Ответа, однако, нет и у западных экспертов. Нельзя же, в самом деле, принимать за ответ убежденность, что коммунизм умер (З. Бжезинский), или что за 200 лет история завершила свой круг и вернулась в деле общественного устройства к либерально-демократическим позициям (Ф. Фукуяма). Кстати сказать, даже З. Бжезинский, выступая в ”Правде” и утверждая, что наступила ”кончина коммунизма”, все же добавляет в качестве оговорки, что речь идет о ”той его модификации, которая стала известна в нашем столетии”⁶.

Фактически же каждая сторона, формулируя свои оцен-

ки и пытаюсь дать прогноз, испытывает сильнейшее влияние той среды, в которой она живет. Здесь "мертвый хватает живого". Как представляется, эта ограниченность не позволяет понять, что речь идет (должна идти) не о конце развития одного определенного социально-политического качества, а о переходном периоде. Но не о переходном периоде бывшего социалистического лагеря только (лагерь уже фактически распался, а лагерники разбежались), а о *переходном периоде всей современной цивилизации в единстве двух ее бывших глобальных половин, на которые в XX в. Октябрьский переворот 1917 г. разделил весь мир.* Очевидно, следует понять, что переходный период переживают все общества: и восточные, и западные, и те, которые ориентируются на общечеловеческие ценности, и те, которые держали в виде идеала сугубо классовую социалистическую идею. То есть все переходят от биполярной модели цивилизации XX в. к иной модели, которую можно назвать пока общо и условно цивилизацией XXI в. Никто, ни одна страна не останется в прежнем виде и в прежнем качестве. И никто не вернется на 200 лет назад к либеральной идее Эдмунда Бёрка. Никому еще не удавалось дважды войти в одну и ту же реку. Грустная формула Фрэнсиса Фукуямы о "конце истории"⁷ не более, чем еще одна утопия. Нас ожидает, по всей вероятности, не "конец истории", а *начало новой истории, истории XXI в.*

Вслед за этими словами читатель вправе ожидать формулирования хотя бы приблизительных ориентиров общественной системы XXI в. Эта система, конечно же, не будет единой в своей характеристике и уж тем более одинаковой для всех экономико-географических и национальных регионов. Но какие-то отправные принципы могут быть общими. Думается, непонимание этого явления и обуславливает теоретическую беспомощность с точки зрения вычленения целей и задач переходного периода.

Эту беспомощность демократических реформаторов и "красно-коричневой" оппозиции в странах бывшего Советского Союза и восточноевропейских государствах можно, видимо, объяснить тем обстоятельством, о котором уже шла речь выше. Руководство компартий, многие десятилетия находившееся у кормила власти, бдительно следило

не только за тем, чтобы на противной стороне не появлялось признанных народом политических лидеров, но не менее бдительно — и за тем, чтобы в стане оппозиции, даже не существующей реально, а потенциальной, не выросло и теоретиков, исследователей, которые могли бы объективно оценить удручающие результаты коммунистического правления и, придя к отрицательным выводам, начать разрабатывать альтернативные варианты. Эффективным средством борьбы против появления независимых теоретических кадров было не просто физическое их уничтожение или устранение из общественной жизни, науки и т. д., но и материальное, финансовое, социально-статусное поощрение таких обществоведов, которые бы занимались обоснованием легитимности коммунистического единовластия, его исторической оправданности, вдохновенно пели бы осанну власти предрежащим. Для достижения этих целей устранялась старая интеллигенция и взращивалась новая, послушная, кормящаяся из рук властей. В результате М. С. Горбачев, А. Н. Яковлев и другие адепты "социалистического выбора", утверждавшие, что именно они развивают науку и осуществляют историческое предвидение, в критический момент не сумели выдвинуть ничего, кроме пустого лозунга о так называемом "демократическом социализме", не зная, какое содержание в него может быть вложено. Тот же М. Раковский, сходя с политической сцены, заметил, что у левых сил "есть будущее при условии, если они довольно быстро смогут найти ответ на вопрос, как представляют себе строй демократического социализма", признавая тем самым, что у руководства ПОРП такие представления отсутствовали.

Не лучше обстоят дела и в стане экспертов из западных стран. Десятилетиями реально-социалистическая часть мира навязывала теоретическим силам западных стран одностороннюю идеологическую схему защиты их общественных порядков. Западные советологи чаще всего не отдают себе отчет в том, что, смотрясь, как в зеркало, в свое отражение в бывшем социалистическом мире, они ведь во многом видели в этом зеркале свой, западный мир, свои недостатки, только в преувеличенном виде. Защищая западную демократию от идей коммунизма, они это делали столь же

агрессивно, сколь были таковыми официальные коммунистические идеологи, прежде всего советские. Обе стороны были агрессивно-односторонними. А будучи таковыми, не могли не перенимать отдельных черт друг у друга и становиться в чем-то похожими. Так, Запад перенимал из практического опыта "реального социализма" те элементы общественного устройства, которые вполне успешно приживались и в жизни западных демократий. Вот и З. Бжезинский в своем "Великом провале" пишет, что Запад взял от марксизма все, что было действительно плодотворным и конструктивным, и ассимилировал это позитивное⁸. Данное обстоятельство, а также развитие техники коммуникаций, в особенности после второй мировой войны, понимаемой широко (средства связи, перемещение идей НТП, товарных потоков и денег), привели к тому, что физически человеческая цивилизация, политически двухполосная, биполярная, на деле стала приобретать достаточно много общих черт. И сейчас уже ни одна страна, ни одно общество не может развиваться автономно от других, не испытывая на себе их воздействия и не влияя, в свою очередь, на них (как не может и автономно, не оказывая разлагающего воздействия на других, распадаться, разваливаться). А коли так, то понятной становится и теоретическая растерянность обществоведов Запада и Востока: ведь оценки-то зиждутся практически на одной и той же методологии.

Учитывая то несомненное и очевидное обстоятельство, что экономический крах восточноевропейских государств и нашей страны, за которым, буде он действительно произойдет, последует и политический коллапс, не останется автономным, а потащит за собой в пропасть и экономику западных государств, что также не останется без последствий в сфере политических и социальных процессов, следует высказать не такое уж оригинальное убеждение, что поиск ориентиров конца переходного периода для всей мировой цивилизации должен сегодня идти в обеих частях бывшего биполярного мира. В этом поиске у западных ученых есть, конечно, преимущество. Во-первых, западная наука никогда не нарушала логики преемственности и в конечном итоге утвердилась в признании абсолютной цен-

ности такой организационной структуры, какой является *гражданское общество*. Во-вторых, она имеет опыт изучения возвращения в нормальное состояние гражданского общества таких прежде тоталитарных стран, какими были некоторое время Германия, Япония, Италия, Испания (а разве не перед схожими проблемами перехода стоят сейчас страны бывшего социалистического лагеря?).

Много ценных идей заключено в послевоенном политическом опыте западноевропейской социал-демократии. Судя по всему, ее теоретики хорошо понимают, что если обществоведческая мысль бывших стран "реального социализма" будет принуждена в одиночку преодолевать лабиринты переходного периода, то переход может растянуться на очень длительный исторический период, слишком длительный, чтобы не затронуть в негативном плане жизненные интересы западных демократий. Значит, и здесь есть поле для совместных действий. В последнее время, правда, у нас и в восточноевропейских странах появились исследователи, которые спешат (именно спешат) объявить опыт западноевропейской социал-демократии не имеющим ценности, высказывают суждение, что социал-демократизм в Восточной Европе не имеет никаких шансов на существование, так как, по словам А. С. Ципко, "все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию"⁹.

Думается, спешить со столь однозначными выводами не стоит. Во всяком случае следует помнить о том, что приставки "нео-" к понятиям "либерализм" и "консерватизм" не отменяют того факта, что эти политико-идеологические течения в XX в. не так уже мало идей общественно-организационного характера взяли и у социал-демократии, и у социализма марксистско-ленинского толка. Трудно представить себе, что сейчас, на крутом переломе своей истории наша страна и восточноевропейские государства легкомысленно выбросят за борт то, что у них же и родилось и что прошло проверку временем на Западе. Может, конечно, случиться, что какие-то экстремистски настроенные элементы в общей сумятице сегодняшних будней политической жизни (а такие есть и у нас, и в восточноевропейских странах) сумеют прорваться к власти и сделают попыт-

ку сразу утвердить те организационные принципы, о которых пишет А. Ципко. Такое не ново, такое уже бывало. Об этом еще Ф. М. Достоевский в "Бесах" предупреждал. "В смутное время колебания или перехода, — писал он, — всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых "передовых" говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определленною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки "передовых", которые действуют с определленною целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается"¹⁰.

Как видим, ничто не ново в этом мире, еще в 1872 г. Ф. М. Достоевский описал то, что мы можем наблюдать и сегодня. Можно однако с уверенностью сказать, что даже если кое-кто из "спешащих" прорвется к власти в странах бывшего социалистического лагеря, пребывание их у кормила будет носить кратковременный характер. И не в том дело, что дважды на протяжении одного века еще ни одна нация, ни один народ не сваливались в одну и ту же пропасть, а в том, что историческое развитие наций и народов происходит много медленнее и постепеннее, нежели этого хотелось бы скорым на руку политическим деятелям немедленного реформаторского действия. У исследователей есть время для нащупывания бродов в переходном потоке. Но это время все же ограничено. Поэтому усилия теоретиков Запада и Востока в поисках адекватных времени и условиям организационных моделей развития обществ в странах бывшего СССР и в восточноевропейских государствах желательно бы в интересах тех и других объединить и сообща искать формы жизнеспособности того, от чего в XXI в. будет зависеть жизнь людей и на Востоке, и на Западе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Известия. 1.XI.1990.
2. Brzezinsky Z. The grand failure: The birth and death of communism in the twentieth century. New York, 1989. P. 1, 231.
3. Известия. 27.VI.1990.
4. Шевцова Л. Ф. Куда идет Восточная Европа? // Мировая экономика и международные отношения. М., 1990. № 4. С. 15.
5. Материалы XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 77–97.
6. Правда. 9.XI.1989.
7. См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Страна и мир. Мюнхен, 1990. № 1. С. 89–91.
8. Brzezinsky Z. The grand failure... P. 257–258.
9. Ципко А. Судьба социалистической идеи // Московские новости. 17.VI.1990.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1974. Т. 10. С. 354.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОМЕ

То, что происходило в нашей стране в 60-е годы, можно оценить как конец одного из этапов послевоенного развития. В 1968 г. в Чехословакии решающую роль в социально-экономической и общественно-культурной жизни играли те поколения, которые после второй мировой войны уже занимали активные политические позиции. На базе критики административно-командного режима, с которой выступил Хрущев (это, конечно, дало определенный импульс), была предпринята попытка пойти дальше и сделать какой-то шаг в направлении к качественному изменению всей реально-социалистической системы, но при этом сохранить некапиталистический характер развития, т. е. придать социализму, как тогда говорили, "человеческое лицо". Предполагалось дополнить созданные после второй мировой войны экономические и социальные отношения демократизацией политической системы.

Эта попытка в Чехословакии имела довольно хорошие шансы на успех, поскольку у нас были совершенно специфические условия по сравнению, например, с Польшей или Венгрией. Нельзя утверждать, что социализм в нашей стране после 1945 г. был навязан Красной Армией. Это не так. В мае 1945 г. советские войска пришли, а в декабре ушли. И дальнейшее развитие Чехословакии опиралось на внутренние факторы.

В 1968 г. появилось намерение вернуться назад, к началу 1948 г., так как именно в то время у нас существовало общество, которое можно назвать демократическим социализмом. Тогда, насколько я знаю, более 50 % общественного продукта создавалось в национализированном секторе, около 25 % – мелкими хозяйствами, т. е. крестьянами-частниками (коллективных хозяйств практически еще не было), примерно 21 % – в капиталистическом (в полном

смысле этого слова) секторе. Это уже был социализм в современном его понимании – с многоукладной экономикой при решающем влиянии общественного сектора.

Тогдашние национализированные предприятия не были государственными предприятиями бюрократического типа, какими они стали позже. На этих предприятиях существовали рабочие советы, которые играли важную роль в принятии решений. Национализированные предприятия не принадлежали каким-либо ведомствам, над ними не стоял Госплан. То есть они представляли собой субъектов, которые вынуждены были жить в условиях рыночного хозяйства и даже в условиях мирового рынка. Они справлялись с этой своей ролью, так как не слишком пострадали во время войны, а общий уровень экономического развития страны был достаточно высок: Чехословакия входила в число семи передовых в индустриальном отношении европейских государств.

Что касается политической системы, то у нас существовал парламент, в выборах которого участвовали четыре-пять партий. В 1946 г. на свободных выборах коммунисты получили 38 % голосов и вместе с социал-демократами имели абсолютное большинство в парламенте. Это то, к чему мы в идеале стремились.

Но давайте вернемся к периоду конца 60-х годов, к тем событиям, активным участником которых мне довелось быть. Иногда проводят такую параллель: XX съезд КПСС пробудил надежду, вызвал оттепель; в СССР развернулся процесс демократизации как в самой партии, так и в обществе. Однако затем этот процесс был искусственно приостановлен, и притом сверху. И в этой связи события 1968 г. в Чехословакии (а до того – в Венгрии в 1956 г. и в известной мере и в Польше) рассматриваются как попытка продолжить те процессы, которые не были реализованы в Советском Союзе. И современные процессы, происходящие в странах Центральной и Восточной Европы, тоже кое-кто считает своего рода реакцией на замедление темпов перестройки, которая стала пробуксовывать.

Я считаю события 1968 г. завершением первого этапа развития. Тогда, после XX съезда КПСС, действительно появился хороший шанс. Ведь с 1948 г. начался процесс на-

сильственной сталинизации (я бы так это определил) восточноевропейских стран. Он был связан, в частности, с обострением отношений с Югославией, политическими процессами, вызванными известными решениями Коминформа.

В Чехословакии с 1956 г. события нарастали постепенно, в течение 12 лет. Руководство да и общество в целом недооценивали значение того факта, что в 1964 г. Хрущев был отстранен от власти, продолжая считать, что и после этого можно будет двигаться дальше и вернуться в эпоху до февраля 1948 г., т. е. до установления монополии коммунистической партии на власть в стране. Однако этого сделать не удалось. Была предпринята интервенция. Попытку 1968 г. расценили как контрреволюцию и подавили, в основном с помощью военной силы.

У поколений, которые были причастны к событиям 1968 г., имелся и опыт до 1948 г., и довоенный опыт. Мы хорошо представляли себе, что означают парламентаризм, многопартийная система. Не надо нас считать наивными. Мы прекрасно понимали, что в 1938 г. и парламентаризм, и многопартийная система оказались слишком слабыми, чтобы защитить существование национального демократического государства от гитлеризма. Наши западные союзники – Англия и Франция – пошли на мюнхенский сговор, продав тем самым Чехословакию Гитлеру. Все это имело значение. Ведь люди принимают решения, исходя не только из своих идеологических убеждений, но и учитывая исторический опыт. А он тогда был именно таким.

Спустя 20 лет после подавления "пражской весны" наступили события, в которых решающей силой явились уже новые поколения. Эти люди считали, что весь предыдущий опыт общественного развития связан только с негативными проявлениями сталинистской системы и уже не верили, что ее можно изменить к лучшему. Они желали просто ее свергнуть. Повинна в этом прежде всего компартия, которая монопольно властвовала в стране и которая в течение 20 прошедших лет так и не позволила ничему развиваться (это был не застой, а зажим). У вас тоже нельзя сказать об эпохе Брежнева, что это был только застой. Но у нас-то это был откровенный зажим неосталинистского

типа. После "пражской весны" началась настоящая расправа: из партии была исключена почти треть ее членов, им было запрещено заниматься определенными профессиями и т. д. У нас это чувствовалось значительно острее, чем у вас. После всего случившегося нельзя было ожидать, что люди снова будут верить партии, которая 20 лет проводила политику застоя и зажима, называя это политикой нормализации. Партия лишилась власти и у нас, и в Венгрии, и в Польше. Я полагаю, что именно в тех странах, где в 50-е и 60-е годы были подавлены попытки реформировать систему, никто теперь в компартию не верит.

И ведь не случайно, что именно в этих странах партия понесла особенно ощутимые потери. В Болгарии и даже в Румынии, где вспыхнуло восстание и где казнили Чаушеску, такого сокрушительного поражения партии не было. Сейчас в Чехо-Словакии наблюдается стремление как бы вновь вернуться к какому-то историческому рубежу, от которого все последующее развитие пошло не так. За исходный пункт берется уже не 1948, а 1938 г. Проявляется определенная ностальгия по прошлому. Есть желание вернуться в довоенное состояние, когда Чехословакия не испытывала на себе советского влияния. Нечто похожее проявляется и у вас. В частности, у некоторых возникает желание начать отсчет времени с Февральской революции 1917 г. Все это в определенном смысле, конечно, иллюзия, потому что такого пункта в действительности нет, он сохранился лишь в народной памяти. Это скорее идеологический фактор, в действительности же такого пункта нет ни в экономическом, ни в социальном, ни в политическом плане.

Но все-таки такая попытка имеет место. Проводится она в жизнь в Чехо-Словакии сейчас достаточно активно. В области экономических отношений это находит свое проявление даже в реституции частных собственников, которые пострадали от национализации после 1948 г. Что это даст? Я думаю, что процесс еще не закончился, общество находится теперь на стадии поисков какого-то выхода. Представление же о том, что мы очень быстро сможем стать таким же обществом, как, скажем, австрийское или западногерманское, просто иллюзорно. Если это и произойдет, то спустя очень длительный период времени, и пройти это этап будет очень нелегко.

Мне представляется, что более серьезно следует заняться изучением германского опыта. Это очень интерес-

ный феномен. Бывшая ГДР оказалась просто поглощенной одним из самых развитых западных государств. И несмотря на это, там возникло множество трудностей социального, экономического и даже политического характера. Сказываются системные различия. Сложная проблема: как из системы так называемого реального социализма переходить в систему западного типа? Иногда люди даже не хотят этого, потому что не все готовы к тому, чтобы в один момент потерять все, что они имели. Они желали бы из бывшей системы сохранить все хорошее, например отсутствие безработицы, а из западной системы взять динамичное развитие, высокий уровень жизни. Но это невозможно.

Что следует ожидать в будущем? Предстоит, очевидно, развитие, которое будет сопровождаться новыми социальными и политическими конфликтами. Я лично думаю, что движение по пути парламентской демократии еще не гарантировано, поскольку во многих восточноевропейских странах (во всех, пожалуй, кроме Чехо-Словакии) довлеют традиции не парламентаризма, а политического авторитаризма, национализма и т. д. Все это, естественно, в той или иной форме проявляется, и лишь со временем можно будет с определенностью сказать, какая тенденция возьмет верх, что общество примет, а что отвергнет. Ясно одно: потребуется какое-то переходное время. Важно, чтобы в этот период были созданы условия для демократического решения возникающих проблем, в том числе политических и международных.

Когда говорят о перспективах демократического решения проблем развития стран Центральной и Восточной Европы, указывают нередко на предпочтительность шансов социал-демократического пути. Я этой предпочтительности не вижу. Здесь нечто иное. Сейчас модными стали идеи неоконсерватизма и английского либерализма типа тэтчеризма, наблюдается вера в то, что рынок, механизм рыночного хозяйства и частной собственности быстро, чуть ли не сами собой приведут к тому, что жизненный уровень будет у нас таким же высоким, как на Западе. Это нечто правее социал-демократизма. На Западе социал-демократия имела другую, я бы сказал, более простую задачу. Существовала динамичная, функционирующая система капи-

талистического хозяйства. Что и делали реформисты социал-демократического толка, немало преуспев в этом. Поэтому то, что мы сегодня наблюдаем в Западной Европе (в США это выглядит несколько по-иному), особенно в Скандинавских странах, есть результат столкновения капиталистической тенденции развития, связанной с эффективностью производства, ростом прибылей и так далее, с тенденцией защиты человека. В результате мы сегодня наблюдаем на Западе общество, которое характеризуется относительно высоким жизненным уровнем, наличием достаточно многочисленного среднего слоя, социальным обеспечением (в том числе и при безработице) и т. п. Классических форм нищеты при капитализме мы сегодня в этих обществах не найдем. Они больше характерны для стран "третьего мира". Думать, что в странах Центральной и Восточной Европы все трудности вызваны только нахождением у власти коммунистов, неверно. Все не так просто. Даже если мы создадим три социал-демократические партии, шведская модель не получится. Для этого надо иметь такие же развитые производительные силы, как в Швеции.

Сейчас идет сложный процесс поиска новых путей и практических решений. Не то чтобы концепции 60-х годов, в том числе идеи дубчековского руководства, никого не интересуют, но в данный момент все обстоит по-другому. Если дело дойдет до столкновений, до защиты определенных социальных интересов, то эти идеи возродятся. Какая-то преемственность все же есть: я имею в виду левый фланг нашего политического спектра, который сегодня довольно слаб. У нас значительно сильнее правый фланг и центр, который движется вправо. Причем слово "правый" я применяю в западном смысле — оно относится к оценке тех, кто выражает тенденцию развития в направлении к капитализму, тогда как к "левым" относятся те, кто защищает социальные интересы трудящихся. В этом смысле наш левый фланг сегодня довольно слаб.

Доминируют в нынешней Чехо-Словакии, да и во всех восточноевропейских странах те политические силы, которые пытаются направлять развитие в русло ценностей, имеющихся на Западе, иначе говоря, в русло того, что мы называем капиталистическим обществом. Хотя это не сов-

сем точно. Точнее было бы определить такие общества как современные западные индустриальные общества. Так что налицо попытка развиваться в направлении системы западного типа в противоположность системе советского типа, которая культивировалась в этих странах четыре с лишним десятилетия. В этом тоже состоит одно из различий между нашими странами. Этот шаг можно, наверное, сделать в Чехо-Словакии и Венгрии, но возможен ли он, скажем, для России, других бывших составных частей бывшего Советского Союза, которые развивались после 1917 г. по иному пути, – это другой вопрос.

Думаю, что то общество, которое рухнуло, не было капиталистическим (и не стало оно социалистическим, хотя его и называли "развитым социализмом"). Это значит, что люди, которые жили в этом обществе (в нашем случае – 40 лет, в вашем – более 70), имеют иной жизненный опыт, другие привычки, другие методы овладения неполитическими сторонами жизни. Ведь это совершенно другой образ жизни, чем при классическом западном строе. Этим людям теперь будет, конечно, трудно переходить (а может быть, они и не захотят во всем переходить) к западному образу жизни. Поэтому я и говорил выше о необходимости изучения опыта Германии.

Если мы говорим о создании в будущем единой Европы, то восточноевропейские страны надо рассматривать как часть Европы, пусть более отставшую, но имеющую собственный опыт. Нельзя все разорвать, необходимо соединить разнородные части. В процессе такого соединения неизбежны новые проблемы. Не исключено, что будут перенимать что-то не только с Запада на Восток, но и с Востока на Запад. В Германии право на аборт, предоставленное женщинам Восточной Германии, приветствуется женщинами Западной Германии. Вопросы интеграции, национализма и т. д. в обеих частях Германии воспринимаются по-разному.

Уже сегодня на Западе меняются представления о национальных границах того или иного государства. Кого в Бельгии или в Голландии интересует сегодня национальный суверенитет в том смысле, за который в странах Центральной и Восточной Европы люди кладут свои жизни? Опыт интеграции на Западе, конечно, другой. Для них ин-

теграция – это путь к улучшению жизни. У нас же это – путь к гегемонизму, пренебрежение национальными особенностями и т. д. Все это другой жизненный опыт, другой уклад жизни. Свести все в единое целое будет очень сложно, неизбежны неудачи, откаты назад.

Однако я думаю, что повторения такого отката, как после XX съезда, уже не произойдет. Но опасения этого есть, иногда даже испытываешь чувство страха. Страх за то, что порою переоцениваются значение и влияние идеологии, политики и даже самой политической власти. Это приводит к тому, что многие, в том числе демократы, увлекаются представлениями, будто уже на деле изменились экономические, социальные и другие условия. Если мы добились определенных результатов на выборах, записали в программу какое-то, пусть очень важное, требование, то как будто бы этим уже все достигнуто! Но ведь это только предпосылка, не более того.

Если правильные идеи будут расходиться с реальной жизнью, то это может привести общество к катастрофе. Нередко предпринимаются попытки осуществить сами по себе хорошие идеи, но при этом не учитывается готовность общества. Здесь кроется большая опасность. Общество может стать неуправляемым, и дело дойдет до столкновения и даже до установления диктатуры. Тем не менее никаких апокалипсических перспектив я не вижу. Всегда опасно, когда обстановка или развитие выходят из-под контроля.

Наконец, еще один аспект. Нередко сталкиваешься с утверждением, что события в странах Центральной и Восточной Европы катастрофичны, ибо их последствиями стали резко отрицательное отношение этих стран к своему бывшему "старшему брату" и общее ухудшение положения в мире. Мне эти утверждения представляются неубедительными. Те, кто говорят о потере политического влияния Советского Союза, рассуждают в старом, имперском духе. Надо же отдавать себе отчет, что происходящее в странах Центральной и Восточной Европы началось не вчера, а еще с конфликта Сталина и Тито. Тогда уже была "потеряна" Югославия, затем Хрущев "потерял" Китай. На самом же деле надо видеть, что это было результатом тех

процессов, которые развивались и в Советском Союзе, и в восточноевропейских странах. Если рассматривать весь процесс в долгосрочной перспективе, то ни о каком проигрыше или выигрыше не приходится говорить. Вместе с тем я думаю, что развитие с 1985 по 1991 г. действительно имело своими последствиями ухудшение отношений с Советским Союзом и негативную оценку неосталинистских политических режимов, существовавших в этих странах. Потому что они навязывались силой, с помощью той политики, которую именуют "Panzerpolitik". Эти режимы весьма напоминали те, которые существуют в латиноамериканских странах за счет поддержки извне. Ясно, что ликвидация подобных режимов выигрыша бывшему Советскому Союзу не давала. Но и большой трагедии в этом не было. Наступил конец силового метода гегемонии. Сейчас приходится расплачиваться за старые ошибки и просчеты. В будущем, я уверен, все может измениться, и развитие пойдет иначе. У нас есть исторические и экономические условия для равноправного добрососедского сотрудничества. Б. Ельциным и В. Гавелом подписан в 1992 г. соответствующий договор. Для его эффективной реализации, налаживания подлинного сотрудничества потребуются, естественно, время, необходимое для исцеления всех ран. Мы действительно на историческом переломе, но это перелом к выздоровлению и полнокровной жизни.

ОТ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА"
К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ:
НОВЫЙ ВЫЗОВ ЗАПАДУ

До 1985 г. – и в период холодной войны, и в период разрядки – ситуация в Европе, несмотря на противостояние двух блоков, характеризовалась главным образом стабильностью и была вполне предсказуемой. Это позволило Западной Европе сначала сконцентрировать усилия на собственном восстановлении, а позднее вступить в полосу экономического подъема и процветания. ФРГ, стремясь держать "открытым" германский вопрос, вместе с тем особо не возражала против сложившегося здесь "патового положения". Восточная политика Бонна опиралась на идею признания сложившегося положения в Европе, чтобы в конечном счете преодолеть его в будущем. Эта политика была ориентирована на установление прочного партнерства с коммунистическими режимами, достижение взаимного доверия. Такая политика не всегда одобрялась диссидентами в Восточной Европе, которые считали, что отношение Западной Германии к правителям их стран не компенсировалось обязательствами последних по отношению к плюралистской демократии. Наиболее заметный случай подобных обвинений относится к началу 80-х годов, когда боннское правительство в отличие от других западных руководителей продемонстрировало большее понимание действий В. Ярузельского по запрещению "Солидарности".

Начатая Горбачевым "перестройка" советской системы, провозглашение им "нового мышления" во внешней политике СССР не сразу стали расцениваться на Западе как шанс на возобновление разрядки. В западных столицах восприняли нового кремлевского лидера просто как умного тактика, пытавшегося обеспечить своей стране "передышку". Лишь западногерманский министр иностранных дел

Г.-Д. Геншер настаивал на серьезном отношении к "новому языку" Горбачева, призывал "помочь" ему в реализации провозглашенных им целей. Но ни Геншер, ни сам Горбачев не представляли взрывной сущности перестройки: возрождение национализма в Советском Союзе и стремление его наций к независимости. События в Алма-Ате (декабрь 1986 г.) и в Сумгаите (февраль 1988 г.), конфликт в Нагорном Карабахе, другие шовинистические эксцессы обнаружили, что Горбачев и его окружение так и не отдали себе отчета, какой бомбой замедленного действия в многонациональном здании, называемом СССР, оказался их курс на демократизацию. С другой стороны, восстановление независимости республиками Прибалтики, с чем Москве пришлось смириться, как бы продемонстрировало Западу "цивилизованность" последней, т. е. жизненность перестройки.

Подтверждением этого стала XIX Всесоюзная конференция КПСС (июнь 1988 г.). Во вступительной речи Горбачева прозвучало понятие "свобода выбора". Вскоре стало ясно, что Москва больше не намерена использовать "доктрину Брежнева", препятствовать реформам в странах Центральной и Восточной Европы. Пожалуй, советские лидеры были уверены, что венгерские и польские коммунисты последуют примеру Москвы, осуществят собственный вариант перестройки и помогут сломить сопротивление руководства Чехословакии, ГДР и Румынии, объединить усилия для обновления социалистического содружества.

Однако, едва ли кто-нибудь, включая диссидентов и оппозиционные силы в социалистических странах, предвидел, что в 1989 г. все коммунистические режимы в Европе будут или сразу отстранены от власти, или нейтрализованы. Международное сообщество также не было готово воспринять в качестве серьезного призыв Р. Рейгана, прозвучавший в июне 1987 г., разрушить Берлинскую стену. Но в ноябре 1989 г. это, казалось бы, невозможное случилось, и в начале следующего года ГДР прекратила свое существование. Оказалось, что "свобода выбора" означала конец западной стратегии содействия эволюционным переменам на Востоке. Но борьба за самоопределение наций охватила и Советский Союз, где велась борьба между "федералистами" и "конфедералистами".

Победа принципа самоопределения имела многоплановое значение. Она означала конец гегемонии СССР в

Центральной и Восточной Европе и одновременно прекращение советской ответственности за стабильность в этом регионе. Прежние союзники Москвы переориентировались в смысле помощи и защиты на Западную Европу, ее интегрируемые структуры, к чему последняя оказалась не вполне готовой. Двенадцать членов ЕС, решившие достичь полного экономического и политического объединения к началу 90-х годов, неожиданно столкнулись с дилеммой между "углублением" или "расширением" сообщества¹. Стремление поддерживать перестройку Горбачева как совпадающую с основными интересами Запада вступило в противоречие с углубляющимся кризисом перестройки. Кооперация с Горбачевым на внешнеполитической платформе все больше оказывалась в конфронтации с позициями советских "демократов".

Еще до того, как целый ряд табу был разрушен перестройкой и провозглашено "новое мышление", Горбачев вновь ввел в оборот и актуализировал лозунг, иногда использовавшийся Брежневым и Громыко: создание "общеевропейского дома". Вскоре Запад получил доказательства, что Советский Союз готов принять общие правила поведения в плюралистическом мире. Внутри страны "гласность" ликвидировала принадлежавшую центральной власти монополию на истину. Следующим логическим шагом стала атака на монополию власти. На XIX Всесоюзной конференции КПСС была провозглашена приверженность не только общему понятию "плюрализм", но и двум основополагающим принципам: приоритет права ("правовое государство") и разделение властей (или "разграничение функций")². Доказательством подобного рода явился и курс на возрождение рынка.

Отход от традиционных устоев коммунистического правления получил свой эквивалент в области межгосударственных отношений. Был провозглашен приоритет общечеловеческих ценностей над догматами "классовой борьбы" и антагонизма между "капитализмом" и "социализмом", открылся путь к признанию верховенства закона в международной политике³. Для большинства западных обозревателей наиболее убедительным критерием искренности советских лидеров стали самокритичная переоценка

Советским Союзом своей военной мощи и его серьезные попытки ослабить гонку вооружений, пересмотреть свою наступательную военную стратегию⁴.

Все эти реальные перемены в Советском Союзе вместе с утверждением независимости стран Центральной и Восточной Европы обеспечивали базис "общеевропейского дома". Когда главы государств-участников СБСЕ собрались в ноябре 1990 г. в Париже, они без особого труда пришли к соглашению, приняв "Парижскую хартию для новой Европы". Но едва высохли чернила на подписях под этим документом, Европа была выведена из состояния благодушия и вынуждена внимательно пересмотреть основополагающие статьи вступительной части хартии. Сразу после парижской встречи советская перестройка вошла в полосу кризиса, который впервые с 1985 г. поставил ее на грань краха. Накануне IV съезда народных депутатов СССР Горбачев представил проект нового Союзного договора⁵ и недвусмысленно заявил, что он использует всю свою власть, чтобы защитить Союз от любой попытки расколоть его на ряд независимых государств или превратить в аморфную "конфедерацию". Реакция на этот шаг показала, что перспектива альянса между Горбачевым и реформистскими силами⁶ после того, как он был подвергнут серьезному нажиму со стороны ортодоксов во время XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.), больше не является реальной. По мнению реформаторов, демократия и плюрализм включают в себя как индивидуальную, так и коллективную свободу выбора. В этом аспекте навязывание центром федеральной конституции сверху ведет к новой форме диктатуры. Те же, кто сплотился вокруг президента и генсека (обычно называемые "догматиками" и "консерваторами") считали, что главный результат перестройки – распространение анархии, и требовали восстановления дисциплины и общественного порядка.

С ноября 1990 г. имели место ряд эпизодов, способствовавших подрыву в национальных и международных рамках доверия Горбачеву как инициатору перестройки и гаранту ее продолжения. Его пассивное отношение к атакам на внешнеполитическую линию Шеварднадзе, предпринятым минобороновским и кагэбешным генералитетом и привед-

шим к отставке последнего, еще может быть объяснено тем, что Горбачев принимал во внимание тот глубокий стресс, в котором находились под воздействием все ширившейся критики репрессивные "органы" ГБ и советские вооруженные силы. Но его демократическая репутация получила два дополнительных удара в январе 1992 г. Первый — когда он молча терпел более недели деятельность "комитетов национального спасения", которые провозгласили, как некритически повторил ТАСС и газета "Правда"⁷, себя властью в Литве и Латвии и заявили о низвержении выборных республиканских правительств. И если раньше Горбачев мог заявлять с некоторой убедительностью, что он защищает советскую конституцию от нарушений ее республиканскими лидерами, то теперь этот аргумент не действовал. Второй удар последовал, когда в ходе дебатов в Верховном Совете СССР Горбачев рискнул предложить ввести в определенной форме контроль над средствами массовой информации⁸. Эта инициатива, проявленная одновременно с реорганизацией центрального телевидения под руководством нового директора и при неослабевающем консерватизме партийной и армейской прессы, могла только возбудить мрачные предчувствия, что Горбачев стал пленником "правых". Поэтому его попытка восстановить собственную "центристскую" платформу⁹ во многом оказалась тщетной.

Без сомнения, большая часть населения в Советском Союзе глубоко разочаровалась результатами перестройки и ее перспективами. Люди оказались лицом к лицу с уменьшающимися запасами в продовольственных магазинах и растущими ценами, в то время как "центр" и "демократы" занимались перепалками, поисками ответственных за ухудшающееся положение. Растущая преступность, шовинистические лозунги и насилие в отношении национальных меньшинств, включая миллионы русских, живущих в других республиках, обеспечивают благодатную почву для тех, кто обещает возврат к законности и порядку, кто не прочь вернуться к старым приемам и обвинить Запад в новых "происках", "заговоре банкиров" и пр.

На Западе, казалось бы, укоренилось убеждение, что в случае крушения коммунизма все европейские нации

легко составят демократическое сообщество. В действительности, однако, такое видение было больше декорацией речей политиков, чем глубоко осознанной необходимостью. Возможно, чувство принадлежности к Европе было значительно сильнее в Восточной Европе, где люди чувствовали себя разделенными и ущемленными жестокой исторической судьбой. Члены западноевропейского сообщества государств не размышляли много над тем, как они должны действовать в случае устранения коммунистических режимов. У Запада было весьма смутное представление о том, что на практике повлечет за собой преодоление разделения континента. Особенно плохо он был подготовлен к тому, чтобы понять болезненный процесс освобождения умов от подсознательных ценностей, внушенных коммунистической идеологией.

Напротив, народы Восточной Европы питали сверхоптимистические надежды, что однажды, когда коммунистические угнетатели уступят место свободно избранным правительствам, их жизнь улучшится почти немедленно и им будет обеспечена глобальная западная поддержка. Действительность же оказалась до некоторой степени иной.

Социалистическая экономика, лишенная командных механизмов, быстро покатила по наклонной к упадку и хаосу. К тому же первоначальное единство победившей демократии сразу же нарушилось. Взяв за образец западную политическую систему, создавались новые партии, которые тут же вступали в ожесточенную полемику о том, как лучше преодолеть наследие прошлого и поставить свои страны на ноги. К несчастью, воюющие фракции, гордясь, что они уже достигли "нормальных" атрибутов плюралистской демократии, забыли в своих разгоряченных дискуссиях, что общество более всего нуждается в обеспечении доверия к деятельности правительства, в чувстве взаимной солидарности, признании неизбежности социальной дифференциации и индивидуальной ответственности. Эта солидарность должна была бы в принципе распространяться и на тех членов обществ, которые сотрудничали с прежними режимами. Но многие из новых лидеров, стремясь завоевать популярность, способствовали созданию политического климата реванша, включились в "охоту на ведьм"

против "красных", не делая различия между действительными угнетателями и оппортунистами, с одной стороны, и теми, кто безуспешно, но все-таки боролся, чтобы реформировать прежнюю систему, или, по крайней мере, честно пытался сохранить хотя бы минимум приличия и порядочности в условиях "реального социализма". Призывы организовать в массовом масштабе суды над партийными функционерами или, как было предложено радикальным крылом реформистских дезертиров из КПСС, предать суду всю партию за ее "исторические" преступления¹⁰, продолжающий существовать "образ врага" – все это элементы технологии, в свое время так жестко использовавшейся коммунистическими агитаторами.

Насколько важна социальная терпимость и искусство компромисса для молодых демократий, наглядно продемонстрировано ростом шовинизма и межнациональных конфликтов. Миллионы людей живут в постоянном страхе за свое существование и готовят себя к горькой судьбе эмигрантов. Запад вынужден пересмотреть свое прежнее обязательство относительно "более свободного передвижения людей". Отсутствие перспективы, голод, возобновленное притеснение и гражданские войны потенциально чреваты вооруженными межгосударственными конфликтами. Возникла и такая угроза, которую в минимальной форме уже пережила Италия, когда в страну прибыли тысячи албанцев – первые европейские "лодочные люди".

Таким образом, наряду с картами, рисующими "общеевропейский дом" или "европейский порядок и кооперации", как говорится в Парижской хартии, может быть представлена и альтернативная карта, отражающая опасность нового раскола в Европе. На ней прорисовываются три различных территории:

- Западная Европа с устоявшимися демократическими порядками, в высокой степени интегрированная;

- Центральная и Восточная Европа с нестабильными демократиями, отчаянно пытающаяся перенять опыт экономической и социальной модернизации у западных соседей, сильно зависимая от их поддержки;

- страны Советского Союза с тройной неуверенностью в своем системном и территориальном будущем, с открытым

устремлением ряда из них в Азию и только в региональном плане имеющимися для них шансами преодолеть свою экономическую и инфраструктурную отсталость в течение следующего десятилетия, и, следовательно, несмотря на исчезновение идеологических барьеров и колючей проволоки, со строго ограниченными возможностями преодолеть изоляцию в течение обозримого будущего и "вернуться" в конце концов в Европу¹¹.

Быстрая "кончина" тоталитарных режимов в шести малых странах – членах бывшего Варшавского Договора породила миф, который, как и каждый миф, сдерживает здравые размышления. Слишком многие и в этих странах, и на Западе искренне верят, что конец коммунистического правления был результатом победоносных "революций". Но, не умаляя мужества демонстрантов в Восточном Берлине и Лейпциге, в Праге, в Тимишоаре и Бухаресте или в Софии, следует признать, что свержение прежних режимов произошло после стихийных выступлений, использовавших ситуацию, когда коммунистические лидеры явно потеряли поддержку Москвы и не получили отсюда "предписания" использовать советскую военную силу. Только применительно к Польше можно говорить о "революции". Но она началась еще в 1980–1981 гг. и продолжалась почти десятилетие, в процессе агонии польского коммунизма¹².

Отсутствие реальных "революций" в 1989 г. и, помимо всего прочего, быстрота победы имели и негативные последствия. Не было времени создать "конструкцию" нового общества, избрать приемлемые и понятные для всех приоритеты. Эйфорическое настроение, сопровождавшее вхождение демократических лидеров в цитадели власти, сочеталось с затушевыванием фундаментальной истины: демократические правительства нигде – за исключением Чехословакии – не обладали традицией и практическим опытом, порождавшим адекватную демократическую "политическую культуру".

Обретенная новая свобода, призванная заменить искусственный коммунистический "интернационализм" скорейшим восстановлением современных национальных государств, контрастировала с последующим болезненным осознанием, что ожидания далеки от действительности.

Незбыточность нереальных ожиданий неизбежно вела к разочарованию, крушению надежд, что подогревало острые дискуссии, доходившие до взаимных упреков и инсинуаций, явно вредных для дела демократической солидарности.

Стремление возобновить национальное возрождение, прерванное более чем на четыре десятилетия (и даже до II мировой войны), преследовавшееся при тоталитарных режимах, наталкивается на дополнительные трудности, которые отсутствовали при западноевропейской послевоенной реконструкции. В то время многие победители и их разгромленные враги оказались в более или менее одинаковых условиях разрушенной экономики. Правительства могли работать без давления со стороны общества, которое ныне нетерпеливо сравнивает нищету своей страны с богатством соседей. И в этом отношении тот факт, что революций "снизу" в 1989 г. не было, играет свою роль. Если бы имела место массовая борьба за освобождение, склонность сравнивать себя с более счастливыми соседями была бы смягчена и заменена справедливой гордостью и самоуважением за собственные достижения.

В бывших социалистических странах Европы общественные комплексы "приниженности" усиливаются зависимостью от материальной поддержки с Запада. К тому же стали очевидными попытки западноевропейских правительств держать двери своих стран закрытыми перед "бизнесменами" черного рынка и рабочей силой с Востока, увеличить промежуток времени, необходимый для приспособления восточноевропейских претендентов на включение в интегрированные структуры Европейского сообщества.

Указанные коллективные комплексы способны, как показывает история, подстрекать шовинизм, дискриминацию в отношении этнических меньшинств, оживлять "исторические счета" с соседними нациями. Примеры подобного рода обнаруживаются сегодня в Чехо-Словакии, Румынии, Болгарии, Венгрии. Только Польша, если не замечать некоторые экстремистские группы, мечтающие о польской "сарматской" эре, свободна от этого синдрома, ибо в стране больше нет ни значительных нацменьшинств, ни более слабых соседей. Однако после исчезновения коммунисти-

ческой Восточной Германии поляки ощущают себя как бы отброшенными назад, к их извечным страхам перед двумя более сильными соседями, ни один из которых не внушает Польше симпатий и "приятных воспоминаний". Своеобразие польской геополитической дилеммы породило и негативные моменты в отношениях Польши с ее "прирожденными" партнерами в Праге и Будапеште. Первоначально венгры и чехи в довольно равнодушной форме ответили на польские претензии предложением присоединиться к их более тесной интеграции, намекая при этом на множество специфических проблем, которые поляки принесут с собой в общее предприятие.

Но дело, разумеется, не только в поляках. Внимательные комментаторы давно предупреждали, что после завершения классической "блоковой" конфронтации Восток — Запад останется в Европе регион, где существуют очаги нестабильности, вооруженные конфликты, которые могут спровоцировать прямое внешнее участие. Таким регионом являются восточноевропейские страны и бывший СССР. Этот регион простирается от Одера до Тихого океана, охватывает Закавказье и среднеазиатские республики. Восток по сравнению с Западной Европой потерял свою целостную, но, как признано, искусственную и навязанную структуру. Запад же, напротив, вступил в стадию прогрессирующей интеграции.

Этот контраст порождает возможность острых коллизий. Чтобы предотвратить их, западные общества и их правительства должны искать пути погашения взрывного потенциала возрождающегося национализма, как и проявлений высокомерия в отношении к Востоку. Нынешний национализм выглядит менее "впечатляюще", если вспомнить пароксизм его худшего выражения — расистский фашизм. Но сегодня наблюдаются явления, когда во многих уважаемых демократиях Запада мигрирующие рабочие и бездомные становятся жертвами уличных насилий и бюрократического бессердечия.

Актуальны поэтому задача защиты меньшинств и содействие взаимному уважению и солидарности между различными национальностями. Чтобы влиять на человеческие отношения и поведение, нередко обращаются к об-

разованию и демонстрации соревнующихся моделей. Такой демонстративный эффект могли бы, например, дать программы, спонсорами которых явились бы правительства или частные организации, приглашающие представителей из Восточной Европы изучать ежедневные механизмы западной интеграционной практики. Однако хорошо известен недостаток подобных программ. Приглашенные гости после их возвращения домой часто сталкиваются с большими трудностями в реализации обретенного опыта. Очевидно, было бы полезнее направить активность спонсоров на осуществление соответствующих программ непосредственно на месте. Кандидатами для реализации программ могли бы быть администраторы, юристы, работники социального обеспечения и образования, чья деятельность состоит из контактов с представителями нацменьшинств.

На уровне международной политики заслуживают внимания следующие приоритеты:

1. В 1975 г. были приняты десять принципов, регулирующих отношениями между 34 государствами, подписавшими хельсинкский Заключительный акт. Они отражали данную стадию развития международного права, и принцип государственного суверенитета остался в основном нетронутым. Одна из главных причин этого – системный конфликт, когда коммунистические правительства использовали призывы к суверенитету, чтобы изолировать свои страны от внешнего вмешательства в их "внутренние дела". Сегодня такие обструкции не имеют политического фундамента, и правительства стран-участниц СБСЕ должны попытаться сткрыть "бастионы суверенитета" для международного вмешательства – на этот раз в дела нацменьшинств.

2. Нужен арсенал невоенных санкций, применяемых против нарушителей прав нацменьшинств. К сожалению, еще существует обескураживающий в целом порядок использования экономических санкций. Как продемонстрировала война в Персидском заливе, правительства предпочитают вступать в войну, принося в жертву тысячи невинных жизней, если угрожают их жизненным интересам, но пугаются нелегких усилий по организации всестороннего эффективного эмбарго. Это не значит, конечно, что подобные усилия не предпринимаются вообще: в настоя-

щее время, например, согласованы общеевропейские меры по экономическим санкциям в отношении Сербии, которая во многом является виновницей кровопролития в Боснии и Герцеговине.

В последний период существования СЭВа входившие в него малые восточноевропейские страны надеялись компенсировать свою высокую степень зависимости от этой организации налаживанием отношений с западноевропейскими интеграционными структурами. Сознвая подозрительность Москвы и встречая постоянное стремление Брюсселя (столицы ЕС) отвлечь отдельных членов из СЭВ, в котором доминировал Советский Союз, восточноевропейские страны приняли строго двусторонний подход в своих делах с Европейским сообществом. Особенно преуспела здесь Венгрия. После событий 1989 г. венгры были вполне уверены, что они имеют лучшие шансы вступить в ЕС раньше, чем другие бывшие социалистические страны. Вскоре, однако, они узнали, что ЕС ограничится предложением ассоциированного членства и что подобные предложения относятся также к Чехо-Словакии и Польше. Европейское сообщество дало понять, что предпочтение отдается углублению его собственной интеграции, прежде чем оно будет расширено.

Тем временем Венгрия стала членом-учредителем "пятиугольной группировки", включавшей также Югославию, Австрию, Италию, Чехо-Словакию. Кроме того, Польша, Чехо-Словакия и Венгрия сформировали в 1991 г. свой "треугольник". Означает ли это, что три названные страны рассматривают себя в качестве отвергнутых претендентов в ЕС и стремятся компенсировать это участием в более узкой группе? Такая позиция была бы недальновидной. Вместе с тем с точки зрения Запада более тесные отношения "пятиугольного" (после присоединения Польши – "шестиугольного"), как и "треугольного" типа являются чрезвычайно важными инициативами. Они способствуют сдерживанию потока национального эгоизма и взрывоопасных конфликтов в регионе. Что еще более важно, они служат "тренировочной зоной", где члены бывшего псевдоинтегрированного СЭВа и почившего Варшавского Договора могут приобрести практический опыт реальных интеграционных про-

процессов, желание идти на компромисс, чувство принадлежности к наднациональному сообществу.

В указанный процесс пока не включены активно Румыния, Болгария, Албания и республики бывшей Югославии. Они не готовы также сформировать собственную субрегиональную группу. Но если другие части Западной и Восточной Европы смогут закрепить свой прогресс в деле интеграции, они будут обладать большими возможностями, чтобы обратиться к этому последнему "углу" слабого развития в Европе.

Параллельные интеграционные процессы могут усугубить и продлить новый раскол Европы. Но здесь есть и позитивное начало – различные части Европы движутся все же в направлении интеграции, а не изоляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Royen Ch. Ausblick auf ein neues Europa in einer transatlantischen Staatengemeinschaft // Nötzold J. Europa im Wandel: Entwicklungstendenzen nach der Ära des Ost-West-Konflikts. Baden-Baden (Nomos), 1990. P. 165–186.

2. См. "Тезисы ЦК КПСС", принятые 23 мая 1988 г. и опубликованные в "Правде" за 27.05.1988.

3. Известия. 10.06, 8.12.1988; Правда. 17.09.1987.

4. Подробнее см.: Garthoff L. New thinking in soviet military doctrine // The Washington quarterly. Summer 1988. P. 131–158.

5. Правда. 24.11.1990.

6. Об этой перспективе писала, например, Л. Ф. Шевцова, надеясь, что "союз демократических сил с президентом может привести общество к примирению" // Известия. 8.10.1990.

7. Правда. 15.01.1991. См. также: Лацис О. Я боюсь политического Чернобыля // Известия. 15.01.1991.

8. Известия. 17.01.1991; Правда. 17.01.1991.

9. См. речь Горбачева в Могилеве // Известия. 2.03.1991.

10. Подобный призыв прозвучал, в частности, во время второго съезда "Демократической платформы" (Москва, 16–17 июня 1990 г.). Его критическая оценка содержится в статье О. Лациса "Маски: чьей политике они служат сегодня?" // Известия. 11.03.1991.

11. Об этом автору уже приходилось писать пару лет назад в статье "Возвращение в Европу" применительно к еще существовавшему тогда СССР (Московские новости. № 32. 12.08.1990).

12. См. подробнее: Мирошников В. В. Закат польского коммунизма // Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). М., 1991. С. 147–178.

**ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ В ВЕНГРИИ, ПОЛЬШЕ
И ЧЕХО-СЛОВАКИИ:
НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ**

Прошло еще немного времени с тех пор, как потерпел крушение в Европе последний коммунистический режим (речь идет об Албании, где в результате состоявшихся 22 марта 1992 г. выборов президентом стал лидер Демократической партии Сали Бериша, сменивший на этом посту Рамиза Алию, бывшего руководителя коммунистов, которые 47 послевоенных лет безраздельно правили страной). Очевидно, что за это время нельзя глубоко проанализировать причины революционных изменений в регионе, приведших к концу упомянутых режимов, хотя попытки такого анализа, конечно, предпринимаются¹. Наряду с вопросом о временной дистанции существует и информационная проблема. Хотя базисные факты хорошо известны, в последнее время были опубликованы многие секретные документы, которые проливают дополнительный свет на существо переломных решений, принимавшихся в различных восточноевропейских странах в 1989–1992 гг.² С учетом сказанного главная цель этой статьи видится в изложении некоторых предварительных соображений относительно системных преобразований в регионе в надежде на расширение наших знаний о демократических переменах в нем.

Подходы, используемые в статье, сформулированы автором еще двадцать лет назад³. Они отражают разочарованность позицией западных ученых-обществоведов, которые в течение продолжительного периода упорно игнорировали перемены в коммунистической части Европы. Они настаивали на том, что тоталитарная модель могла отвечать каким-то условиям в Центральной и Восточной Европе даже тогда, когда была дискредитирована в глазах населения. После взрывов в Польше и Венгрии в октябре–

ноябре 1956 г. западные исследователи начали уделять известное внимание этому региону как таковому, но все же можно было назвать лишь отдельных специалистов, делавших в своей работе упор на дифференцированный подход. Среди этих последних был, например, З. Бжезинский, который выделял такие ключевые факторы процесса изменений, как осязательность уже в то время социально-экономического кризиса мирового коммунизма, степень отчуждения рабочего класса и интеллигенции от сталинистского режима и наличие альтернативного лидерства⁴.

Развитие Центральной и Восточной Европы в 60-е годы с его кульминацией – "пражской весной" 1968 г. вызвало новую волну интереса к процессу перемен в коммунистическом мире. Наиболее общие характеристики этого процесса трансформации от традиционной тоталитарной модели к более либерализованной излагались тогда следующим образом:

- политические преобразования, т. е. размягчение режима, возглавлявшегося всевластным диктатором, появление "коллективного руководства";

- отказ от опоры на массовый террор, сориентированный на установление и поддержание определенного типа поведения, в пользу более избирательного использования насилия, подкрепленного другими средствами контроля;

- реформы в экономике, нацеленные, как правило, на перевод жестко централизованного планирования и управления народным хозяйством на более гибкую, частично децентрализованную дирижистскую систему, допускающую известный синтез плана и рынка.

Однако вслед за активизацией интереса ученых к процессам перемен в восточноевропейском регионе наступил в 70-х годах спад интереса. Здесь нет необходимости останавливаться на причинах этого, хотя несомненно, что среди последних был растущий консерватизм режима Брежнева в СССР с его нацеленностью на сохранение в регионе status quo, а не на обеспечение источников жизнеспособности своей империи в Центральной и Восточной Европе⁵. Исследовательский интерес не исчез, конечно, полностью, он был просто сфокусирован на таких проблемах, как европейская безопасность, экономические рефор-

мы, еврокоммунизм и политические разногласия, без попыток соединить их с более широкими проблемами перехода к демократии. События в Польше в 1980–1981 гг. вновь повысили интерес к внутренним процессам в этом регионе.

Движущие силы перехода к демократии

Далее хотелось бы сконцентрироваться на вопросе о том, как три центральноевропейские страны – Венгрия, Польша и Чехо-Словакия могут трансформироваться в либерализованные, а в конечном счете демократизированные государственные устройства. Если существовал консенсус относительно того, что коммунистические режимы могут изменяться и изменяются, то не была ли в некотором роде противоречивой оценка характера этих изменений как колеблющихся между "либерализацией" и "демократизацией"?⁶ Не забудем при этом, что "либерализация" рассматривалась в некотором роде просто в качестве синонима десталинизации, суть системы при которой остается неизменной, реформаторские импульсы идут сверху, стимулы для них обычно внешнего характера, а весь процесс встречает относительно слабое сопротивление власти поддерживающих. В противоположность этому "демократизация", будучи значительно реже встречающимся феноменом, означает более глубокие политические и институциональные перемены, сильное давление рядового населения и зачастую неистовое сопротивление управленческих и репрессивно-карательных структур. Вместо такого рода характеристик автор настоящей статьи определяет "демократизированную" систему как кульминацию процесса перехода от коммунизма к посткоммунистическому обществу, как систему с высокой степенью политической и экономической децентрализации и свободой волеизъявления всех социальных слоев и групп.

Хотя это определение может оказаться концептуально не вполне обоснованным, оно имеет несколько преимуществ. Одно из них заключается в нейтральности в географическом и системном смыслах данного определения. Главная же его слабость коренится в трудности измерения степени или веса трех главных компонентов. Другими

словами, дело заключается в трудности измерения плюрализма и свободы волеизъявления, не говоря о децентрализации. Удовлетворительного ответа на этот вопрос не существует, и, как будет показано ниже, мы в конечном счете вынуждены положиться на интуицию и более или менее информативно обоснованные догадки в ожидании дополнительных твердых данных.

То, что автор именует "парадигмой демократических перемен" в Венгрии, Польше и Чехословакии в 1981–1989 гг., состоит из одиннадцати величин или условий перемен, которые соответствующим образом сгруппированы.

I. Подоплека условий:

1. Экономические трудности.
2. Расколы внутри правящей партии.
3. Отчуждение интеллектуалов и молодежи.
4. Политические реформы.

II. Перестройка условий:

5. Изменения в правящей партии.
6. Изменения в правительстве.
7. Изменения в экономике.

III. Демократизация условий:

8. Появление плюрализма.
9. Свобода волеизъявления.
10. Экономические реформы.
11. Терпимость со стороны других коммунистических стран.

Первые четыре переменные, составляющие рубрику "Подоплека условий", рассматриваются как иницирующие запуск процесса либеральных реформ. Промежуточная стадия под названием "Перестройка условий" включает в себя изменения в главных компонентах государственного устройства и экономики, которые, в свою очередь, являются рычагом появления третьей стадии, именуемой "Демократизацией условий". Все одиннадцать переменных величин как и подпеременные наделяются рангами "высокая", "смешанная" и "низкая"; сходные оценки применены и к каждой из трех главных категорий, обозначенных римскими цифрами. Результаты показаны в нижеследующей таблице:

**Демократизационная парадигма:
Венгрия, Польша и Чехословакия,
1981–1989 гг.**

I. Подоплека условий: 1981–1985	Венгрия	Польша	Чехословакия
1. Экономические трудности	смешанные	высокие	смешанные
2. Расколы внутри коммунистической партии	смешанные	смешанные	смешанные
3. Отчуждение интеллектуалов и молодежи	высокое	высокое	смешанное
4. Политические реформы	смешанные	смешанно-высокие	смешанные
Общая оценка	смешанная	смешанно-высокая	смешанная

II. Перестройка условий: 1985–1988	Венгрия	Польша	Чехословакия
5. Изменения в коммунистической партии	высокие	смешанно-низкие	высокие
а) Первый секретарь	высокое	низкое	высокое
б) Политбюро	высокое	смешанное	высокое
в) Центральный Комитет	смешанное	смешанное	смешанное
6. Изменения в правительстве	смешанные	смешанные	смешанные
а) Глава государства	низкое	низкое	высокое
б) Совет министров	высокое	высокое	высокое
в) Командование вооруженных сил	низкое	низкое	низкое
г) Парламент	смешанное	смешанное	низкое
7. Изменения в экономике	высокие	высокие	смешанные
Общая оценка	высоко-смешанная	смешанно-высокая	смешанно-высокая

III. Демократизация условий: 1988–1989	Венгрия	Польша	Чехословакия
8. Появление плюрализма	высокое	высокое	высокое
а) Политические партии	высокое	высокое	высокое
б) Политические клубы	высокое	высокое	высокое
в) Профсоюзы	смешанное	высокое	смешанное
г) Молодежные организации	высокое	высокое	высокое
9. Свобода высказывания	высокая	высокая	высокая
10. Экономические реформы	смешанно- высокие	высокие	смешанно- высокие
11. Терпимость других коммунистических государств	смешанная	смешанная	высокая
а) Советский Союз	высокая	высокая	высокая
б) Другие государ- ства ЦОУЕ	низкая	низкая	высокая
Вероятность достижения устойчивой демократии	высокая	высокая	высокая

Окончательная классификация касается временного измерения каждой категории условий. Очевидно, что большая протяженность временного отрезка и большее число условий являются предпочтительнее для обнаружения изменений. Может, это авторский произвол, но "подоплека условий" ограничивается в статье периодом с 1981 до 1985 г., "перестройка условий" – периодом 1985–1988 гг. и "демократизация условий" – переломным периодом 1988–1989 гг. 1981 г. отмечен введением в Польше военного положения, которое можно интерпретировать как новое подтверждение жесткой линии Москвы в отношении ее младших союзников в Центральной и Восточной Европе. Приход Горбачева к власти в Кремле в марте 1985 г., очевидно, означал важный водораздел с воздействием на весь регион. В 1988 г. засвидетельствовано начало процесса демократи-

зации, что проявилось в свержении Я. Кадара в Венгрии и в вынужденном согласии коммунистов на переговоры "за круглым столом" между правительством и оппозицией в Польше в сентябре того же года. Наконец, процесс демонстрации коммунистической системы стремительно развивался в 1989 г. в каждой из стран Центральной и Восточной Европы за исключением Албании, где его пик пришелся на несколько более позднее время.

Перемены и реформы: 1981–1989 гг.

I. Подоплека условий

1. *Экономические трудности.* Все три страны, о которых идет речь, страдали от ухудшающегося экономического положения. Польша, в частности, переживала невероятное падение валового национального продукта, который скатился к уровню начала 70-х годов. Долг Польши в конвертируемой валюте увеличивался так же, как и долг Венгрии, достигшей к этому времени самой высокой задолженности на душу населения в Центральной и Восточной Европе. Тем не менее как Венгрия, так и Чехословакия сумели, однако, избежать многих экономических лишений, характерных для положения в Польше. Венгрия непоколебимо продолжала курс экономических реформ, а Чехословакия, которая заимствовала намного меньше с Запада, чем ее соседи, была по крайней мере избавлена от потребности делать дорогостоящие процентные выплаты. Эмбарго на кредиты, наложенное Западом в связи с введением военного положения в Польше, нанесло существенный ущерб всем трем странам.

2. *Расколы внутри коммунистической партии.* Введение в Польше военного положения фактически смикшировало многие внутрипартийные конфликты, которые были так очевидны в 1980–1981 гг. Под унифицированной поверхностью старые различия между приверженцами твердой и мягкой линии проявлялись, однако, так же отчетливо, как всегда. Сторонники твердой линии тесно солидаризировались с Москвой до тех пор, пока был жив Брежнев, их никто не смог тронуть. Похожая ситуация существовала в остальных двух странах: хотя как Чехословакия, так и венгерские

партии выглядели со стороны едиными, в действительности в течение двух или трех лет в каждой из них изгнание долголетних лидеров четко было вызвано наличием углубляющихся под поверхностью конфликтов.

3. *Отчуждение интеллектуалов и молодежи.* Оно было чертой, присущей политической и культурной сцене во всех трех странах с середины 50-х годов, и в течение трех десятилетий выказывало некоторые признаки упадка. Кое в чем истинным было и противоположное. В Польше даже до создания "Солидарности" в августе 1989 г. интеллектуалы находились в центре антирежимной деятельности сначала как вдохновители Комитета защиты рабочих (КОР), сформированного в 1975 г., а затем вместе со студентами как создатели так называемого "Летающего университета" в 1977–1978 гг. При введении военного положения в декабре 1981 г. многие из них подверглись интернированию, а после последовавшего позднее освобождения они продолжали свое сопротивление режиму.

Хотя оппозиция в Чехословакии, так же как и венгерские интеллектуалы и студенты, в начале 80-х была, пожалуй, менее заметна, она все же существовала. Следует только упомянуть движение "Хартия 77", которое сохранилось, несмотря на постоянные преследования, а также кампанию против джазовых музыкантов в Праге. В рассматриваемый период отмечена растущая политизация венгерских писателей, которые предприняли попытку укрепить связи с себе подобными в Чехословакии и Польше.

4. *Политические реформы.* Несмотря на формальное их отсутствие, режим Ярузельского склонялся к попытке начать восстановление видимости политической нормальности сначала приостановкой, а затем отменой военного положения, продолжая свой диалог с церковью, проводя крутую чистку аппарата внутренней безопасности и повышая вероятность избирательных реформ. В Венгрии в июле 1983 г. зафиксировано принятие поправки к избирательному закону, в обязательном порядке увеличивавшему число кандидатов на местных и общенациональных выборах. В марте 1985 г. XIII съезд ВСРП пошел на принятие официального решения, подтверждавшего важность курса реформ. Хотя подобные перемены не происходили в Чехо-

словакии, было ясно заявлено о недовольстве в связи с размещением новых советских ракет на чехословацкой территории в 1983 г.

Бросая ретроспективный взгляд на ситуацию в этих трех странах накануне прихода к власти в Кремле в марте 1985 г. Горбачева, можно привести доводы относительно того, что коммунистические режимы не достигли сильно желаемой ими цели политической и экономической стабилизации. В Польше, в частности, ни введение военного положения, ни его окончательная отмена не дали даже минимума политической и экономической стабильности. В Чехословакии и Венгрии наблюдались, казалось бы, более стабильные условия, но это было нечто вроде затишья перед бурей. Ни одна из стран не смогла решить своих экономических проблем, а картина относительного политического затишья была обманчивой, внимательного наблюдателя она лишь наводила на мысль: вторая стадия процесса демократизации не за горами.

II. Перестройка условий

5. *Изменения в коммунистической партии.* Трехлетний период 1985–1988 гг. привел к незначительным изменениям в польской партийной иерархии, но на верхушку чехословацкой и венгерской компартий он повлиял существенно. Политбюро и Центральный Комитет ПОРП, избранные с благословения Горбачева на X съезде партии в июне 1986 г., выказывали консервативность и незаинтересованность в открытом диалоге с оппозицией. Генерал Ярузельский сохранил свой пост партийного лидера и, кажется, — что было резким контрастом с прошлым, — готов был развивать хорошие отношения с новым лидером в Кремле.

В Венгрии процесс преобразований начался в 1986 г., когда венгерские интеллектуалы предприняли атаку на Кадара в связи с 30-й годовщиной революции 1956 г. Растущее недовольство нежеланием Кадара оставить свой пост в конечном счете имело своим результатом его вынужденную отставку в мае 1988 г. Новый партийный лидер К. Гросс и его в своем большинстве новое Политбюро определялось как "колеблющееся и маловлиятельное"⁷. Но результат выразился в том, что ближе к концу года новые политические актеры типа И. Пожгаи стали привлекать общественное внимание.

В Чехословакии оттеснение Г. Гусака от партийного руля в декабре 1987 г. опередило на шесть месяцев уход

Капара. Однако его замена на М. Якеша, одного из партийных консерваторов еще времен "пражской весны", не предвещала никакой либерализации – скорее она свидетельствовала о чем-то совершенно противоположном. Но это, с одной стороны. А с другой – уход Гусака после 18 лет пребывания у власти не мог не оказать серьезного влияния на правящую партию, такого же влияния, если не большего, чем оказал уход со своего поста Капара после того, как он 33 года был венгерским партийным лидером.

6. *Изменения в правительстве.* В период 1985–1988 гг. засвидетельствовано два главных изменения в польском правительстве: в 1985 г. генерал Ярузельский был заменен на посту премьер-министра З. Месснером, который три года спустя был вынужден уйти, освобождая место М. Раковскому; последний стремился положить начало диалогу с оппозицией, возглавлявшейся лидером "Солидарности" Л. Валенсой. Новый кабинет не произвел изменений в министерствах обороны и внутренних дел, что предполагало поддержку двумя генералами – Ч. Кищаком (Министерство внутренних дел) и Ф. Сивицким (Министерство обороны) политики наведения мостов, приветствовавшейся Ярузельским.

Венгрия также пережила два изменения в правительстве. В июне 1987 г. К. Гросс – будущий глава партии – стал премьер-министром, а после возвышения в партийной иерархии его место во главе правительства было занято М. Неметом. В Чехословакии Л. Штроугал, который пользовался репутацией прагматика, покровительствовавшего реформам, и удерживал свой пост премьера 18 лет, был изгнан с этого поста в октябре 1988 г. В противоположность переменам в венгерском и польском правительствах, которые воспринимались завоеваниями на пути осуществления реформ, уход Штроугала и его замена Л. Адамецом – характеризовавшимся в качестве технократа и главы утвердившейся после 1968 г. правящей элиты – едва ли могла рассматриваться как важный шаг в направлении к политической либерализации.

И наконец, рутинный образ действий парламентских органов во всех трех странах никак не предвещал тех драматических изменений, которые преобразуют их в действительно демократические органы в 1989–1990 гг.

7. *Изменения в экономике.* Единственное, что можно сказать о хозяйственном положении в этих трех странах,

закljučается в следующем: оно не выказывало хотя бы небольшого улучшения в период 1985–1988 гг. Ни экономические реформы, проводившиеся в жизнь или обещанные, ни различные целенаправленные меры в политике доходов и цен, похоже, не могли остановить полной экономической деградации. Правительства в Будапеште, Варшаве и Праге попросту оказались слишком слабыми, чтобы реализовать жесткие меры, необходимые для осуществления экономического подъема.

В Польше стало очевидным, что если вскоре не будут приняты решительные меры, страна вплотную столкнется в преддверии весны с еще одной серией взрывов гнева и конфронтаций. Сквозь призму этого и следует рассматривать предложение правительства начать "за круглым столом" переговоры с оппозицией. Как случалось и в прошлом, Польша в этом отношении снова стала во главе своих соседей. Хотя можно спорить о том, что в конце 1988 г. брешь между Польшей и двумя другими странами существенно сузилась.

III. Демократизация условий

8. *Возникновение плюрализма.* Диалог между коммунистическим режимом и оппозицией в Польше в форме так называемых переговоров "круглого стола" имел результатом в апреле 1989 г. соглашение о проведении парламентских выборов в июне того же года и рост политического плюрализма. Наряду с деятельностью "Солидарности", которая снова была легализована, компартии и двух союзных с коммунистами более мелких партий-"сателлитов" весной и летом 1989 г. наблюдалось возникновение и активизация других партий, клубов и объединений различных оттенков, которые росли как грибы после принятия нового закона об ассоциациях. Во второй половине 1989 г. в Польше можно было констатировать свободу реализации любой практической цели, плюралистический образ правления с политическими партиями, клубами и ассоциациями, профессиональными союзами и студенческими объединениями, конкурирующими друг с другом в стремлении расширить сферу опоры и членство.

Похожим было и происходившее в Венгрии и Чехословакии. В Венгрии конференция "круглого стола", прошедшая

в июне 1989 г., отразила наличие на политической арене могущественных плюралистических тенденций. Представители не менее девяти оппозиционных группировок сели напротив представителей компартии, не говоря о многих других группах, которые также стремились быть услышанными⁸. В Чехословакии плюралистический взрыв последовал за изменениями в правительстве в результате "бархатной революции" ноября 1989 г. вместо того чтобы предшествовать им. Но раз этот процесс уже пошел, то вскоре он догнал ситуацию в Польше и Венгрии.

9. *Свобода волеизъявления.* Факты свидетельствуют, что в течение почти всех 80-х годов цензоры в рассматриваемых трех странах действовали избирательно, предоставляя различную степень свободы различным средствам информации. Как результат в канун важных изменений в 1988–1989 гг. цензура в Польше и Венгрии де-факто исчезла применительно к книгам и периодическим изданиям, хотя еще ощущалась в отношении ежедневных газет и некоторых еженедельников, став даже более избирательной, чем в прошлом. В Чехословакии процесс упразднения цензуры занял более продолжительный период, но в конце 1989 г. она также прекратила существование.

10. *Экономические реформы.* В Польше экономические условия в 1988–1989 гг. продолжали ухудшаться, и на переговорах "круглого стола" наиболее важной темой были пути изменения к лучшему этого положения. После поражения коммунистов на парламентских выборах в июне 1989 г. и создания в сентябре первого некоммунистического правительства в Центральной и Восточной Европе, пожалуй, наиболее важным решением, принятым новоизбранным парламентом, было введение с 1 января 1990 г. экономической системы конкурентного свободного рынка в стремлении достигнуть позитивного сдвига в функционировании польской экономики. Что же касается Чехословакии и Венгрии, они не оказались перед лицом такой крайней экономической нужды, какую испытывала Польша. Поэтому необходимость в драматических реформах не давила так на Прагу и Будапешт, как на Варшаву. Тем не менее немного понадобилось времени, чтобы и они осознали потребность в перестройке экономики советского

типа и стали рассматривать вопрос радикальных народно-хозяйственных реформ как в высшей степени актуальную задачу своей деятельности.

11. *Терпимость других коммунистических стран.* Нет необходимости говорить о том, что отношение других стран Варшавского пакта к процессу демократических реформ было необычайно важным для успеха или неудачи этих реформ. Например, как ясно видно из развития событий, по крайней мере до середины 80-х годов, Советский Союз и непосредственные соседи Польши – Чехословакия и Восточная Германия – наблюдали за происходившим в Польше со всей серьезностью. Хотя введение военного положения в 1981 г., казалось бы, могло уменьшить их озабоченность, можно спорить, не произошло ли это потому, что на сцене появился Горбачев, который сам начал проводить политику реформ, что придало усилиям польских "оппортунистов" некоторую легитимность.

Во второй половине прошлого десятилетия Варшавский пакт начал разделяться на реформаторские страны – СССР, Венгрия и Польша и консервативные, антиреформаторские – Болгария, Чехословакия, Восточная Германия и Румыния. Следовательно, не должно удивлять и то, что перестройка в Советском Союзе и сочетавшиеся с ней процессы в Польше и Венгрии сурово критиковались коммунистическими режимами Софии, Праги, Восточного Берлина и Бухареста до их крушения в ноябре–декабре 1989 г. В то же время радикальные реформы на каком-то этапе стали пробивать себе дорогу и в антиреформаторских странах, в конечном счете способствуя революционным изменениям, происшедшим между октябрём и декабрем 1989 г. Таким образом, как показано в таблице, процесс демократизации в Чехо-Словакии, который имел место в ноябре и декабре 1989 г., был активно поддержан другими странами в регионе.

В заключение можно отметить, что вопрос, поднятый в начале статьи, касался возможности создания в результате разнообразных реформ стабильной и прочной демократической политической системы в Венгрии, Польше и Чехо-Словакии. Как говорилось выше, период 1981–1989 гг. был не единственным в истории народов этих трех стран после

второй мировой войны, когда делались попытки провести либеральные или демократические реформы. Сходные усилия предпринимались в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., в Польше в 1956 г. и в 1980–1981 гг. Но, как показано во многих исследовательских и публицистических работах, они чаще завершались неудачей, чем успехом. При сравнении характера и интенсивности различных изменений и реформ в 1981–1989 гг. с теми, которые имели место на более ранних этапах, становится очевидным контраст между 50-, 60- и 80- годами, шанс на успех был значительно больший у совсем недавних реформ. Выше как раз и была предпринята попытка объяснить причины подобного оптимизма, а результаты анализа отражены в таблице.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр.: Волков В. К. Революционные преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Вопр. истории. 1990. № 6. С. 21–35.
2. Автор имеет в виду документы о событиях в ГДР в октябре и ноябре 1989 г., опубликованные журналом "Дер Шпигель" и газетой "Ди цайт", а также подробности дискуссий между правительством и оппозицией в Польше во время переговоров "круглого стола", которые появились в варшавском еженедельнике "Политика".
3. Korboński A. Comparing liberalization processes in Eastern Europe // Comparative politics. January 1972. Vol. 4. N 2. P. 231–249.
4. Brzezinski Zb. The soviet bloc. Cambridge, 1967. P. 205–206.
5. Johnson Ch. Comparing communist nations // Change in communist systems / Ed. by Johnson Ch. Stanford, 1970. P. 3.
6. Brown J. F. Relations between the Soviet Union and its Eastern European allies: A survey. Santa Monica, 1975.
7. Schöpflin G. The end of communism in Eastern Europe // International affairs. London, 1990. Vol. 66. N 1. P. 7.
8. Brown J. F. Surge to freedom – the end of communist rule in Eastern Europe. Durham and London, 1991. P. 115.

ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СТРАНЫ БАЛТИИ И ВЕНГРИЯ

Период после 1985 г. привнес существенные изменения в политическую карту Европы. В странах Центральной и Восточной Европы рухнули коммунистические режимы. Варшавский договор и СЭВ исчерпали себя как политические институты. СССР и СФРЮ распались на ряд суверенных государств. Если в 70-е – начале 80-х годов в коммунистическом мире остро стояли проблемы личных прав граждан, то в конце 80-х годов на первый план вышли вопросы коллективного права на национальное и территориальное самоопределение. Известно, что после первой мировой войны границы между новыми государствами и права национальных меньшинств гарантировались в рамках федерального или унитарного государства¹. При этом коллективные интересы подчас входили в конфликт с личными правами. В наше время самоопределение одной части населения нередко угрожает другой его части, вызывая таким образом межэтнические и межгосударственные конфликты.

Указанные проблемы приковали к себе внимание в конце 80-х годов, когда в Центральной Европе и Советском Союзе прошла волна межэтнического национализма. Подобные явления в СССР стали побочным эффектом политики гласности и демократизации. Коммунистические структуры искали прибежище в "патриотизме" в целях самосохранения. Оппозиционные группировки также питали национальные сентименты². Обострился вопрос национальных границ.

Горбачевская перестройка не только не приостановила рост этнического национализма в СССР и в Центральной и Восточной Европе, но и послужила для него катализато-

ром. После нескольких лет убыстрявшегося народнохозяйственного спада советские лидеры стали говорить о необходимости введения "социалистической рыночной экономики". Эта идеологическая новация была призвана спасти старую систему от полного разрушения. В марте 1990 г. Верховный Совет принял наконец Закон о гражданской собственности на средства производства и республиканской (не союзной) собственности на природные ресурсы за исключением тех, которые имеют стратегическое значение³. Идеологические табу не позволяли легализовать частную собственность на средства производства и на землю, открыть широкую дорогу частной инициативе. Академик Шаталин предрекал в этой ситуации возможность утечки мозгов, усиление потока эмиграции⁴.

Экономическая программа Шаталина-Явлинского, получившая название "500 дней", предполагала быстрый переход к рыночной экономике. Печальная судьба этой программы известна. Негативные явления в экономике нарастали. Политика Горбачева и Рыжкова способствовала дальнейшему упадку производства⁵. Отдельные попытки преобразований, осуществленные в 1991 г. в области экономического законодательства, лишь создавали иллюзию перемен.

Между тем политика гласности во внутренних делах и новое мышление во внешней политике были необходимыми мерами для дальнейшего продвижения перестройки⁶. С другой стороны, возможность свободно выражать личное мнение, объединяться на основе групповых интересов вне официальных рамок, отказ от образа врага в лице "агрессивного Запада" пробудили законсервированные до сих пор настроения этнического национализма в советских республиках и в странах Центральной и Восточной Европы и определили тенденцию к расколу как Союза ССР, так и советского блока⁷. До конца 80-х годов правящая КПСС пренебрегала серьезностью этнического давления, переоценивая, видимо, легитимность установленных в прошлом межэтнических отношений. До 1988 г. из всех официально существующих на территории СССР наций только русские обладали коллективными этническими правами за пределами собственной республики⁸. В Латвии, например, шко-

лы и другие культурные заведения для немцев, эстонцев, евреев, литовцев, белорусов и поляков были ликвидированы советской властью еще в 1940 г.⁹ Вместо этого обучение "социалистическому интернационализму" стало обязательным для всех национальностей, кроме русских, которых власти считали, видно, истинными интернационалистами от рождения¹⁰. С введением гласности и перестройки ситуация начала изменяться. Процессы дерусификации нерусских национальностей в отдельных республиках и нарастание русского национализма шли бок о бок. Научные споры об экономическом суверенитете, контроле за природными ресурсами и состоянием окружающей среды, по проблемам языка, религии, историографии приобретали все более ярко выраженную национально-политическую окраску¹¹.

В 1987–1988 гг. в Латвии, Литве и Эстонии развернулась широкая кампания по защите окружающей среды и природных ресурсов. Обострение экологической ситуации осложняло отношения этих республик с центром. Общим для трех балтийских республик было и то, что продукция, производимая по спущенным из центра разнарядкам, покрывала нужды других, но оставалась дефицитной в самой Прибалтике. Строительство новых промышленных объектов, планируемое из центра, требовало значительно притока рабочей силы, в основном русского населения. Это осложняло и без того непростую этнографическую ситуацию в регионе. В 1989 г. в Эстонии, Латвии и Литве насчитывалось соответственно эстонцев – 60 %, латышей – чуть более 50 %, литовцев – около 80 %. В Таллине эстонское население едва достигало 50 %; в Риге менее 40 % жителей были латышами.

Созданные в этих республиках народные фронты выдвигали требования экономического суверенитета, нового порядка установления гражданства и прохождения воинской службы, введения родного языка в качестве государственного и прекращения разбазаривания природных ресурсов по указке центра. С точки зрения новых балтийских правительств их страны были оккупированы, а потому не принадлежали Советскому Союзу. Присоединение этих стран к СССР в 1940 г. признавалось незаконным актом.

Новые лидеры республиканских компартий поддержали требования введения национального государственного языка, исполнения воинской обязанности гражданами этих республик по месту жительства, охраны окружающей среды и природных ресурсов¹². Важным шагом было введение довоенных флага и гимна, официальное признание национальных праздников. Весной 1989 г. парламентами Эстонии, Латвии и Литвы национальные языки были объявлены государственными. Этнический национализм стал таким образом государственной политикой, низведя русское население до категории национального меньшинства.

Между тремя балтийскими республиками соблюдалось некое "разделение труда". Эстония брала на себя роль форварда в наступлении на центр; Литва придавала особую весомость политическим требованиям; участие в этом процессе Латвии делало все эти процессы региональными. Социологические исследования, проведенные в 80-х годах, обнаружили в Эстонии по сравнению с другими республиками СССР наиболее высокий уровень образования и наибольшую ориентированность на западный образ жизни. Правда, высокий уровень жизни не спасал эстонцев от разочарований советскими порядками¹³. Эти чувства подогревались опасностью потерять для себя Эстонию в демографическом смысле. В меньшей степени опасались этого литовцы, составляющие подавляющее большинство в своей республике. Так или иначе им удалось сохранить определенную культурную дистанцию от Советского Союза: католицизм стал здесь таким же определяющим этническим знаком, как и в соседней Польше. Когда эстонцы демонстрировали свое участие в тех или иных политических акциях, литовцы всегда поддерживали их. В Литве в марте 1989 г. на выборах в Верховный Совет СССР Саюдис опередил компартию, получив 36 из 42 мест, предназначавшихся республике¹⁴. Латыши, не составляя большинства в республике, были сравнительно ограничены в своих политических возможностях. Более того, компартия Латвии еще в конце 50-х – начале 70-х годов была "очищена от националистов". Все это тормозило национальное пробуждение в республике. Тем не менее национальное движение в

Латвии было важным в качестве поддержки Эстонии и Литвы. В марте 1989 г. прибалты сформировали в Верховном Совете СССР радикальный оппозиционный блок¹⁵.

К началу политики перестройки отраслевые министерства, расположенные в Москве, контролировали более 90 % всей экономики балтийских республик¹⁶. Русские составляли большинство среди работающих на крупных промышленных предприятиях, а также в городских центрах, в то время как местное население доминировало в сельской местности, в сфере обслуживания¹⁷. Русские промышленные рабочие и балтийские крестьяне вполне могли обходиться друг без друга, но в сфере обслуживания, на транспорте, в торговле они постоянно сталкивались и конфликтовали. Прибалты чувствовали, что русские создают себе привилегии в жилищном строительстве, при получении квартир, и опасались нарастающей русификации общественной жизни¹⁸. Балтийский национализм преследовал две цели: дерусификацию и десоветизацию.

В мае 1989 г. один из лидеров эстонского народного фронта Вейдемманн сравнил процессы, происходившие в Советском Союзе, с прогрессивными явлениями, имевшими место в Европейском сообществе. В Западной Европе именно суверенные национальные государства стали субъектами установления тесного экономического сотрудничества. Это, по его мнению, являлось оптимальной моделью для СССР¹⁹. В соответствии с утверждением Р. Озоласа, шефа-редактора информационного бюллетеня Саюдиса, "основой социальной жизни должно стать национальное государство". Г. Хазак, историк из Таллинна, развивал эту мысль таким образом: "Краеугольным камнем устройства Советской федерации должна стать суверенная национальная республика"²⁰.

В 1989 г. стало абсолютно очевидно, что судьба перестройки находится в руках у прибалтов. Их основными оппонентами были местные движения интерфронтов, основу которых составляли русскоязычное население и расквартированные в Прибалтике вооруженные силы. Русские в этих республиках были слабо подготовлены к сопротивлению, ибо большинство их не владели национальными языками и были далеки от культурных традиций балтийских наро-

дов²¹. Они всячески старались поверить в официальный тезис о том, что русские освободили народы Прибалтики от ига буржуазии и фашизма, а поэтому прибалты должны быть им благодарны. Русские в Прибалтике не идентифицировали себя с теми республиками, где они проживали. Их родиной был Советский Союз²². В этом заключалась слабость интерфронтов. Их лидеры продолжали утверждать, что балтийские республики являются "русскими провинциями", т. е. "продолжением России"²³. По утверждению председателя интерфронта Латвии И. Лопатина, разговор об экономическом суверенитете "клочка земли по имени Латвия" есть детский лепет, а потому глупо провозглашать латышский язык государственным языком²⁴. Заметим в заключение этого сюжета, что не так все оказалось глупо, как представлялось "интерфронтам", политика которых, направляющаяся союзным и московскими органами, потерпела полное фиаско.

Теперь хотелось бы поговорить о венгерском варианте, так сказать, "спиритуализации границ". Благодаря специфическому характеру исторического развития Венгрию можно считать особым случаем "второго национального подъема" в Центральной и Восточной Европе. До 1918 г. она представляла собой многонациональное государство в составе Габсбургской монархии с преобладанием мадьярского населения, политическая власть в котором почти полностью принадлежала последним. Позывы к самоопределению среди словаков, хорватов, румын и сербов были направлены против венгерского государства. По Трианонскому договору 1920 г. Венгрия потеряла две трети прежней территории в пользу Чехословакии, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Австрии. Одна треть этнических венгров "старого королевства" оказалась за пределами его границ, в качестве меньшинств в Чехословакии, Румынии, Югославии и Австрии. Чтобы пресечь ирредентистские настроения Венгрии, была создана Малая Антанта, в которую вошли Югославия, Румыния и Чехословакия. Накануне германской экспансии в Центральную и Восточную Европу Венгрия вернула часть Словакии, закарпатских территорий и Трансильванию (1938–1940 гг.). После окончания второй мировой войны границы Трианонского

договора были восстановлены, с той лишь разницей, что Венгрия оказалась граничащей с СССР, который, присоединив Закарпатскую Украину (прежде принадлежавшую Чехословакии), стал обладателем территории, населенной венгерским меньшинством.

Хронический экономический кризис продолжался в Венгрии вплоть до конца 80-х годов. В то же время изменения, происшедшие внутри коммунистической партии, появление ряда неформальных организаций делали возможным обсуждение таких, например, вопросов, как национальные меньшинства, что, в соответствии с советскими догмами, в принципе считалось немыслимым. Венгры, проживающие за пределами исторической родины, насчитывали три миллиона человек и представляли собой самое многочисленное национальное меньшинство в Европе. По венгерским источникам, они составляют 40 % всех национальных меньшинств на континенте²⁵. Историки много пишут об ущемлении национальных прав венгров, политических репрессиях против них в Румынии и Чехословакии, что на протяжении долгих лет вынуждало представителей венгерской интеллигенции выступать против существовавших там коммунистических режимов. Развитие Румынии в последние годы свидетельствует о новом подъеме венгерского национализма.

В марте 1988 г. румынское правительство заявило о необходимости ликвидации в своей стране тысяч сел и превращении их в агрогорода. Эта мера носила в первую очередь антивенгерский характер, ибо напрямую касалась населения и материальной культуры двух миллионов венгров, населявших Трансильванию. Подобные разрушительные процессы уже коснулись венгерского университета в Клуж-Напока (Коложвар), прав и положения этнических венгров в общественной жизни. Венгерские географические названия были заменены румынскими. К 1988 г. около двадцати тысяч этнических трансильванских венгров перебежали или эмигрировали в Венгрию, где 90 % из них получили статус политических беженцев – случай беспрецедентный во взаимоотношениях коммунистических государств. Другие беженцы были репатриированы в Румынию²⁶.

В июне 1988 г. венгерский парламент выразил протест против политики уничтожения сел в трансильванских районах Румынии, назвав эту политику препятствующей развитию венгеро-румынских отношений²⁷. Важно отметить, что и до 1988 г. венгеро-румынские отношения осложнялись ввиду появления в этих странах научных трудов, в которых соответствующим специфическим образом трактовались проблемы истории Трансильвании. В пылу полемики румынская сторона современную Венгрию сравнивала с Венгрией времен Хорти, считая, что Трансильвания является исконно румынской территорией²⁸. В свою очередь и венгерская сторона настаивала на том, что венгры и словаки принадлежат к единой венгерской нации²⁹.

Национально-культурные связи Венгрии и Словакии тесно переплетены с вопросами экологии. Так, венгерские интеллектуалы критиковали австро-венгеро-чехословацкий проект по совместному строительству электростанции по причинам нарушения экологического фона на венгерской территории. Строительство этого сооружения могло нарушить и этническое равновесие благодаря притоку рабочей силы из Словакии³⁰. Учитывая требования оппозиции, 13 мая 1989 г. было решено отложить строительство электростанции в Габчиково-Надьмарош.

Большую работу по установлению контактов с этническими венграми, проживающими за пределами страны, развернул Венгерский демократический форум. Эта организация приняла резолюцию, осуждающую политику румынского правительства по ликвидации венгерских сел в Трансильвании и ущемлении культурных прав венгерского населения в Румынии. Форум установил связи с Чешской демократической инициативой в интересах "расширения чехословацко-венгерских отношений и углубления взаимопонимания между двумя народами"³¹. 16 сентября 1988 г. в Венгрии образовалась еще независимая организация Новый мартовский фронт. В одном из первых заявлений Фронта была подчеркнута необходимость "ответственности за судьбу венгров, проживающих за пределами страны, и поддержки их". "Эта ответственность, – говорилось в заявлении, – должна стать неотъемлемой частью венгерской внешней политики. Необходимо предпринять шаги против

экономического и культурного национализма в Восточной Европе"³². Адресатами воззвания были преимущественно Румыния и Чехословакия. Подобные тезисы высказывались также в ряде статей, опубликованных в центральной прессе Венгрии, в том числе подписанных руководителями венгерской компартии³³.

В ноябре 1988 г. на своем первом национальном конгрессе в Будапеште Федерация молодых демократов, ставшая оппозиционной партией после выборов 1990 г., приняла программу, в которой провозглашалась необходимость "установления в Венгрии гуманитарных прав в соответствии с европейскими"³⁴.

Премьер-министр Венгрии Йозеф Анталл неоднократно высказывал озабоченность положением венгров в других государствах. По данным на октябрь 1990 г., в Чехословакии проживали около 600 тыс. этнических венгров. Правительство Словакии приняло постановление, в соответствии с которым национальное меньшинство, составляющее не менее 20 % населения на данной административной территории, может вводить родной язык для использования в государственных учреждениях. Однако, так как венгры не проживают в Чехословакии компактно, им трудно вписаться в рамки указанного закона. Около 400 тыс. венгров, проживавших в автономной провинции Воеводина в Сербии, были подвержены гонениям ввиду обвинения Венгрии в поставке оружия в Хорватию в феврале 1991 г. В своей речи 2 июня 1990 г. Й. Анталл подчеркнул, что и спустя семьдесят лет Венгрия осуждает Трианонский договор, но действует в соответствии с Хельсинкским соглашением 1975 г. о недопустимости изменения границ насильственными мерами. Румынский министр иностранных дел А. Нэстасе отвел обвинения Анталла в нарушении в его стране прав этнических венгров, заявив, что у них существует одна нация – румыны, и никто за рубежом не имеет права говорить о правах национальных меньшинств в Румынии³⁵.

Нарастающий национализм Венгрии характерен двумя моментами. Во-первых, забота о венграх, проживающих в других государствах, так или иначе ведет к ирредентизму, т. е. пересмотру границ. Во-вторых, экономический кризис в

стране пошел на спад, активизируются контакты Венгрии со странами Запада. Таким образом, значение самих границ несколько снижается, хотя идея сама по себе настолько сильна, что может вызвать и некие эксцессы. На политическом языке Венгрии этот процесс называется "спиритуализацией границ", т. е. при отсутствии прямого ирредентизма проведение этой идеи в "мягкой" форме³⁶, что вызывает большое подозрение в Чехословакии, Румынии, Югославии и на Украине.

Итак, подведем некоторые итоги. До мая 1990 г. балтийские государства действовали согласованно, не предпринимая каких-либо резких политических акций. Но 12 мая 1990 г. лидеры трех республик Арнольд Рюйтель, Анатолий Горбунов и Витаутас Ландсбергис встретились в Таллинне с тем, чтобы возобновить Балтийский договор 1934 г., отмененный советскими властями в 1940 г. В интервью "Вашингтон пост" министр иностранных дел Эстонии Л. Мери подчеркнул, что у трех государств было "общее прошлое, у них общее будущее, общая тактика и стратегия"³⁷. Это значит, что период в русской истории и истории стран Балтии, открытый пактом Молотова-Риббентропа, подошел к концу. О неправомерности этого пакта говорили и многие советские историки, в частности М. Семиряга³⁸, С. Моргачев³⁹.

В отличие от Балтийских государств, выступивших за отделение от СССР компактным блоком, Венгрия до сих пор считает территории других государств, населенные этническими венграми, своей, "спиритуальной" Венгрией. Общим местом в обоих случаях является увязка проблем этнического национализма с вопросами охраны окружающей среды. Последнее служит катализатором первого. В соответствии со сложившейся международной ситуацией венгерские национальные чувства не могут быть удовлетворены по принципу "один народ, одно государство". Ирредентизм в буквальном смысле не является реальным. Вместо этого выдвигается тезис "спиритуализации границ", что означает постепенное упразднение духовных и культурных барьеров между этническими венграми в разных государствах. Лишенные возможности вернуть утерянные территории венгры выступают, таким образом, как поборники гуманитарных и национальных прав.

Проблемы гуманитарных прав и национального самоопределения идут рука об руку в процессе установления политической стабильности в Центральной Европе. Пример Венгрии поучителен для русских в смысле того, как управлять многонациональным государством, как учиться жить в соответствии с политическими реалиями и не терять связей с национальными меньшинствами, волею судеб оказавшимися на территории других государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Tägil S., Gerner K., Henrikson G., Johansson R., Oldberg I., Salomon K. Studying boundary conflicts: A theoretical framework // Lund studies in international history. 1977. N 9.
2. См.: Gerner K. The Soviet Union and Central Europe in the postwar era: A study in precarious security. Aldershot, Hunts.: Gower. 1985; Gerner K. Nationalities and minorities in the Soviet Union and Eastern Europe // Nordic journal of Soviet and East European studies. 1987. Vol. 4. N 2.
3. Steinwall A. Privat ägande tillåtet // Sydsvenska Dagbladet. 7.03.1990.
4. Шаталин С. Не терять головы! // Литературная газета. 2.05.1990.
5. UdSSR-Wirtschaft desolater als erwartet // Süddeutsche Zeitung, 19.12.1990.
6. См.: Gerner K., Hedlung S. Ideology and rationality in the soviet model. London., 1989.
7. См.: Gerner K. Moscow and the surrounding world: Perceptions of Gorbachev and his entourage // Nordic journal of Soviet and East European studies. 1988. Vol. 5. N 3-4.
8. Nahaylo B. Radio Kiev calls for reestablishment of national soviets // Radio liberty research report. 1988. N 490.
9. Siwinski W. Laty i sentimy // Polityka. 20.05.1989. P. 12.
10. Слышать друг друга // Коммунист. 1989. № 6. С. 70.
11. Kahk J. Lecture in Lund 30.05.1989.
12. См.: RAD Background Report /214/ Radio Free Europe research. 1988. Vol. 13. N 43. Baltic Area; Radio Free Europe Research. 1988. Vol. 13. N 40, 43. Baltic Area Situation Report.
13. См.: Gerner K. Commentary: Internal consequences of the reform process with emphasis on demographic and ethnic relations. The Gorbachev reform policy // Norwegian institute of international affairs, NUPI Report. Oslo. 1988. N 115.
14. Girnius K. Lithuanian communist party in quandary // Report on the USSR. 21.04.1989. P. 24.
15. Hamrin H. Kris hotar lamslä folkkongressen // Dagens Nyheter. Stockholm. 27.05.1989; Hamrin H. Rad av Bakslag för reformanhängarna // Sydsvenska Dagbladet. Malmö. 29.05.1989.
16. Слышать друг друга... С. 62.
17. Там же. С. 65-68.
18. Огрэнс В., Лотман Ю. "Тут надо быть 1000 раз осторожным" // Коммунист. 1988. № 6; Кирх А. В., Ярве П. Э., Хаав К. Р. Этносоциальная

дифференциация городского населения Эстонии // Социологические исследования. 1988. № 3. С. 30–35.

19. В нашем общем доме нужны большие перестановки // Крокодил. 1989. № 13. С. 6–7.

20. Слышать друг друга... С. 71, 74, 78.

21. В качестве примера может быть взята история нелегального образования как она происходила в большинстве оккупированных наций. Что это, действительно, имело место и в Эстонии, утверждалось в беседе с известным эстонским ученым в мае 1989 г.

22. Kuddo A. Lecture in Lund 15.04.1989.

23. Ребане Я. Строить вместе разумные отношения // Коммунист. 1989. № 4. С. 84.

24. Латвия: вместе или врозь? // Литературная газета. 19.07.1989.

25. Szokai I., Tabadji C. The national minorities question // The new Hungarian quarterly. 1989. Vol. 29. N 112. P. 39.

26. Schöpflin G. The role of Transylvania in Hungarian politics // Radio Free Europe research. 1988. Vol. 13. N 48. Part I.

27. A Resolution by the Hungarian Parliament // The New Hungarian quarterly. 1988. Vol. 29. N 111. P. 56–57.

28. Schöpflin G. Op. cit.

29. Käfer I. Slovak and Hungarian culture: Past and present // The New Hungarian quarterly. 1988. Vol. 29. N 111. P. 152.

30. Pataki J. The Ecology: Opponents of hydroelectric project call for suspension of work // Radio Free Europe research. 1988. Vol. 13. N 40. Part II.

31. Reisch A. Hungarian Democratic Forum formally set up with official acquiescence // Radio Free Europe research. 1988. Vol. 13. N 43. Part III.

32. Reisch A. New march front issues appeal for "Social Renewal" // Radio Free Europe research. 1988. Vol. 13. N 43. Part III.

33. Szokai I., Tabadji C. Op. cit.

34. Markos E. Independent youth organisation holds National Congress // Radio Free Europe research. 1988. Vol. 13. N 49. Part I.

35. Deletant D. The role of Vatra Romaneasca in Transylvania // Report on Eastern Europe. 1991. Vol. 2. N 5. P. 35–36.

36. Boldizsar I. In a good cause // The New Hungarian quarterly. 1988. Vol. 29. N 111. P. 55.

37. Tempus. Stockholm. 1990. N 20/21.

38. Семиряга М. И. Еще раз о "кризисном годе, 1939..." // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 123.

39. Моргачев С. В. Новое политическое мышление для севера Европы // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 11. С. 121.

30-ЛЕТНЯЯ ДОРОГА К ПЛЮРАЛИЗМУ

(о венгерском варианте демократизации)

Последние месяцы 1989 г. оставили заметный след в истории Восточной Европы. Озабоченное своими внутренними проблемами советское правительство уже не могло помешать демократическим процессам в этом регионе. Лишенная внешней опоры, "мировая система социализма" рассыпалась в считанные недели. Но при всей общности судеб восточноевропейских народов нельзя не видеть специфики каждой отдельной страны. "Нежная" (или "бархатная") революция в Чехословакии резко отличалась от румынского варианта, польский путь продвижения к демократии был непохож на болгарский или восточногерманский.

Венгерская "революция" оказалась наиболее плавной и спокойной. Здесь было мало политических страстей, массовых митингов и, тем более, не было уличных столкновений. Борьба различных мнений лишь изредка выплескивалась за пределы дискуссионных клубов с ограниченным числом участников. Развитие событий в Венгрии в 1989–1990 гг. совсем не напоминало те полные драматизма баталии, которые происходили здесь тридцатью тремя годами раньше, в дни первой в мировой истории демократической революции в стране "реального социализма". Однако связь между 1956-м и 1989–1990-ми годами существует. Без 1956 г. и последовавшей за ним кадаровской эпохи не могло произойти столь мирного, эволюционного перехода к иной модели общества.

Смену системы в своей стране на рубеже 80-х – 90-х годов венгерские политологи и публицисты нередко определяют как "уставшую революцию". Определение, на первый взгляд, странное. Но за ним скрыт глубокий смысл – венгерская революция по сути дела явилась длительным, растянувшимся более чем на три десятилетия процессом с

большими откатами и новыми приливами. События 1989–1990 гг. стали лишь заключительным аккордом, поставили точку в этом процессе. Без знания о том, что представляла собой Венгрия в эпоху Кадара, нельзя понять специфику "венгерского пути" к демократии в наши дни.

Янош Кадар встал во главе Венгрии в ноябре 1956 г. после свержения советскими войсками революционного правительства Имре Надя. В первые дни революции он был в числе ближайших соратников И. Надя, полностью поддерживал программу демократических реформ. Известно, что всего за несколько дней до агрессии 4 ноября Я. Кадар заявил послу СССР Ю. Андропову, что первым бросится на танки в случае нового появления советской армии на улицах Будапешта. В устах человека, прошедшего через пытки в застенках режима Ракоши, жесточайшего в Восточной Европе, эти слова едва ли звучали пустым фанфаронством. Тем неожиданнее для многих тысяч венгров стало последующее предательство Кадара. Яблоком раздора между ним и И. Надем явилось решение последнего о выходе Венгрии из Организации Варшавского Договора. Личный враг Ракоши (с гордостью называвшего себя "лучшим венгерским учеником Сталина"), человек, с воодушевлением принявший идеи XX съезда КПСС, Кадар в своем реформизме оказался все же не способен переступить ту грань, через которую по мере развития революции перешли, пусть и не без колебаний, И. Надь и ряд его единомышленников. Выучка делу "пролетарского интернационализма" оказалась в нем сильнее реформистских пристрастий. Увидев именно в действиях И. Надя предательство национальных интересов, Я. Кадар перешел в стан противников революции. При его непосредственном участии законное правительство было низвергнуто, И. Надь казнен, тысячи людей прошли через тюрьмы.

И все же полного возврата к сталинизму не произошло. С начала 60-х годов режим неуклонно развивался по пути либерализации, причем процесс этот не был приостановлен и с началом брежневской эпохи. Проект венгерской экономической реформы конца 60-х годов во многом перекликался с планами чехословацких реформаторов 1968 г. Но изменение политического климата в Москве не оставляло

шансов для успешного проведения запланированных реформ. Обе они (и чехословацкая, и венгерская) были свернуты – одна в результате прямого военного вторжения, другая вследствие непрекращающегося политического давления. После неудачи с реформами конца 60-х годов умерли надежды многих венгерских интеллигентов на демократическое обновление социализма. "60-е годы для нас были временем надежды, и надо признать, многих иллюзий. Тогда нам показалось, что и при системе однопартийного государственного социализма можно путем реформ создать социалистическое рыночное хозяйство, социалистическую демократию или демократический социализм. Нечто такое, что и не сталинизм, и не западный капитализм. Эту иллюзию похоронила пражская интервенция 1968 г.", – вспоминает видный писатель, публицист и социолог Дьердь Конрад, ставший недавно президентом Международного ПЕН-клуба¹.

За прекращением экономических реформ последовало "похолодание" в политической и духовной областях. Многие ведущие ученые-гуманитарии оказались лишенными работы, некоторые были вынуждены эмигрировать. Но даже в периоды временных ужесточений кадаровский режим, как признавали западные наблюдатели, заметно отличался от коммунистических режимов в остальных странах региона (не считая разве что Югославии). Немалая заслуга в том принадлежала и самому лидеру страны.

В сравнении с главами других государств, входивших в Организацию Варшавского Договора, Я. Кадар был более открыт веяниям либерализма. С начала 60-х годов он редко и неохотно прибегал к политическим репрессиям, отдавал несомненное предпочтение "прянику" перед "кнутом" и по праву слыл наиболее "просвещенным" из "некоронованных монархов" Центральной и Восточной Европы. Все уродливые черты "реального социализма" (засилье бюрократии и партократии, экономический волюнтаризм, коррупция, некомпетентное вмешательство в культуру) проявились в Венгрии в смягченной форме. Вообще в качестве руководителя Кадар очень мало походил на таких людей, как Чаушеску, Живков, Хоннекер. И дело здесь было не только в его нетерпимости к коррупции, родственному подбору

кадров и непомерному возвеличиванию собственной персоны. В отличие от подавляющего большинства восточно-европейских лидеров 60-х – 80-х годов Кадар преследовал инакомыслящих главным образом в той мере, в какой опасался, что слишком далеко идущие реформаторские планы могут вызвать недовольство официальной Москвы, вбить клин в межгосударственные отношения Венгрии и СССР. Если Чаушеску неизменно бравировал независимостью внешней политики Румынии, то Кадар, напротив, всегда был убежден, что отсутствие напряженности в отношениях с Советским Союзом есть главный залог благополучия венгерской нации (именно поэтому он до конца своей жизни был уверен, что его тяжелый компромисс с Москвой в 1956 г. предотвратил восстановление в Венгрии сталинизма в чистом виде).

Будучи по своему складу ума хотя и явно не свободным от догматической зашоренности, но все-таки реформатором социалистической системы, Я. Кадар в своем предоставлении венграм экономических и политических свобод на протяжении трех десятилетий балансировал на той довольно подвижной грани, переход за которую мог бы повлечь за собой крайне негативную реакцию советского руководства². Человек, извлекая уроки как из венгерских событий 1956 г., так и из чехословацких 1968 г., он достиг немалого мастерства в проведении политики, суть которой лучше всего могла бы передать русская пословица: "И волки сыты, и овцы целы". Тяжелые внешние условия, в которых пришлось вести страну этому незаурядному политику, равно как и лежавшая на его личности несмываемая каинова печать, клеймо первоначального греха, предшествовавшего вступлению на "престол" ("комплекс Бориса Годунова") сделали Кадара поистине трагической фигурой венгерской истории.

Экономическая реформа 1968 г., предполагавшая большее расширение масштабов частного предпринимательства, хоть и не была проведена в полном объеме, все же принесла определенные плоды. В частном секторе промышленности и сферы обслуживания в 70-е – 80-е годы было занято более 4 % экономически активного населения, частные предприятия могли нанимать до 100 рабочих,

больше, чем в любой другой социалистической стране. Широким распространением и многообразием форм отличалась и кооперативная собственность.

Сегодня, когда приватизация государственной собственности стоит в Центральной и Восточной Европе в качестве важнейшей задачи, без которой немислим экономический подъем, венграм не приходится начинать этот процесс с нулевой отметки. В наши дни приватизация в стране идет полным ходом. К концу 1992 г. удельный вес государственной собственности в экономике предполагается снизить с 90 % до 40–50 %. С 1 января 1991 г. значительно облегчены условия вложений иностранного капитала, и теперь западным фирмам не приходится сталкиваться с массой бюрократических препон, имевшихся ранее. Часть предприятий уже нашла или в скором времени найдет своих новых владельцев. Производственное объединение "Икарус", например, превратилось в акционерное общество. Интересно, что значительная часть акций принадлежит советской стороне (торговой фирме АТЭКС):

Стремление попасть на западные рынки отнюдь не означает отказа от уже испытанных рынков сбыта тем более, что сегодня венгерская продукция лишь в редких случаях способна выдержать конкуренцию на Западе. Россия, многие республики бывшего СССР, другие восточноевропейские страны по-прежнему будут оставаться важнейшими торговыми партнерами Венгрии. С января 1991 г. государства, некогда входившие в СЭВ, перешли на взаимную торговлю по мировым ценам в свободно конвертируемой валюте. Такая практика, естественная для всего цивилизованного мира, дается бывшим социалистическим странам пока не без трудностей. Некоторые из них (в первую очередь члены СНГ) в силу собственных экономических неурядиц не всегда могут выполнить в срок обязательства по поставкам той или иной продукции. Соответственно и другая сторона сокращает ответные поставки, хотя и испытывает большие трудности со сбытом продукции. Все это закономерно еще и в силу сложившегося неравенства в бывшем социалистическом лагере, теперь, правда, неравенства уже несколько иного характера, чем ранее, в годы советского диктата. Дело в том, что Польша, Чехословакия

и Венгрия прошли гораздо дальше по пути создания рыночной экономики, нежели страны СНГ.

Наряду с законами о приватизации бурные парламентские дебаты сопровождали принятие нового законодательства о земле. Особую позицию занимала одна из партий правящей демокристической коалиции – партия мелких сельских хозяев, имеющая давнюю историю. Эта партия была распущена в конце 40-х годов и воссоздана лишь в конце 80-х. Многие деятели ПМСХ высказывались за полный роспуск сельхозкооперативов, пересмотр всех аграрных реформ, осуществленных после 1947 г., возвращение земель их прежним владельцам (а не просто материальную компенсацию). Эти планы вызывают нарекания, причем отнюдь не обязательно со стороны приверженцев социалистической идеи. Кооперативная система в Венгрии при всех ее изъянах не только обеспечивала страну необходимым продовольствием, но и поставляла свою продукцию на экспорт. В этой связи возникают вопросы: надо ли ломать то, что худо-бедно, но работает? Не разумно ли параллельно со старым создавать новые формы хозяйствования, фермерство, аренду, обеспечивать условия для конкуренции разных типов собственности?

В целом венгерская экономика, по-видимому, еще долго будет нести на себе "родимые пятна социализма". Для полного перехода страны к новой системе экономических отношений потребуется не один год даже при самом благополучном стечении обстоятельств. Иначе обстоит дело в политико-идеологической сфере. Политическая система сегодняшней Венгрии с ее развитой многопартийностью, пожалуй, уже совсем не напоминает о длительной полосе исторического развития, называемой социализмом. Между тем формирование современной политической системы началось еще в конце эпохи Кадара и происходило постепенно, эволюционным путем.

Политик гибкий и дальновидный, Кадар в отличие от других восточноевропейских лидеров не маскировал приоритет партийной власти в Венгрии над государственной. Показательно, например, что после 1965 г. он никогда не совмещал должности первого (затем генерального) секретаря ЦК ВСРП ни с постом главы государства, ни с постом

главы правительства. В отличие от ГДР, Чехословакии, Польши и Болгарии в кадаровской Венгрии не было формальной многопартийности и ВСРП оставалась единственной партией. Внешне венгерский авторитаризм был, таким образом, более откровенным и неприкрытым, менее закамуфлированным. Но в реальности венгерские граждане имели больше возможностей выражать свои "особые" неофициальные мнения через общественные организации, входящие в Отечественный народный фронт. Значительно большей самостоятельностью, нежели в других социалистических странах, обладали профсоюзы. Они имели право совещательного голоса, были нужны Кадару и его команде как рупор реальных, а не мнимых настроений рабочего класса.

С середины 60-х годов в Венгрии была упразднена предварительная цензура и ответственность за "излишне смелые" выступления прессы целиком возлагалась на редакторов (но и тех снимали с работы не часто). Некоторые издания (например, журнал "Мозго вилаг") отличались такой независимостью политических оценок, какую трудно было себе представить в "застойные годы" в любой другой стране "реального социализма" за исключением Польши в отдельные годы. По мнению западных наблюдателей, особый интеллектуальный микроклимат существовал при Кадаре и в академической среде – ученые имели определенные возможности выражать альтернативные мнения по принципиальным политическим вопросам без страха перед преследованиями, хотя и со слабыми надеждами быть услышанными за пределами конференц-залов. Вмешательство в духовную жизнь режим предпринимал только тогда, когда альтернативные взгляды получали настолько широкое распространение, что могли поставить под угрозу доминирующее положение официально принятой версии марксизма. Венгерской интеллигенции, например, хорошо памятна кампания 1973–1974 гг., когда мишенью проработок стал ряд учеников всемирно известного философа-марксиста Дьердя Лукача (1885–1971), усиленно искавших пути демократизации существовавшей социалистической системы (А. Хеллер и др.).

Все-таки в отличие от режимов Чаушеску, Гусака, Хоннекера, Живкова кадаризм (и в этом его несомненная за-

слуга) создал условия для зарождения в недрах самого социализма политико-идеологических структур демократического общества. С ослаблением после 1985 г. советского давления эти структуры получили возможность быстрого развития и укрепления. Подобно франкистской Испании 1975 г. в Венгрии 1988–1990 гг. произошел плавный переход от авторитаризма к демократии. Отжившие авторитарные институты были сравнительно легко и безболезненно демонтированы, и на смену диктатуре пришла парламентская демократия в довольно развитой ее форме.

Сегодня во главе правительственной коалиции стоит Венгерский демократический форум, ведущий свою историю с 1987 г. Эта партия подчеркивает свою приверженность христианско-демократической идеологии, поддерживает связи с партиями консервативной ориентации на Западе (английскими тори, германским ХДС). Большой упор в программе ВДФ делается на национальные ценности, возрождение политических и духовных традиций до-социалистической эпохи. Иногда это приводит к крайностям. Оппозиционный Союз свободных демократов, чья идеология носит более наднациональный характер, нередко упрекает некоторых деятелей ВДФ за идеализацию хортистского режима 20-х – 30-х годов – режима явно не демократического. Эти упреки, надо признать, не всегда обосновательны.

Союз свободных демократов, в противовес консервативному ВДФ, называет себя партией либеральной ориентации (в качестве аналога можно было бы назвать партию свободных демократов Германии). Однако если в Германии Коль и Геншер долгие годы работали сообща в коалиционном правительстве, то в Венгрии две основные несоциалистические партии никак не могут договориться между собой, ломая копыя в парламентской борьбе. Главные разногласия между ними касаются экономической политики. Оппозиционный ССД обвиняет ВДФ и ведомую им демохристианскую коалицию в нерешительности при проведении приватизации убыточных промышленных предприятий, осуществлении финансовой реформы. Впрочем, хотя ССД и не представлен в правительстве Й. Анталла, назвать его оппозиционной партией можно лишь с определенными

оговорками. Ведь и президент страны А. Генц, и мэр Будапешта, и председатель Госсобрания – свободные демократы, т. е. у ССД не так уж мало рычагов реальной власти, тем более что политического опыта этой партии не занимать. Многие ее представители еще в 70-е – начале 80-х годов были активистами правозащитных и прочих диссидентских движений, неоднократно вступали в конфликт с властями.

Другая видная оппозиционная партия, по некоторым (хотя и не всем) важным вопросам выступающая в блоке с ССД, – Союз молодых демократов. Возникший как альтернатива венгерскому комсомолу, этот союз представляет собой отнюдь не молодежный филиал какой-либо "взрослой" партии, а самостоятельную политическую организацию, представленную в парламенте большим числом собственных депутатов (в этом смысле СМД – пожалуй, уникальный в Восточной Европе феномен). Впрочем, о молодежном характере этой влиятельной политической партии напоминает темперамент выступлений ее лидеров, причем не только в ходе парламентских дискуссий. Именно по инициативе СМД в Будапеште проходили уличные митинги в знак протеста против антидемократических акций в Китае и СССР, в том числе против омоновских бесчинств в Вильнюсе и Риге зимой 1991 г. Кстати, СМД первым из политических сил Венгрии выступил за признание полной независимости трех балтийских государств.

Несколько особняком среди парламентских партий Венгрии стоит правопреемница кадаровской ВСРП – Венгерская социалистическая партия. У ее истоков находились коммунисты-реформаторы из кадаровского окружения – И. Пожгаи, Р. Ньерш (отец экономической реформы 1968 г.), бывший премьер-министр М. Немет, нынешний руководитель партии Д. Хорн. Этим людям не откажешь в дальновидности. В отличие от своих коллег из руководства КПСС они правильно смогли оценить ситуацию в стране и вовремя сделали решительный, единственно спасительный для себя шаг – осенью 1989 г. пошли на прямой разрыв с консерваторами в собственной партии. Своевременное избавление от сталинистского балласта позволило удержаться на плаву. Сегодня ее рейтинг достаточно высок. Около 8 % го-

лосов, набранных на парламентских выборах 1990 г., позволили ВСП стать парламентской партией и сохранить, тем самым, реальное влияние на ход политической жизни. В сложившихся условиях это было максимумом возможного для наследницы правящей партии. Тогда же, в 1989 г., партия отвергла идеологию марксизма-ленинизма, сделала выбор в пользу современных западных социал-демократических доктрин.

Менее удачливыми оказались более стойкие ленинцы. Образовавшаяся в результате упомянутого же раскола ВСРП партия коммунистической ориентации не смогла преодолеть парламентский барьер и не играет сегодня сколько-нибудь заметной политической роли.

Туристу, приехавшему из СССР, Венгрия может показаться весьма благополучной страной. В самом деле, изобилие и разнообразие товаров на прилавках, отсутствие длинных очередей – все это способно, при поверхностном взгляде, создать картину экономического процветания. Однако, если присмотреться повнимательнее, картина окажется менее радужной. Конечно, экономические проблемы Венгрии не чета нашим отечественным, но все же и здесь положение дел в экономике продолжает вызывать серьезную озабоченность. Растет инфляция, скачут цены. Средний доход населения за последние годы хоть и вырос, но существенно отстает от роста стоимости жизни. В прежнюю эпоху относительно высокий жизненный уровень достигался во многом за счет внешней задолженности. Но приходится рано или поздно оплачивать счета.

Надо признать: отнюдь не все экономические проблемы сегодняшней Венгрии – наследие времен минувших. Да, рыночной экономике нет альтернативы ни в Венгрии, ни где бы то ни было. Но этот путь к рынку отнюдь не безболезненный. Уже сегодня Венгрия сталкивается с массовой безработицей, по мере же закрытия убыточных предприятий лишатся места новые тысячи людей. Пособие по безработице едва позволяет свести концы с концами.

Сегодняшняя Венгрия – страна разительных социальных контрастов. С одной стороны, шикарные частные особняки на склонах будайских гор (владения не только бывшей партократии, но и быстро формирующейся националь-

ной буржуазии), а с другой – обилие нищих на улицах, бездомных на вокзалах. По самым оптимистическим прогнозам специалистов, Венгрии, даже при благоприятном стечении обстоятельств, лишь к 1993 г. удастся затормозить падение жизненного уровня. Еще какие-то годы пройдут до начала нового экономического подъема.

Глубокую тревогу вызывает положение дел с культурой. В сложной экономической ситуации государство вынуждено сокращать свои дотации в эту сферу, а молодой венгерский капитал еще не располагает "лишними" миллионами, которые он мог бы позволить себе вложить в весьма убыточные для него отрасли "высокой культуры". Например, с тех пор, как импорт и прокат фильмов стал делом частных предпринимателей, для которых привлечение зрителей есть "вопрос жизни и смерти", кинотеатры заполнили третьесортные американские боевики. Закрылось или резко сменило свой репертуар несколько кинотеатров, ранее ориентированных на показ мировой киноклассики (а в Будапеште, надо сказать, и в самый пик "застоя" ретроспективы фильмов Бергмана и Феллини, Бертолуччи и Копполы были самым обыденным явлением). На книжном рынке доминируют детективы и порнография. На грани финансового банкротства очутились многие театры. Находясь в материальной зависимости от невзыскательного зрителя, они вынуждены часто менять репертуар, ставить много бульварного ширпотреба.

В некоторых случаях (особенно в газетно-журнальном деле) проблема финансирования начинает в последнее время решаться за счет иностранного капитала. Западные "короли прессы" Мэрдок и другие уже купили себе по несколько центральных газет. Чрезмерная зависимость прессы от транснациональных корпораций многим в Венгрии представляется нежелательной. Несомненно, однако, что для многих периодических изданий это единственный способ достойно выкарабкаться из финансового кризиса. Преодолела, например, свои трудности крупнейшая газета "Непсабадшар". В прошлом главный орган кадаровской ВСРП, теперь она, находясь в зарубежном владении, по-прежнему остается наиболее влиятельной ежедневной газетой, несмотря на смену власти в стране. Ныне это независимое издание, пытающееся подняться над межпартийными дрызгами.

Либеральный характер кадаровского режима, сделал

возможным плавный переход от умеренного, но все же авторитаризма к демократии, не спас в то же время систему от серьезных экономических неудач. Даже в своем смягченном венгерском варианте государственно-бюрократический, однопартийный социализм не выдержал испытания временем, потерпел экономический и политический крах. Режим Кадара в конце 80-х годов неминуемо должен был разделить судьбу других восточноевропейских режимов. Отказ от утопической идеи построения социализма как безрыночного посткапиталистического общества, переход к рынку и действительному многообразию форм собственности в экономике, парламентской демократии западного типа в политике, широкому плюрализму в идеологии и культуре вывели венгерскую нацию на столбовую дорожку мировой цивилизации. Но только будущее покажет, сумеет ли она добиться успехов на новом пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Известия. 28.07.1990.

2. Характерно, что особая позиция коммунистической деспотии Чаушеску в области внешней политики (дружба с Китаем и т. д.) вызвала меньшее раздражение Брежнева и его окружения, нежели экономические реформы и внутривластная демократизация в странах региона при сохранении просоветской внешнеполитической ориентации. Свидетельство тому — пражская интервенция 1968 г.

ПЛАН МАРШАЛЛА И ПОЗИЦИЯ СССР

Пристальный интерес, проявляемый у нас в настоящее время к плану Маршалла, превращение этой темы в постоянный объект внимания печати различного толка обусловлен схожестью экономической ситуации, сложившейся в послевоенной Европе, и тем состоянием, в котором оказалась в настоящее время Россия. Этот интерес исходит также из широко распространившегося убеждения, что без западных экономических кредитов России невозможно будет осуществить свои рыночные реформы. Конечно, все эти ссылки на план Маршалла весьма поверхностны, ибо не основаны на реальном знании тогдашнего поведения США, с одной стороны, и СССР – с другой. Ведь даже хроника событий, связанных с этим планом и его реализацией, а, в особенности, разработка мотивов отказа Советского Союза от участия в нем, отсутствовали в советской историографии¹. Данная статья – попытка восполнить в некоторой степени этот пробел.

Появление "Европейской программы восстановления", которая более известна под названием плана Маршалла (по имени провозгласившего ее от лица американской администрации тогдашнего государственного секретаря США), было, как представляется, первым этапом в оформлении послевоенного "блокового" противостояния СССР и США. В условиях классовой противоположности двух этих держав их соперничество неизбежно должно было вылиться в идеологически окрашенную конфронтацию. Непосредственные корни конфликта лежали, с американской точки зрения, в экспансионистском характере советской внешней политики, в расширительном понимании СССР концепции безопасности². В своей европейской политике Советский Союз исходил из убеждения, как заявил

И. В. Сталин М. Джиласу, что прошедшая "война была не такой, как те, которые были в прошлом... Тот, кто занимает определенные территории, тот и распространяет на них свою социальную систему"³. На практике это привело к инспирированию и поддержке политики компартий стран Центральной и Восточной Европы, нацеленной на подавление демократии и обеспечение своего единовластия, переориентацию этих стран на Советский Союз.

Американская администрация смотрела, естественно, на все эти действия без всякого энтузиазма. Что же касается политики СССР в Германии, по отношению к Ирану, Греции и Турции, поддержки левых сил в Италии, Франции и других западных странах, то все это резонно определялось Вашингтоном как попытки расширения советской сферы влияния. Упомянутые левые силы СССР рассматривал как естественных проводников своего влияния. Вдобавок, как это явствует из ряда высказываний Сталина, Советский Союз исходил из убеждения о неизбежности на Западе очередного экономического кризиса, который должен был привести к возобновлению изоляционизма в американской внешней политике и ослаблению присутствия США в Европе. Именно это, по мнению Вашингтона, являлось причиной стремления СССР пролонгировать статус-кво и поддерживать неопределенность в осуществлении политического урегулирования на континенте⁴.

Если говорить об американской внешней политике, она основывалась на том, что в послевоенном мире США представляли одну из сильнейших в военно-политическом отношении держав, чья мощь подкреплялась обладанием ядерным оружием. Творцы этой политики считали совершенно неприемлемым, чтобы влияние СССР распространялось за рамки региона Центральной и Восточной Европы, чтобы он "проник" также в районы, считавшиеся до войны традиционной сферой влияния Запада. Отсюда решимость Вашингтона не позволить какому-либо государству или их блоку возобладать на Европейском континенте: такое положение расценивалось как покушение на безопасность США. Исходя из этих посылок, постепенно и выкристаллизовывалась в 1946–1947 гг. внешнеполитическая концепция сдерживания коммунизма. Первым шагом к ее реали-

зации стало оказание военно-экономической помощи Греции и Турции, о которой президент Трумэн объявил в марте 1947 г. и которая получила название доктрины Трумэна. Ее открыто антикоммунистический и антисоветский характер вызвал критику как внутри, так и вне США. Американцы поставили западноевропейские страны в сложное положение втягивания в конфронтацию с СССР.

Следующий шаг США в направлении сдерживания коммунизма и одновременно шаг к интеграции Европы – план Маршалла – явился результатом учета негативного опыта проводившейся до тех пор политики. К началу 1947 г. стало ясно, что использовавшаяся США в Европе стабилизационная экономическая стратегия не принесла желаемых результатов. К этому времени Вашингтон уже предоставил различным странам Европы более 9 млрд. долл. в рамках различных экономических программ. В конце войны Соединенные Штаты предполагали, что экономическому восстановлению Европы можно будет содействовать с помощью двусторонних кредитов, стабилизирував национальные денежные системы европейских стран при участии созданных в 1944 г. Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. Это финансовое содействие дополнялось их попытками добиться более эффективного использования европейских ресурсов⁵. Последнее включало вопрос о немецких репарационных платежах и поставках германского угля.

В процессе послевоенного восстановления Европы США уделяли большое место Германии. Общепринятым являлся факт, что Германия должна быть демилитаризована и демократизирована. Но американцы стремились осуществить то и другое таким образом, чтобы немцы могли играть ту экономическую роль в Европе, которую они играли до войны. США не представляли процесса восстановления хозяйственных связей на континенте без немецкого сырья и продукции, а кроме того, разрушенная Германия могла стать сложной политико-экономической проблемой для самих оккупировавших ее стран. Подход США к этой проблеме входил в противоречие с подходом СССР и государств, являвшихся жертвами нацистской агрессии. Франция, где большинство в правительстве составляли в то вре-

мя социалисты и коммунисты, придерживалась близкой Советскому Союзу позиции – отложить восстановление Германии до тех пор, пока не будет осуществлено восстановление стран-союзниц по антигитлеровской коалиции⁶.

Несмотря на все усилия США, европейская промышленность и сельское хозяйство продолжали отставать от довоенного уровня. Заводское оборудование нуждалось в ремонте или полной замене; нехватка рабочей силы и таких ресурсов, как сталь и уголь, сдерживали рост производства; недостаток продовольствия и инфляция вели к деморализации населения. Уменьшение долларовых и золотых запасов, колоссальный платежный дефицит основных стран Западной Европы, а также существование между ними жестко канализированных двусторонних торговых соглашений сдерживали импорт, мешали эффективному использованию местных ресурсов, созданию многосторонней системы торговли на континенте⁷. Возможное экономическое крушение Европы рассматривалось в США как событие, которое имело бы "драматические последствия" не только для мирового порядка, но и должно было неизбежно "катастрофически отразиться на американской экономике"⁸.

Хронологию движения США к предложению о создании единой европейской программы экономического восстановления следует начать с решения в марте-апреле 1947 г. организовать специальный Совет политического планирования при госдепартаменте во главе с Дж. Кеннаном, которому в кратчайшие сроки поручили разработать основные принципы программы экономического восстановления Европы. 1 мая того же года в статье близкого к вашингтонским кругам обозревателя "Нью-Йорк таймс" У. Липмана были представлены основные элементы будущей программы. Они включали: 1) принятие Вашингтоном ответственности за проведение немедленной и массовой политики в этом направлении; 2) объединение усилий самих европейцев при разработке общеевропейской программы производства и товарного обмена, импорта и экспорта при параллельном осуществлении помощи со стороны США; 3) признание значимости экономического восстановления Европы как элемента поиска нового экономического и политического порядка на континенте, вызванного процессом индустриализации, а не как исключительно одного из

элементов в политике сдерживания СССР; 4) содержали предложения по определению общего экономического дефицита стран-участниц в процессе восстановления, который должен был быть компенсирован Соединенными Штатами как их вклад в дело восстановления Европы. При этом следует подчеркнуть, что предложения Липпмана касались исключительно западноевропейской, индустриально развитой части континента, структуры и экономики которой следовало восстановить, а не строить заново, как это оказалось бы необходимым, если дело коснулось СССР.

5 июня 1947 г., суммируя мнения специалистов из госдепартамента, дискуссии экономистов и политиков, государственный секретарь США Дж. Маршалл выступил с предложением оказания американской экономической помощи Европе. Речь Маршалла, в отличие от выступления Трумэна 12 марта того же года (доктрина Трумэна), была лишена идеологической тональности выступления президента, с формальной стороны в ней трудно было найти ссылки на экспансионизм Советского Союза или угрозу мирового коммунизма. Как всякое программное заявление, эта речь имела декларативный характер, в ней отсутствовали конкретные предложения. Однако определенные политико-дипломатические акценты в ней все же просматривались, на что сразу же обратило внимание руководство СССР. Свидетельством этого является характер смысловых подчеркиваний, своеобразных политических граффити, которые делались тогдашним министром иностранных дел В. М. Молотовым на полях перевода текста речи Маршалла, который сохранился в архиве его секретариата⁹. Важность подобных подчеркиваний (синий "жирный" карандаш, которым, кроме Молотова, в других фондах делали пометки также его заместители – В. Деканозов и А. Я. Вышинский) объясняется тем, что они позволяют выявить определяющие, с точки зрения советского руководства, моменты речи Маршалла, которые, безусловно, учитывались им при последовавшем позднее отказе СССР от участия в самом плане. Подчеркивания Молотова (точная дата их не ясна; находящийся в папке вслед за этим документом тассовский вариант речи Маршалла с аналогичными, но не столь подробными подчеркиваниями, да-

тируется 20 июня 1947 г.) также дают возможность поставить вопрос об истинных мотивах этого отказа при сопоставлении с его окончательной идеологизированной формулировкой, данной в советской печати. Кроме того, они помогают проанализировать соотношение мотивов реальной политики и идеологии при принятии решений Советским Союзом по плану Маршалла. Таким образом, граффити Молотова позволяют заглянуть в до сих пор скрытую от исследователей "кухню" принятия внешнеполитических решений советским руководством по одному из ключевых пунктов послевоенных международных отношений.

Подчеркивания Молотова свидетельствуют, что, наряду с абсолютно приоритетными критериями реальной политики, при принятии решений советское руководство пользовалось и устойчивыми идеологическими схемами. Об этом свидетельствует тот факт, что, во-первых, Молотовым выделялись слова госсекретаря США о том, что разработка плана экономического восстановления Европы должна была бы осуществляться новообразованным для этих целей объединением европейских стран, но при этом за американским руководством оставалось бы право решающего голоса при его принятии. "Программа должна быть общей и согласованной между несколькими, если не всеми, европейскими странами... Роль США должна заключаться в дружественной помощи в деле разработки европейской программы и в последующей поддержке этой программы насколько это может быть целесообразно для нас (США), — подчеркивал по тексту Молотов.

С точки зрения советского руководства подобная постановка вопроса была неприемлемой, т. к., в случае его принятия, это означало подтверждение отказа США от равноправной трактовки СССР на международной арене, признания Советского Союза равноценной великой державой, на что была направлена послевоенная политика СССР. Кроме того, идея появления в Европе любого объединения, где присутствовали бы США, неизбежно оживляло имманентные идеологические мифы советской внешней политики: о присущей империализму от природы агрессивности, и стремлению к блоковому объединению, а значит — и миф о сохранении враждебного Советскому Союзу импери-

алистического окружения. Причем, при существовании ориентированных на СССР стран вдоль его восточных границ пришлось дать этой концепции дополнительную аргументацию, согласно которой, как писалось в журнале "Большевик", тезис о капиталистическом окружении следует понимать "не в географическом, а в политическом смысле".

Во-вторых, внимание Молотова привлек и был подчеркнут факт, что к разработке программы экономического восстановления приглашались "все европейские страны". Для советского руководства это должно было означать и, — как показал ход переговоров на проходившей позже Парижской встрече трех министров иностранных дел, — означало, что с помощью плана Маршалла США вновь пытаются осуществить собственную программу экономического восстановления Германии, по которой, как указывалось выше, у Соединенных Штатов и Советского Союза наблюдались неразрешимые противоречия.

Возникает в связи с унифицированным американским подходом вопрос: насколько серьезно относились США к возможности участия СССР в плане Маршалла? Ведь к нему также относилось предложение госсекретаря. Думается, что такая постановка вопроса означала только лишь то, что США стремились любой ценой избежать обвинений в начале проведения политики, которая могла бы привести к расколу Европы¹⁰. Демонстрация открытых вроде бы дверей для участия СССР в плане Маршалла была ни чем иным, как просто дипломатическим жестом, ибо к этому времени стороны уже определили свою конфронтационную политико-экономическую стратегию по отношению друг к другу. Участие СССР в плане Маршалла противоречило разработанным еще в конце 1946 г. принципам американской экономической помощи, где приоритетом должны были пользоваться страны, находившиеся "вне советской сферы влияния"¹¹. Кроме того, и это должны были учитывать составители плана, антисоветская настроенность конгресса США не позволяла надеяться на утверждение финансирования какой-либо программы, предусматривавшей крупномасштабную помощь Советскому Союзу.

Среди подчеркнутых Молотовым абзацев в речи Мар-

шалла смысловую значимость для СССР должно было иметь предупреждение о том, что "любое правительство, которое предпринимает маневры с целью препятствовать восстановлению других стран, не может ждать от нас (США) помощи. Более того, правительства, политические партии или группы, которые стремятся сохранить нищету среди людей, чтобы извлечь из этого политические выгоды или с другими целями, встретят сопротивление со стороны США"¹². Как аллюзии по поводу возможного воздействия Кремля на позицию восточноевропейских стран, исключительно как антисоветский выпад характеризовал в ответе на запрос из Москвы эти слова Маршалла посол СССР в США К. Новиков¹³. Таким образом, в речи Маршалла гипотетически проводилась зависимость между возможностью получения Советским Союзом экономической помощи от США и участием в получении этой помощи восточноевропейских стран. Отсутствие соответствующих американских архивных документов не позволяет сделать окончательного вывода о том, как конкретно в Вашингтоне представляли участие восточноевропейских стран в планах послевоенного восстановления в условиях практически сформировавшейся к середине 1947 г. на востоке Европы военно-экономической системы блокового характера, при явном неверии в возможность участия СССР в плане Маршалла. В любом случае на совещании у госсекретаря США 28 мая было решено, что условием участия восточноевропейских стран в программе восстановления Европы должен был бы стать отказ "от исключительной ориентации их экономики на Советский Союз" в пользу европейской интеграции¹⁴. Все восточноевропейские страны проявили заинтересованность в рассмотрении предложения Маршалла. Правда, анализ и сопоставление их позиций с позицией Москвы показывает, что эта заинтересованность постоянно корректировалась имевшейся советской позицией по данному вопросу.

Предполагал ли Советский Союз участвовать в плане Маршалла? Первая оценка советской печати была однозначно негативной. 15 июня 1947 г. газета "Правда" писала, что "план генерала Маршалла – это не что иное, как продолжение плана президента Трумэна, плана политическо-

го давления доллара и программа вмешательства во внутренние дела других государств". Пока еще не найдено документов, которые позволили бы однозначно ответить на вопрос, что заставило Москву изменить свою позицию в этом вопросе на более дипломатичную, принять предложения министров иностранных дел Великобритании Э. Бевина и Франции Ж. Бидо участвовать в состоявшемся с 27 июня по 2 июля 1947 г. в Париже совещании по разработке пакета европейских предложений, связанных с программой восстановления Европы. Можно с большей долей вероятности предположить, что изменение позиции СССР было вызвано тем, что он квалифицировал как намеренную ту постоянную утечку информации, которая свидетельствовала о разработке Англией и Францией без консультаций с СССР подготовительных экономических планов, то просачивание информации о характере этих планов, которое провоцировало Москву к отказу от участия в плане Маршалла (этому служили закулисные совещания перед встречей в Париже заместителя государственного секретаря США Клейтона с Бидо и Бевином). Явно подталкиваемый к тому, чтобы громко хлопнуть дверью, Советский Союз решил не брать на себя ответственности за раскол Европы и пойти на такой дипломатический шаг, как участие в совещании трех министров в Париже. Инструкция по этому вопросу, переданная 22 июня 1947 г. через советских послов в Варшаве, Праге и Белграде Беруту, Готвальду и Тито, свидетельствовала: Москва посчитала желательным, чтобы "дружественные союзные страны" "проявили соответствующую инициативу по обеспечению своего участия в разработке указанных экономических мероприятий..."¹⁵.

СССР решил воспользоваться встречей в Париже, чтобы противопоставить намечавшейся в предложении Маршалла концепции начала экономической интеграции Европы свою собственную концепцию, которая предполагала направить американскую помощь прежде всего в русло экономических кредитов при оказании в этом деле предпочтения странам, в наибольшей степени пострадавшим от нацистской агрессии. Кроме того, советская концепция отрицала необходимость создания в Европе любых наблюдательных структур интеграционного типа, которые зани-

мались бы разработкой общеевропейских планов хозяйственного развития и в связи с этим пользовались информацией о состоянии важнейших отраслей экономики соответствующих стран. Советский Союз имел в виду создание лишь такой надгосударственной европейской структуры, которая обладала бы только распределительными функциями по отношению к американской экономической помощи. Об этом говорилось в инструкциях советской делегации на совещании министров иностранных дел в Париже¹⁶. Таким образом, Москва противостояла американскому плану экономического восстановления, имевшему в виду уничтожение в Европе архаично-замкнутых национальных экономик, максимальное повышение производительности труда и создание многосторонней системы мировой торговли. Задействованные в плане Маршалла страны должны были идти по пути взаимопомощи, делиться необходимыми сырьевыми ресурсами, предпринять шаги к либерализации внутриевропейской торговли, возвращению конвертируемости валютам, использованию надгосударственных институтов для координации своей экономической политики. Этому прогрессивному плану хозяйственного развития и взаимодействия Советский Союз противопоставил концепцию регулируемых экономических отношений с Западом, т. е. таких, которые должны были помогать осуществлению автаркичного по своей сути "международного социалистического разделения труда" и "построения социализма" в рамках тех отдельных стран, которые встали на этот путь после второй мировой войны.

Парижское совещание министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР завершилось провалом – Советский Союз отказался участвовать в плане Маршалла. Интересно, что советская делегация согласилась с большинством предложений своих партнеров. Основным же пунктом, вызвавшим ее протест, являлось создание специального наднационального комитета, в функции которого должен был входить сбор информации о потребностях европейских стран и предоставление этой информации на рассмотрение США. Согласно заявлению Молотова, СССР расценивал подобное определение функций этого комитета как нарушение суверенитета европейских стран, особенно малых стран¹⁷.

Отказ Советского Союза от участия в плане Маршалла по существу предопределил отрицательную позицию ори-

ентировавшихся на него компартий и правительств Центральной и Восточной Европы. Хотя не все было так просто, советскому руководству пришлось оказать энергичное давление на эти страны для того, чтобы добиться их отказа.

Провал Парижской конференции знаменовал новый этап в развитии отношений между СССР и США и начало быстрого продвижения к оформлению двух противоположных блоков. Обе стороны обвиняли друг друга в этом провале, подтвердившем раздел Европы. Для народов восточноевропейских стран такой поворот событий имел серьезные последствия. С политической точки зрения вынужденный отказ от участия в плане Маршалла нанес окончательный удар по сохранявшимся до того времени в рядах оппозиционных коммунистам сил надеждам на сохранение суверенитета этих стран, поставил точку в процессе переориентации их руководства на СССР. В то же время отказ от плана Маршалла вызвал неожиданный для Советского Союза эффект, имевший непредсказуемые и далеко идущие последствия для складывавшегося на востоке региона советского блока: они привели к росту противоречий даже среди коммунистических сторонников СССР в правительствах восточноевропейских государств, посеяв первые ростки центробежных тенденций, получивших впоследствии название "титоизма".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исключение составляют появившиеся в последние годы работы М. М. Наринского и монография И. И. Попа "Чехословакия — Советский Союз. 1941—1948" (М., 1990), в которых затрагиваются проблемы советско-восточноевропейских отношений, относящиеся к "белым пятнам" истории плана Маршалла.

2. Acheson D. Present at the creation: My years in the State Department. New York, 1969. P. 194—196.

3. Djilas M. Conversations with Stalin. New York, 1962. P. 114.

4. Acheson D. Op. cit.

5. Paterson Th. Soviet-american confrontation: Postwar reconstruction and the origins of the cold war. Baltimore, 1973. P. 75—98, 147—173.

6. Kuklick B. American policy and the division of Germany: The clash with Russia over reparations. Ithaca, 1972. P. 141—166.

7. Paterson Th. Op. cit. P. 207.

8. Jones J. M. The Fifteen weeks (February 21 – June 5, 1947). New York, 1955. P. 247.

9. Архив внешней политики РФ. МИД РФ. Ф. 6. Оп. 9. П. 18. Д. 191. Л. 1–4, 4–8.

10. Halle L. The Cold war as history. New York, 1975. P. 125.

11. Herring G. Aid to Russia. 1941–1946. New York, 1973. P. 270.

12. Архив внешней политики РФ. МИД РФ. Ф. 6. Оп. 9. П. 18. Д. 191. Л. 4.

13. Архив внешней политики РФ. МИД РФ. Ф. 489. Оп. 24. П. 19. Д. 1. Л. 182.

14. Известия. 29.06.1947.

15. Архив внешней политики РФ. МИД РФ. Ф. 6. Оп. 9. П. 18. Д. 214. Л. 19.

16. Там же. Л. 5–6.

17. Известия. 29.06.1947.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Возвращая сегодня Россию, задавленную почти на век коммунистическим сапогом, мы возвращаем и духовные плоды вынужденных эмигрантов, которые приумножали в зарубежье славу Отечества. Рядом, скажем, с А. Платоновым, Б. Пастернаком, М. Булгаковым, А. Ахматовой, Д. Шостаковичем... встанут В. Набоков, Г. Федотов, В. Ходасевич, З. Гиппиус, А. Ремизов, Н. Бердяев, С. Франк, И. Шмелев... Мы вновь убеждаемся, что величие народа не в государственном могуществе и казарменном порядке, не в геополитических масштабах и ядерных арсеналах, а в глубине мысли и ценностях культуры. В ответ на крики патриотов, угоревших от шовинизма, о предательстве демократов, о национальном унижении русских хочется напомнить, что большей трагедии, чем при правлении коммунистов, наша Россия никогда не переживала. Десятки тысяч взорванных храмов, оплеванные алтари, залитые бетоном кладбища, переименованные города в честь сатрапов-временщиков, планомерно уничтожаемый в концлагерях цвет нации, унифицированная идеология, умирающая природа, нищий народ, стоящий в бесконечных очередях... и это великая Россия? Постыдитесь, господа соотечественники С. Бабурин, В. Алкснис, Н. Павлов и иже с ними!

Каким же извращенным сознанием надо обладать, чтобы увидеть национальное поражение в разрушении безнациональной империи, в первых шагах к самобытной и здоровой России. Дело здесь, видимо, не в короткой исторической памяти, а в патологии той сферы духа, коей занимается этика. И все бы ничего, да беспокойство вызывает, что люди подобного мировоззрения жаждут власти, формируют теневые правительственные кабинеты, за-

сучивают рукава, чтобы управлять страной. Чем же они хотят привлечь к себе народ и кто им противостоит?

В поисках новой идеологии

Проблема прочности любой власти – это прежде всего проблема ее способности выразить общенациональные интересы и консолидировать вокруг них свой народ. Отсюда борьба политиков и политических движений за право на лидерство и формирование правительства. В то же время в условиях смены общественного строя единых для всего народа целей как "моделей будущего" (А. Лосев) не может быть. Они неодинаковы у различных слоев. Призывы к согласию в целях оздоровления общества, возрождения страны слишком абстрактны. При переводе их на конкретный язык политики они становятся подчас враждебными друг другу. Сегодня в России почти все активные политики самой различной ориентации (за исключением ортодоксальных коммунистов) провозглашают свою приверженность реформам, демократии, благу народа, интересам государства... В то же время видение будущего России чрезвычайно различно. Можно говорить о продолжающемся и даже усиливающемся расколе народа, несмотря на то, что и власть и оппозиция ведут поиски объединяющей идеологии новой России в качестве универсального, духовного и политического ориентира.

В антитоталитарной "революционной реформе" сливаются четыре процесса: экономический, политический, социальный и национально-освободительный. В экономической сфере цель – создать рынок, преодолеть неэффективную коллективистско-плановую систему, разъединив экономику и политику и утвердив вместо самодержавия чиновников "самодержавие частной собственности" (А. И. Герцен). В политической сфере – построить демократическую и правовую систему вместо криминального государства. В социальной – восстановить гражданское общество со структурой, адекватной научно-техническому базису конца XX в. И наконец, добиться национального возрождения, выйдя из-под власти безнациональной или даже антинациональной коммунистической структуры. На смену во

многом аморфному, все более унифицированному существованию приходит национальное самосознание на основе реконструкции традиций (в том числе религиозных), переосмысления истории и формулирования концепции национально-государственных целей и места России внутри мирового целого.

Здесь два одновременных и противоречивых процесса: далеко не закончившееся вычленение из бывшего СССР (а затем СНГ) России и вхождение в мир как бы заново, уже в других геополитических условиях, поиски новых союзов (или реконструкция старых). Внутренние реформы одновременно меняют и всю систему международных отношений, в которые включена Россия. Самоопределение и интеграция России, в свою очередь, происходит в стремительно меняющемся (также интегрирующемся) мире, полном противоречий и борьбы.

К сожалению, демократы, как и патриоты (за небольшим исключением), в начале перестройки полагали возможным реформировать прежний строй, придав ему "человеческое лицо". Лишь постепенно (примерно с 1989 г.) демократы (точнее, наиболее решительные из них), осознав невозможность реформировать социализм, взяли курс на разрушение коммунистической системы. В этой связи возник раскол не только внутри них, но и между ними и патриотами. Бросив все силы на смену власти и строя, демократы вначале не придавали первостепенного значения проблеме национально-государственных приоритетов будущей России, отодвинув ее на периферию политической битвы. Воодушевленные знаменем гражданских свобод, прав личности и народа, взяв курс на либеральные западные ценности, демократические силы (например, в лице движения "Демократическая Россия") недооценили глубину подавлявшихся прежде национальных чувств различных народов России. Взрыв же прежней коммунистической государственности неизбежно породил вакуум власти, открыл простор центробежным национальным и региональным устремлениям. Это была давно назревшая реакция на подавляемую национальную свободу и чрезмерную централизацию управления. Свою роль в неподготовленности демократов к власти сыграл и слишком стремитель-

ный распад СССР после августа 1991 г. От демократов откололось крыло так называемых государственников, которые пытаются соединить антикоммунистическую платформу с имперскими амбициями новой России. Примером этого могут служить такие политики, как В. Аксютин и М. Астафьев, выступающие за возрождение России в ее "исторических границах" чуть ли не любой ценой.

В отличие от демократов, запоздавших со своей концепцией национально-государственных интересов новой России, "патриоты" поставили их в центр своей политической борьбы. Если демократы упор в деятельности сделали на разрушении прежнего государства, центра (и в этом смысле они – левые), то "патриоты" заняли правую, консервативную позицию, сомкнувшись с реакционными коммунистическими силами. Однако, вступив в блок с неокommунистами (типа Р. И. Косолапова, А. А. Сергеева) и провозгласив себя выразителями идеалов антилиберального толка, "патриоты" потерпели поражение на выборах в парламент России 1990 г. Осознав степень дискредитации коммунистической идеи в массах, патриоты-государственники в последнее время стали дистанцироваться от коммунистической идеологии, одновременно блокируясь в политической борьбе с ее носителями.

Таким образом, проблема национально-государственных интересов посткоммунистической России выдвинулась в центр политических дискуссий, хотя ни одна из политических группировок не имеет четко сформулированной доктрины. И все же можно отметить тяготение всех политиков к двум наиболее значимым концепциям национально-государственных интересов – либерально-демократической и государственно-патриотической (при всей условности этих определений).

Интересы личности выше интересов государства

Сторонники либерально-демократической доктрины исходят из приоритета интересов личности и народа относительно интересов государства. Более того, разграничивая интересы личности, общества и государства, либералы вы-

ступают за создание гарантий для свободной, обеспеченной и безопасной жизни всех граждан в качестве главной национально-государственной задачи российской власти. В этом смысле они ничем не отличаются от западных либералов, рассматривая права и свободы граждан на основе общечеловеческих юридических и этических критериев. При взгляде на права человека как основу функционирования государства, российские либералы выступают за примат международного права над внутригосударственными нормами, верховенство общечеловеческих ценностей над всеми другими. Отсюда и национальные права (например, русскоязычного меньшинства в других республиках) – они рассматривают лишь как частный случай прав человека. Поскольку либералы являются приверженцами свободы рынка, а в политической области – минимального государства, они выступают за правовое ограничение вмешательства власти во все сферы (включая духовную) жизни. В то же время у либералов есть и внутренние различия во взглядах на национально-государственные приоритеты России. Часть из них считает недопустимым прямое следование интересам США и Западной Европы (так называемые "союзнические отношения"). Они обращают внимание на необходимость выявления специфических интересов России, на опасность их поглощения либеральной общечеловеческой доктриной, в свою очередь, противоречивой. (Так, принцип прав человека не может быть абсолютным во внешней политике, ибо он противоречит принципам невмешательства во внутренние дела других стран и их суверенитета.) Оценивая либеральную концепцию, важно помнить и о невозможности ее немедленного воплощения в жизнь из-за переходного состояния России по дороге к новому строю жизни.

Если Запад (да и некоторые страны Востока) находится на этапе прорыва к космополитическим формам жизни, преодоления национальных барьеров, то России еще предстоит дорога национального возрождения. Отсюда драматизм: вместо естественной смены национального кафтана европейским костюмом (при этом кафтан бережно сохраняется), в порыве интернационального энтузиазма нас насильно одели в арестантские робы. Теперь же наши попыт-

ки вновь обрести национальные одежды выглядят фольклорной забавой. И мы должны ответить на вопрос – готовы ли мы сразу одеться в европейские одежды или же необходима их национальная адаптация? Так ли уж необходимо возвращаться к утраченным формам жизни, чтобы сесть за братский стол "всечеловечества"? Думается, без преодоления "манкуртства", без восстановления исторической памяти мы никогда не избавимся от своего коммунистического настоящего. Никогда ведь не было вненациональной культуры, за исключением маргинальных ее ветвей. (Это не значит, что такая культура в конце концов не родится, если уже не рождается.) В то же время крайне опасно превращение национального ренессанса в национальную ограниченность и национальное чванство. Тогда неизбежна смена "красносотенцев" "черносотенцами", если использовать термины Н. Бердяева. Нельзя допустить, чтобы идея классовой исключительности сменилась идеей национальной гордыни.

Что касается либерального выражения интересов посткоммунистической России во внешней политике, то, думается, суть их сводится к следующему:

1. Рассматривая СНГ как способ цивилизованного "развода", делать максимум для сохранения интеграции с теми республиками, которые готовы к этому. Выступать с позиций нерушимости сложившихся границ.

2. Обеспечить достойное место России в мире как преемницы СССР (в ООН, других международных организациях и процессах).

3. Укрепить ее роль в международном разделении труда, добиваясь перехода с периферии мировой экономики в ее центр.

4. Стремление к территориальной целостности на основе новых, равноправных отношений с бывшими сожителями по советской империи не должны обеспечиваться любой ценой, "изменения границ могут происходить лишь мирным путем и на основе согласия в соответствии с нормами международного права и принципами СБСЕ"¹.

5. Привлечь помощь Запада и эффективно ее использовать в целях радикального реформирования.

6. Разработать принципы отношений с новой и старой российской диаспорой (включая моральную, политическую и правовую защиту).

7. Обеспечить разумный оборонный потенциал, все более стремясь к коллективной защите цивилизации.

8. Особые отношения с Украиной и Беларусью. Единственная дорога к будущей федерации с ними – решительный разрыв России с имперскими поползновениями, абсолютное уважение национального достоинства своих сестер. Более того, Россия должна бы выступить с инициативой передачи всего Черноморского флота Украине, оказания помощи в становлении ее армии, помощи ей и Беларуси в преодолении последствий чернобыльской катастрофы.

9. Открытость миру нежелательно превращать в открытость только Западу. Отбросить глобальные амбиции (по крайней мере поменьше инициатив в этом отношении), преимущественная ориентация на дружбу с ближайшими соседями – славянским миром, Кавказом, Средней Азией и Казахстаном, Прибалтикой и Скандинавией.

10. Учитывая традиции взаимовлияния степи и Руси, ислама и нашего православия, строить систему доброжелательных отношений с исламскими странами, расширяя информацию об исламской культуре.

11. Закрывать вопрос о территориальных притязаниях как: а) обоюдоострый; б) ухудшающий, а не улучшающий положение русскоязычных в других странах; в) менее существенный в условиях космополитичного рынка, чем раньше.

Либеральные ценности нельзя перенести механически на нашу почву. Многие демократы-рыночники смотрели на Россию как на "чистое поле" – объект новых экспериментов, полагая, что достаточно убрать КПСС (или даже ее переименовать) и идеалы свободы станут массовыми. Оказалось же, что демократию и рынок нельзя импортировать без учета национальных особенностей; они – необходимое, но недостаточное условие нормального развития. При этом ошибочно идеализировать рынок, как самонастраивающийся, естественный регулятор экономики без учета национальной психологии. Вряд ли также правильно рассматривать демократию вне связи с рыночной свободой в качестве самоцели и недооценивать своеобразие исторического опыта России, включая и опыт коммунизма. Например, в свете опыта коммунизма многоукладность у нас предпочтительнее ориентации на "чистый капитализм". С одной стороны, в рамках перехода от идеологии монолога к идеологии диалога власти с народом следует дать шанс желающим сохранить коллективные формы организации

труда. Формы артельности, кооперации могут и должны развиваться в новых условиях как национальная реакция на индивидуализм частной собственности и на вненациональную (даже антинациональную) сущность коммунизма с его всеобщим огосударствлением всего и вся. Следовательно, нужно использовать российские вековые традиции, оказывая помощь новым формам коллективизма, а не клеймить их как красных и реакционных. Вековечное российское стремление к коллективному мироустройству, к справедливости и социальной правде следовало бы отделить от коммунистической идеологии с ее претензиями на насильственное и окончательное решение всех проблем.

С другой стороны, нет правды в попытках выдать рынофобию и деспотизм за плоды наших генетических свойств. Длительная историческая традиция, усугубленная коммунистическим насилием, – залог величайших трудностей перехода к новым ценностям, но трудности эти – преодолимы. Ибо в глубинах индивидуального и общественного сознания всегда сохранялась жажда самутверждения, инициативы, свободы. Нельзя, например, забывать, что даже при общинном владении землей (а это была только часть населения России) производство и распределение носили индивидуальный характер. Отсюда и внутри общины была постоянная борьба индивидуальных и общинного начал. Может сыграть свою вдохновляющую роль и комплекс неполноценности, социальной ущербности в условиях открытого для сравнения мира, в условиях неизбежных космополитических тенденций. Знание о мире, признание несовместимости прежнего общественно-го строя с НТР (ее информационным этапом) – стимулы стремления к модернизации, прорыва к новым формам общежития.

Экономические и политические законы (хотя жизнь не сводится к ним) едины по сути. Отсюда формирование доктрины национального возрождения возможно на основе синтеза нашей социокультуры, психологии, традиций и мирового опыта. Все общеизвестные черты, якобы свойственные только русским, не есть только наше достояние: мессианиззм с его "всемирной отзывчивостью", соборность с приоритетом коллективного над индивидуальным, особая,

даже чрезмерная роль государства, антибуржуазность, чувство пространства с его следствием – волей, отвергающей духоту дисциплины, и т. д. Даже такая черта, как евразийскость, уже не только наша черта: информационные и другие коммуникативные революции сблизили все народы. Потому опасно стремление почвенников к национальной исключительности.

Однако опасно и пренебрежение историческим идеализмом, свойственным общественному сознанию многих граждан России, благодаря которому отторгается рыночная идеология прагматизма с холодной расчетливостью, рационализмом, а порой, и цинизмом. В отличие от Германии (ФРГ), которая очищалась от фашизма несколько десятилетий, руководство России (от парламента до президента), торопливо въехав в кабинеты прежней власти, потеряло объединяющий, пусть и "негативный", импульс, "интегральную идею освобождения". Все оказалось сведенным к сугубому прагматизму, к повседневной рутине, которая в сочетании с грязью коррупции, углубляющимся кризисом, привела к идейному тупику, потере вдохновляющего энтузиазма. Объявлено о конце коммунизма, хотя его корни остались не только в массовом сознании, но и во всех общественных структурах, правда, под другими этикетками. Новая власть получит (уже получает) оппозицию и со стороны сил, боровшихся с коммунизмом, разочарованных ее бесплодием, коррумпированностью и историческим компромиссом с бывшей партократией.

Объединяющая народ России цель национального возрождения зависит от продвижения страны по пути смены тоталитарного строя и создания эффективной экономики. Пока либеральные реформаторы эксплуатируют терпение людей, их надежды на чудо, несмотря на безысходность. Время, отпущенное для реформ, сокращается как шагреновая кожа. Одним из опасных следствий затянувшегося и все углубляющегося кризиса является чувство национального бессилия, порождающее как ответную реакцию взрыв националистических страстей. Другим следствием становится неуправляемость, распад государственных структур, нигилизм по отношению к власти, релятивистское толкование законов. На смену плохой власти

почти пришло безвластие, за которым может последовать хаос и анархия. Отсюда неотвратимость диктатуры в самой неожиданной форме, но с идеологией спасения Отечества.

Государство выше всего

Надо признать, что блок государственников-патриотов чрезвычайно пестрый: от антикоммунистов с их неизбежным признанием экономической свободы на основе частной собственности (ХДД и партия "Народной свободы") до различного рода партий коммунистической ориентации. Все они опираются на традиционную ценность российской государственности в мировоззрении масс, на глобальность России в геополитическом смысле. Их программа целиком зиждется на возбуждении национального чувства русских и россиян, национальной гордости великого народа, якобы униженного реформаторами-либералами, благодаря распаду СССР. Несмотря на шовинистический оттенок во взглядах ряда политиков этого направления, за ними есть своя правда, которую не объяснишь лишь инерцией и консерватизмом мышления.

В этой доктрине выражается пафос духовных потребностей, тоска по утрачиваемому величию России. Отсюда ее привлекательность для массового сознания. Сторонники этой доктрины ставят на первое место в числе приоритетов власти либо государственные (державные) интересы, либо национальные (прежде всего русского народа). В этих различиях кроется возможность расхождения данных политических сил и создания самых неожиданных политических блоков. В своем большинстве "патриоты" (за исключением ортодоксальных коммунистов) выступают за национально-ориентированный рынок, многоукладность экономики с допуском частной собственности, сохранение целостности России (некоторые стремятся любой ценой добиться возвращения прежней империи), отстранение от правительственной власти либералов-демократов, скептическое отношение к роли Запада, вплоть до оценки его политики по отношению к России как глубоко коварной и враждебной. При этом рынок и демократию формально они не отрицают, но трактуют как чуждые национальным тра-

циям России, требуя их адаптации к нашему опыту, включая коммунистический (как разновидности воплощения соборной идеи).

Учитывая эклектическую мешанину в идейных установках блока государственников (его иначе называют "красно-коричневым"), можно сказать, что они временно объединились на основе негативизма, ненависти к либерально-демократическим реформаторам. Общим для них является и отсутствие серьезной позитивной экономической программы. Если они говорят о рынке, то о "патриотически-ориентированном", о приватизации – "честной", о демократии – "соборной", о прибыли – "в интересах народа", о сотрудничестве с Западом – как "национальном предательстве"... Культивируя идею сильного государства, ее сторонники подчиняют ему интересы личности. Фактически эта программа, в случае их прихода к власти, означала бы возрождение "героической экономики", абсолютное торжество коллективного начала над индивидуальным, применение внеэкономических, принудительных форм организации труда, полицейские методы дисциплины, духовную унификацию, автаркию на международной арене, самоизоляцию страны с попытками насильственного восстановления России в прежних советских границах. Многие эксперты с достаточным основанием полагают, что это было бы не что иное, как новая разновидность фашизма. Представляется, однако, что подобная опасность несколько преувеличена. Во-первых, блок оппозиционных государственников слишком разнороден: там много сил, враждебных друг другу. Во-вторых, Россия уже пережила эпоху "красного фашизма" и этот опыт не прошел бесследно. В-третьих, полиэтническое происхождение русских, многонациональный состав России, урбанизация страны, высокий уровень образования ее населения, не позволяют блоку националистических сил иметь широкую социальную базу. В-четвертых, современный мир становится все более интегрированным, а победа фашизма возможна лишь в условиях самоизоляции, что немыслимо для подъема экономики.

Поэтому сторонники "русской национальной идеи" в ее шовинистическом варианте не могут рассчитывать на

массовую поддержку. Но нельзя игнорировать, что сильной стороной рассматриваемой доктрины остается апелляция к национальным, вековым традициям, поспешному имперскому чувству национального величия и отчаянию, вызванному тяжестью реформ. Примитивность лозунгов в условиях массовой люмпенизации и деградации населения могут вызвать эксцессы национально-социалистического толка.

Государственники-патриоты пытаются отлить национально-государственный идеал в емкие популистские формулы. Так РОС (Российский общенародный союз) исходит из принципа: народовластие, патриотизм и справедливость. Или другой, такой же напыщенный вариант – справедливость, народность, государственность, патриотизм, предложенный в одной из множества оппозиционных деклараций. Смысл всего этого в восстановлении сильной своей государственностью России в качестве объединительного ядра, вокруг которого сплотится большинство республик бывшего СССР.

Во вне сторонники этой доктрины видят национально-государственные интересы России в следующем: 1) восстановление России в границах прежней империи; 2) дистанцирование от Запада или даже конфронтация с ним на основе "самобытного исторического пути" и "величия России"; 3) сохранение традиционной ориентации на арабский мир (Ирак, Ливия, палестинские арабы), другие страны так называемого "третьего мира"; 4) отказ от вхождения в мировую экономику из-за неконкурентоспособности промышленности и нежелания быть придатком Запада; 5) сохранение глобализма великой державы.

У России особая дорога в истории и свои национально-государственные интересы, в чем-то совпадающие, а в чем-то разнящиеся с интересами других стран. Но этот самобытный путь означает не свои, неповторимые законы социального развития, а всего лишь специфику действия общечеловеческих законов в условиях нашего евразийского пространства и менталитета народов России. Прав российский политолог А. Васильев, заявивший, что демократическая идея без государственной – антинациональна, а

национально-государственная идея без демократической перспективы и опыта Запада – реакционна. Поэтому идеал многонациональной государственности России с приоритетом прав и свобод личности*, с гарантиями благосостояния и безопасности граждан – главное противоядие против бацилл шовинизма и национализма. Иначе говоря, необходимо противопоставить демократическую государственность России национально-имперской ностальгии. "Для самой России, – писал более полувека назад один из самых блистательных русских умов Г. Федотов, – насильственное продолжение имперского бытия означало бы потерю надежды на ее собственную свободу. Не может государство, существующее террором на половине своей территории, обеспечить свободу для другой. Как при московских царях самодержавие было ценой, уплаченной за экспансию, так фашизм является единственным строем, способным продлить существование каторжной Империи. Конечно, ценой дальнейшего удушения ее культуры"².

Этот прогноз полностью подтвердился в форме "красного" национал-большевизма. Нельзя допустить, чтобы национал-большевизм на сей раз приобрел коричневый оттенок. Россия этого уже не переживет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хартия российско-американского партнерства и дружбы // Российская газета. 19.06.1992.

2. Федотов Г. Судьба империй // Знамя. 1992. № 3–4. С. 201.

* Наиболее близки ему в своих программах такие центристские партии как ДПР (Демократическая партия России), Социал-демократическая партия России, Республиканская партия России и НПСР (Народная партия Свободной России).

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ "СОЦИАЛИЗМ" – ОДНА ИЗ ФОРМ ТОТАЛИТАРИЗМА

Возможно ли построение социализма? Реален он или нереален? В концентрированном виде примерно так выглядит смысловой стержень большинства попыток изучения и объяснения истории СССР и ряда других стран в XX в. Несмотря на весьма широкое распространение подобных постановок, они не имеют, на наш взгляд, прямого отношения к существу рассматриваемой проблематики и напоминают уход в чисто терминологические рассуждения, даже в софистику. Более важным в теоретическом и практическом отношениях является исследование исторических процессов сквозь призму восприятия прежде всего конкретных проявлений тоталитаризма и его сути. Был социализм или его не было – это представляется вопросом второстепенным по сравнению с тем, что в нашей стране возник наиболее жесткий и всеохватывающий тоталитаризм, какого не было и, надо надеяться, не будет в будущем.

Социалистичность строя, установившегося в нашей стране после Октябрьского переворота 1917 г., ограничивалась по существу его идеологическим обрамлением. Не касаясь вопросов рациональности социалистических методов хозяйствования и вообще возможностей социализма как такового, можно с уверенностью констатировать, что ни один из социалистических лозунгов и ни одно из положений или качеств, присущих социализму, не были в действительности реализованы большевиками. Кто же, если только он не настроен прокоммунистически, будет всерьез говорить о социальном равенстве или движении к нему? Равноправия тем более не было фактически, да оно и установочно и конституционно исключалось в течение почти всего периода большевистского правления. В значительной мере второстепенной является "левая" или "правая" окраска тоталитаризма. Родство тоталитарных режимов

проявляется и в их взаимном притягивании и поддержке, несмотря на, казалось бы, различные идейные базы. "Левый" большевистский тоталитаризм последовательно подпирал и подпитывал "правый" нацистский. Левое и правое обрамление тоталитаризма, будучи чисто поверхностным, также несет черты общности режимов. Общее, кстати, почти для всех тоталитарных режимов – самоназывание социализмом. Эта эксплуатация понятия "социализм" объясняется не только популизмом тоталитарной пропаганды, но жестокой и всепроникающей ориентацией на приоритетность интересов государства, что исчерпывающе выразил лидер итальянского народного социализма Бенито Муссолини: "Все внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства"¹.

Демагогический государственный патернализм, – будь он в форме упомянутого народного социализма (фашизм), национального (германский нацизм) или научного (советский марксизм-ленинизм), – всегда стремится завуалировать угнетенность народа звонкими декларациями о его социальной и моральной защищенности. Такие подмены, кстати, легко завоевывают сознание весьма многих представителей самых разных слоев тоталитарного общества. Вообще же тоталитарный режим, как свидетельствует, в частности, опыт большевистского правления, может кардинально менять содержание своих пропагандистских и идейно-политических целей. Большевики, прикрываясь неким "пролетарским интернационализмом" и манипулируя этническими фобиями, повернули на 180° от русофобства, погромов и вандализма в отношении всего, что связано с русской духовностью и исторической памятью, к самому настоящему великодержавному шовинизму.

Каждый тоталитарный режим, создавая себе социальную базу, не только апеллирует к чувствам классовой или национальной ущербности, но и эксплуатирует привлекательность утопий. Когда же реализация их не дает желаемых результатов, происходит или усиление репрессий, или дается толчок своеобразной пропагандистской тенденции поисков аутентичного, "подлинно научного" социализма, марксизма-ленинизма и т. п. Провозглашается, что послед-

ний тиран и его подручные извратили суть великого учения вождя мирового пролетариата, заодно уничтожив его верных соратников, и тем самым сделали невозможным воплощение в жизнь великих идей. Нет нужды говорить о попытках идеализации, причисления "правильного" первоначального вождя и его соратников, входящих в явное противоречие с тем, что было в действительности. Сейчас уже немало известно о ничем не обоснованной ленинской жестокости, граничившей подчас с патологией, об инициировании им ограбления русской православной церкви и массовых репрессий против священнослужителей и о многом другом². Все это заставляет рассуждать совсем в иных категориях, ставить вопрос о необходимости исследования того факта, почему партия, не понесшая никаких серьезных потерь в руководящем ядре на протяжении нелегального своего существования, оказалась неспособной выдвинуть в лидеры человека, отвечающего нормальным общечеловеческим требованиям. Ведь если говорить о Ленине и других большевистских бонзах, овладевших в результате переворота 1917 г. государственной машиной России, то именно этим переворотом датируется срыв становления и развития оригинальной формы российской демократии, а также реализации накопившейся веками русской духовности. Уместно в этой связи задаться и таким вопросом, а почему за все десятилетия, в том числе и прошедшие после смерти Сталина, ни в одной из стран социализма марксистско-ленинского толка не дал положительных результатов, а приносил народам лишь страдания?

Структура мотиваций большевизма отчетливо вырисовывается следующим образом – сначала абсолютизация каких-либо сомнительных идей, а затем во имя их реализации террористическая деятельность, которая довольно скоро становится самоцелью, а идеи – лишь оправданием этой деятельности. Вся неподцензурная общественная наука, изучавшая функционирование и развитие большевистского режима, единодушна в выводе о том, что сила и прочность этого режима, в том числе в период ленинского правления, зиждилась не на каких-то гениальных и оригинальных теориях и тенденциях, которые в своем подавляющем большинстве оказались чисто химерическими построениями, а на жесткости и бесчестности.

По поводу последнего утверждения защитники Ленина и его дела всегда ссылаются на политику нэпа, якобы рас-

крепостившую население, двинувшую народное хозяйство Советской России вперед. О каком-то начальном стимуле в этом направлении, конечно, можно говорить, но откуда такая уверенность, что нэповская политика, даже если она была бы абсолютно верна в кабинетно-лабораторном отношении, обязательно дала бы положительные результаты? Ведь и чисто экономически нэп носил инструментальный, вспомогательный характер, был вынужденной мерой и передышкой, после которой так или иначе должны были опять восторжествовать по сути военно-коммунистические методы управления экономикой. Но главное здесь не в этом, а в неизменной идейно-политической направленности большевизма, в его моральной сути. Наглядной иллюстрацией неоднократных высказываний Ленина о недопустимости каких-либо уступок в политической сфере стал в 1921 г. разгон законно избранных московских советов, а 1922 г. ознаменовался не только уже упомянутым погромом церкви и массовыми казнями священников, но и высылкой за границу большой группы русской интеллигенции — ученых, публицистов, художников и т. д. Из всего этого можно сделать лишь вывод о том, что большевизм изначально, в годы своего государственного утверждения, а также во все последующие периоды был чужд и антагонистичен демократическим и другим прогрессивным тенденциям нашего развития. Изначальная нетерпимость и даже ненависть большевиков к малейшим проявлениям инакомыслия при любой его персонификации не могли не вылиться в перманентное мракобесие. А методы и приемы полемики самого Ленина, изобиловавшие бранью, пропитанные злобой, не только предполагали такой результат, но во многом его фактически предопределили.

Активные пропагандистские усилия нынешних неолевых возвысить нэп как начало "правильного" развития на пути к "истинному" социализму, развития, не состоявшегося из-за якобы ограниченности Сталина, лишено какой-либо серьезной подоплеки, поскольку любой из возможных левых вождей произвел бы демонтаж нэповских структур не менее круто, чем это сделал "вождь народов". Кстати, в связи с вопросом смены вождей с Ленина на Сталина именно то, что последний не сразу упрочил свои позиции, что был кратковременный период соперничества претендентов, и породило в период 1922–1929 гг. некоторую либерализацию, более, правда, вымыш-

ленную (продолжались репрессии, духовный гнет и т. д.), вопрос об альтернативе дальнейшего развития совсем уж вымышлен. Факты свидетельствуют о том, что говорить об альтернативе можно только в смысле более жестокого варианта, особенно если бы сохранил здоровье главный вождь.

То же, многими отмечаемое "ослабление" большевистского режима в 20-е годы, если оно действительно имело место, в любом случае не носило системного характера. Ведь большевистско-тоталитарный режим был на подъеме, а ослабление репрессивности является признаком его заката, а также, как стало для нас ясным в конце 80-х – начале 90-х годов, освобождения народа. Но современный опыт показывает, что освобождение от большевистского гнета и, очевидно, от всякого тоталитарного гнета, требует своеобразной оплаты лишениями народа. Возможно, причина этого явления кроется в том, что реальная высокая мобилизованность тоталитарных режимов по мере их ослабления заменяется пустотой, хаосом, поскольку тоталитаризм способен воспроизводить только себе подобное. Данный процесс, имея под собой объективную подоплеку, оборачивается деструктивностью и даже разрушительностью вследствие сопротивления, саботажа, психологических диверсий и пр. со стороны уходящих со сцены тоталитарно-большевистских структур.

Изучение вопросов, связанных с функционированием и "закатом" коммунистических режимов, вызывает, помимо прочего, необходимость выявления и типологизации тоталитарной инерции, степени ее цепкости и тенденций рецидивов. Не менее важным является определение латентного периода развития процессов, предшествовавших не только закату тоталитарных образований, но и их становлению. Последнее имеет особую важность, так как общество и сейчас по существу незащищено перед угрозой тоталитаризма и не может распознать признаков его реального приближения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 14.

2. См., напр.: Латышев А. Беда завтрашнего дня: О "секретном" и открытом фондах Ленина // Российская газета. 1992. № 113. С. 5; Волкогонов Д. С беспощадной решительностью... // Известия. 1992. № 95. С. 3.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В БОЛГАРИИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Старт экономической реформе в Болгарии был дан в феврале 1991 г. Незадолго до этого, в декабре 1990 г., в результате соглашения между основными политическими силами страны было сформировано коалиционное правительство во главе с беспартийным юристом Д. Поповым, в которое вошли представители Болгарской социалистической партии, Союза демократических сил и Болгарского земледельческого народного союза. Важнейшие для проведения реформ посты – министра финансов и министра промышленности, торговли и услуг – заняли представители СДС. Создание коалиционного кабинета проходило в условиях резко возросшей социальной напряженности, обострения политической борьбы, массовых забастовок, что привело к отставке предыдущего правительства социалистов (бывших коммунистов), возглавляемого А. Лукановым. Страна находилась в глубочайшем экономическом кризисе. Устойчивая тенденция к спаду промышленного и сельскохозяйственного производства, огромный внешний долг (около 11 млрд. долл.), необузданный рост инфляции – все это побудило новый кабинет перейти от слов об антикризисной программе к радикальной экономической реформе.

В программном заявлении, с которым Д. Попов выступил в конце января 1991 г., среди основных задач правительства были названы создание условий для преодоления экономического спада, сокращение бюджетного дефицита. Программа получила одобрение и поддержку Международного валютного фонда – главного консультанта и гаранта экономической реформы в Болгарии. Реформа стартовала и осуществляется на базе "протокола о намерениях", который был подписан представителями МВФ и Совета министров Болгарии. Требования МВФ ставят определенные рамки, которые дают, однако, значительное пространство для маневра.

Начальная фаза реформы ознаменовалась постановлением Совета министров от 1 февраля 1991 г. об освобожде-

нии цен. Опираясь на первый заем в размере 85 млн. долл., полученный от МВФ, правительство отменило субсидии на все товары, за исключением электрической и тепловой энергии и угля. Начался "вальс этикеток", в результате которого розничные цены повысились в 3–5 раз. Однако спустя 2–3 месяца они стабилизировались и даже начали снижаться, приближаясь к реальной стоимости товаров. Магазины, в которых до реформы отсутствовали предметы первой необходимости, стали буквально ломиться от товарного изобилия. Рост цен был отчасти смягчен системой компенсаций, причем отнюдь не символических. Зарплата была увеличена на 70 %. "Социальное соглашение" между правительством, предпринимателями и профсоюзами обеспечило консенсус для проведения первого этапа реформ.

Такие непопулярные меры, как либерализация цен, повышение учетных ставок банковских кредитов до 45 %, девальвация национальной валюты по отношению к доллару в три раза (в качестве первого шага к частичной конвертируемости болгарского лева), обрушились на людей одновременно и стали болезненным сеансом "шоковой терапии". Однако с помощью этих мер удалось предотвратить более страшное явление – гиперинфляцию. Экономисты подсчитали, что инфляция после освобождения цен оказалась меньшей, чем до начала реформы. До либерализации цен на болгарскую экономику давил огромный скрытый инфляционный потенциал. Так, уровень инфляции во второй половине 1990 г. составил примерно 50 %, в январе 1991 г. – 13 %, в феврале 219 %, в марте 45 %, но в последующие месяцы не превышал 2–3 %¹. Валютный курс доллара сначала взлетел до 30 левов за доллар, затем упал до 14, а впоследствии стал колебаться в пределах 18–19 левов². Это показывает, что меры по стабилизации финансов принесли определенные результаты.

Надо сказать, что большинство граждан с пониманием встретило реформу и приняло ее как "неизбежное зло". Одной из причин стоического отношения к возникшим трудностям и лишениям было то, что население видело в коалиционном кабинете министров выражение национального согласия. Немаловажное значение имела и разъяснительная работа правительства и средств массовой информации.

Когда премьер-министр Д. Попов в самом начале реформы обратился к народу со словами: "Братья! Ради бога, не покупайте, если вам это дорого", многие отнеслись к

ним с иронией. Как же не покупать, ведь жить-то надо! Лишь немногие правильно поняли эти слова как парафразу известного экономического закона, согласно которому спрос рождает предложение, а следовательно, с уменьшением спроса уменьшится цена предлагаемого товара. Так и произошло. Покупательная способность населения резко упала, люди жили первое время в основном за счет домашних запасов (а при тесной связи горожан с селом эти запасы были весьма значительны). К лету 1991 г. цены медленно, но систематически начали снижаться (например, мясо подешевело примерно на 15 %).

Однако в июне 1991 г. освобождаются цены на топливо и электроэнергию, что вызвало новую волну инфляций. В августе были повышены закупочные цены на некоторые сельскохозяйственные товары. Соответственно это сопровождалось новым витком повышения розничных цен на продукты питания (в среднем на 15 %). При этом Совет министров определил предельную верхнюю границу стоимости некоторых основных продуктов питания и ряда товаров первой необходимости.

Что же касается системных изменений, связанных с реструктурированием экономики, приватизацией и решением других вопросов, которые должны гарантировать условия для экономического роста, оживления экономики, то эта часть реформы несколько запоздала. Она началась лишь со второй половины 1991 г., с отставанием от монетарной фазы. При этом осуществлялась административными методами, путем формального дробления крупных фирм. Демонополизация и децентрализация не дали почти никаких результатов: конкуренции отдельные фирмы бывших объединений друг другу не составили. Это было частично связано с затягиванием принятия основных законов, которые необходимы для проведения реформы, особенно закона о приватизации.

За 9 месяцев своей деятельности правительство Д. Попова проделало большую работу по стабилизации хозяйства страны. После либерализации удалось добиться сдерживания первоначального скачка цен. Произошло оживление потребительского рынка, смягчились складывавшиеся годами противоречия и диспропорции между спросом и

предложением, производственными расходами и ценами, между доходной и расходной частями бюджета. Правительство добилось известных успехов в сдерживании инфляции, стабилизации национальной валюты. Были приняты меры по социальной защите населения. Наконец, было заключено платежное соглашение с СССР и странами бывшего СЭВ, решен вопрос о членстве в Международном валютном фонде и Всемирном банке.

Вместе с тем достигнутый эффект основывался исключительно на монетаристских мерах, а в конечном итоге – на снижении потребительского спроса. Основным недостатком реформы, за что она подвергается критике оппонентов, является то, что она не коснулась производственной сферы. Более того, своей кредитной политикой (слишком высокими учетными ставками банковских кредитов) и непосильным налогообложением правительство затруднило деятельность всех предприятий. В результате в первом полугодии объем продукции упал на 22,6 %, а по отношению к аналогичному периоду 1990 г. – на 29 %³.

После парламентских выборов 13 октября 1991 г. кабинет министров Д. Попова сложил с себя полномочия в связи с началом работы нового состава высшего законодательного органа. Победивший на выборах Союз демократических сил получил возможность сформировать однопартийное правительство. Его возглавил лидер СДС Ф. Димитров. Новое правительство имело значительный кредит доверия населения, поскольку могло опираться на накопленное за последние два года общественное недовольство правлением социалистов. Однако надо сказать, что положительный ресурс исчерпался довольно быстро, поскольку реализация главной составляющей части экономической реформы – процессов приватизации – была также отложена.

Самая большая ошибка нового правительства (как, кстати, и кабинета Д. Попова) – это отсутствие единой комплексной программы проведения реформ. Она по-прежнему осуществляется в рамках рекомендаций МВФ и других международных финансовых организаций. А они все более настойчиво выдвигали свои условия и требовали ускорения реформ, прежде всего проведения приватиза-

ции. Кроме того, западные кредиторы настояли на строгом выполнении согласованной с МВФ стабилизационной программы, а также более рациональном использовании социальных фондов. Социальный аспект меньше всего интересует кредиторов Болгарии, поэтому кабинет Ф. Димитрова столкнулся с жесткой необходимостью осуществлять реформу форсированными темпами, несмотря на социальную цену. Именно это обстоятельство и вызывает основную критику со стороны оппозиционной БСП. Особенно наглядно различия в подходах к экономической реформе на данном этапе видны в отношении к приватизации.

Если по вопросам "малой" приватизации существует почти полное единодушие, то "большая" приватизация вызывает много трудностей и разногласий. В принципе за приватизацию выступают все основные политические силы. Однако если СДС и его правительство категорически выступают за доминирование частной собственности, то БСП – против абсолютизации любой формы собственности, будь то частная или государственная, за их равноправное развитие. СДС предлагает использовать "рыночный подход" в осуществлении приватизации, т. е. провести ее путем продажи государственного имущества. Этот подход предлагается дополнить социально ориентированными механизмами. Речь идет о предоставлении работникам предприятий права приобретать государственную собственность на льготных условиях (причем скидка может достигать 50 % от первоначальной цены), а также в рассрочку. Часть доходов от приватизации предполагается направить в пенсионные фонды и фонды страхования здоровья.

БСП возражает против "рыночного подхода", называя его "шоковой" приватизацией, выгодной лишь бизнесменам, поскольку у большинства болгар отсутствуют солидные накопления. Она выступает за бесплатное предоставление части государственной собственности всем гражданам, постоянно проживающим в стране, через приватизационные боны. БСП считает, что только таким образом можно не допустить того, чтобы спекулянты стали экономическими хозяевами страны. Возражая социалистам, правительство доказывает, что предлагаемая БСП система может стимулировать инфляцию, препятствовать форми-

рованию деятельных хозяйственных субъектов. Другой аргумент СДС в споре с БСП – утверждение, что в условиях экономического кризиса обнищавшие и безработные граждане быстро продадут свои боны за бесценок. Именно это и приведет к сильному имущественному расслоению нации, к тому, что группы спекулянтов получат контроль над всем экономическим потенциалом. К тому же эгалитарная приватизация могла бы повлечь за собой безразличное отношение к бесплатно розданной собственности.

Таким образом, главным тормозом к принятию закона о приватизации до недавнего времени было политическое противостояние СДС и БСП, их различные подходы к приватизации. Во внесенном в парламент фракцией СДС законопроекте отмечалось, что возможны определенные коррективы в ход проведения приватизации, вплоть до переориентации на каком-то этапе на частично бесплатную форму раздачи части акций, но только в рамках общего рыночного подхода. Эта оговорка не случайна. Правительство отдает себе отчет в специфике решения проблем приватизации в Болгарии, где, в отличие от некоторых других стран Восточной Европы, приватизация начинается с нуля – ведь до недавнего времени в стране практически полностью отсутствовали частное предпринимательство и частная собственность, и к тому же при очень ограниченных финансовых ресурсах населения*.

С приватизацией тесно связан и вопрос о национализированных после 1947 г. промышленных предприятиях, банках и другой крупной собственности. СДС твердо выступает за реституцию, т. е. за возвращение национализированных предприятий бывшим собственникам или их наследникам. Реституция должна проходить параллельно

* Закон о приватизации государственной и муниципальной собственности был принят парламентом 25 апреля 1992 г. По этому закону предприятия преобразовываются в акционерные компании, которые будут либо проданы с аукциона, либо станут новыми государственными холдинговыми компаниями. До 20 % капитала фирм могут быть проданы работникам в качестве более дешевых акций, не дающих, однако, владельцам права голоса на акционерных собраниях. По мнению экспертов этот закон более ориентирован на рынок, чем законы о приватизации в других восточноевропейских странах.

с приватизацией. БСП считает реституцию экономически нецелесообразной и невозможной. Она предлагает частично компенсировать бывшим собственникам понесенный ими ущерб через именные приватизационные бонусы.

В феврале 1992 г. правительству Ф. Димитрова все же удалось провести через парламент три закона о реституциях, на основании которых и происходит возвращение собственности бывшим владельцам. В этом же месяце на основании распоряжений специально созданного Агентства при приватизации стартовала "малая" приватизация – продажа частным лицам магазинов, кафе, ресторанов, бензоколонок и т. д. (прежде приватизационный процесс в сфере малых государственных предприятий протекал довольно вяло).

Процесс трансформации собственности в сельском хозяйстве регламентируется принятым в середине марта 1992 г. новым законом о земле. Он вносит радикальные изменения в принятый весной 1991 г. закон о собственности на сельскохозяйственные земли и пользовании ими. Новый закон нацелен на разрушение старых форм государственной и коллективной собственности и создание частного землевладения. Он предусматривает роспуск сельскохозяйственных кооперативов, возвращение земли ее прежним собственникам или их наследникам, быстрое создание рынка земли. Все это должно обеспечить условия для появления подлинного частного фермерства. Закон дает право гражданам объединяться в кооперативы с целью совместной обработки земли. В то же время прекращается деятельность существовавших трудовых землевладельческих крестьянских хозяйств (ТКЗХ), названных одним из депутатов СДС "последним бастионом коммунизма".

Еще два важных закона, принятых правительством Ф. Димитрова, – новый закон о защите иностранных инвестиций и закон о конфискации имущества БСП (правопреемницы компартии). Последний вызвал, естественно, острую реакцию социалистов и их сторонников, которые составляют около трети населения страны.

Как уже отмечалось, экономическая политика правительства во многом подвергается серьезной критике. При

этом правительству приходится "вести бои" одновременно на двух фронтах: с БСП (парламентская оппозиция) и с внепарламентскими партиями Болгарского демократического центра (БДЦ), в состав которого входят социал-демократы, либералы, "зеленые" (эти партии центристского направления отошли в предвыборный период от СДС и не получили мандатов в Народном собрании).

Еще при правительстве Д. Попова, когда у социалистов было большинство в парламенте, они возлагали вину за неизбежные минусы перехода к рыночной экономике – инфляцию и безработицу – на "экономическую команду" СДС в правительстве. Критиковали эту "команду" и за пренебрежение необходимостью сохранения болгарских позиций на советском рынке, за то, что ради получения политических дивидендов была отдана дань антисоветизму. Надо сказать, что весной 1991 г. это было исправлено некоторыми шагами правительства, в первую очередь поездкой Д. Попова в Советский Союз. Критика БСП, перешедшей после выборов 13 октября 1991 г. в оппозицию, усилилась после того, как было создано однопартийное правительство СДС.

В общих чертах БСП критикует правительство Ф. Димитрова за некомпетентность и за слабую социальную политику. Некомпетентность, по мнению оппонентов, проявляется в том, что кабинет министров не заботится, чтобы нагрузка на экономику, связанная с преобразованиями, была ей посильна. Экономические же реформы должны осуществляться с учетом способности населения выдерживать их. Социалисты считают, что проводить реформу надо менее быстрыми темпами, дозированно, что монетарные меры следует сочетать с государственным регулированием экономических процессов. По их мнению, надо развивать хозяйственную систему в направлении создания смешанной социально ориентированной экономики.

В связи с истечением 100 дней деятельности кабинета Ф. Димитрова Высший Совет БСП выступил в середине февраля 1992 г. с заявлением, где отмечалось, что "правлящий Союз демократических сил осуществляет политику в интересах не более 3–4 % болгарских граждан"⁴. Социалисты обвинили правительство в том, что оно "не представило

общественности ясную и обязывающую программу" своей работы, "не говорит о политической цене, которую платит Движению за права и свободы (ДСП) за оказываемую им поддержку в парламенте". Депутаты ДПС, выражающего интересы болгарских турок и мусульман, как правило, поддерживают в парламенте фракцию СДС, что и обеспечивает последнему большинство голосов в Народном собрании.

Правительство, говорится далее в упомянутом заявлении, оказалось неспособным оживить производство, обуздать безработицу, спекуляцию, остановить резкое падение уровня жизни. Проводимая СДС и его кабинетом политическая линия соответствует интересам крупных землевладельцев, разбогатевших в период второй мировой войны спекулянтов, а также тех людей в руководстве СДС, которые рассчитывают на свой шанс при стихийном распределении земли, "раскулачивании" имущества сельхозкооперативов и распродаже за бесценок национальных богатств. С аналогичной критикой правительства СДС выступили представители Болгарского демократического центра, который постепенно превращается в реальную политическую силу.

Основная козырная карта стратегии социалистов – запугивание безработицей и другими экономическими трудностями, связанными с ликвидацией неэффективного, но все же, казалось бы, надежного, обеспечивающего некий социальный минимум государственного централизованного планирования. Действительно, в 1991 г. наблюдался лавинообразный рост безработицы (на конец декабря насчитывалось 414 тыс. зарегистрированных "лишних людей"). Кроме того, за последние два года в поисках работы эмигрировало еще свыше 200 тыс. человек. Таким образом, уровень безработицы превысил 12 % занятых в народном хозяйстве, приближаясь к критической черте.

Учитывая опасный характер развития ситуации в сфере занятости, болгарское правительство еще в июне 1991 г. приняло постановление "О решении неотложных проблем в сфере занятости и безработицы", направленное на сдерживание роста безработицы и социальную защиту граждан. Этим постановлением предусматривается комплекс мер,

стимулирующих работодателей к увеличению занятости, регламентируется размер и сроки выплаты пособий по безработице. Осенью 1991 г. средний размер пособия составил 740 левов (более половины средней зарплаты). На нужды переквалификации, трудоустройства и выплаты пособий в 1991 г. было израсходовано около 1,6 млрд. левов из госбюджета и за счет средств фирм. За 10 месяцев 1991 г. прошло переподготовку и переквалификацию около 350 тыс. человек.

В своей борьбе против правительства Ф. Димитрова социалисты используют профсоюзы. Так, в начале января 1992 г. Конфедерация независимых синдикатов Болгарии (КНСБ) – правопреемник бывших “казенных” профсоюзов – провела “общенациональную предупредительную забастовку”. Выдвигались требования повышения минимального уровня зарплаты с 625 до 1050 левов, осуществление правительством конкретной программы борьбы с безработицей, прекращение “дикой” приватизации, т. е. принятие закона о приватизации, гарантирующего участие в ней людей труда. Забастовка была не экономической, а чисто политической акцией КНСБ, замаскированной под синдикализм. Она была проведена при явном поощрении БСП, стремящейся извлечь дивиденды из переживаемых страной трудностей (на своем последнем съезде социалисты заявили, что “поддержат все справедливые требования синдикатов”). Не случайно и то, что проведение забастовки совпало по времени с кампанией президентских выборов, когда проходила острейшая предвыборная борьба кандидата от СДС Ж. Желева и независимого кандидата, поддержанного БСП, В. Вылканова. Впрочем, “общенациональной забастовки” не получилось: в ней приняло участие лишь около 8 % от общего числа занятых в производстве. Другой мощный профцентр – конфедерация труда “Подкрепа” – выступил против забастовки, а его лидер К. Тренчев отмечал, что организаторы забастовки всегда должны ясно представлять себе ее цели, а также готовность другой стороны реагировать на синдикальный натиск: “Нынешнее правительство и парламент – наследники разоренного государства и не несут ни моральной, ни юридической ответственности за это. Мы считаем, что правительству необходимо предоставить определенный кредит времени”.

В борьбе за голоса избирателей во время президентской предвыборной кампании социалисты ухватились еще за один козырь – национализм. Обещание Желева защитить права миллиона турецкого меньшинства они расценили как предательство, которое нанесет серьезный ущерб стабильности Болгарии. Таким образом, предпринимается попытка нажать политический капитал за счет разжигания межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов в определенных районах страны.

Само же правительство, по словам его главы Ф. Димитрова, исходит из того, что экономически необоснованные претензии профсоюзов, провоцирующие опережение в росте заработной платы, неизбежно замедлили бы реформу, а простое увеличение зарплаток и пенсий сегодня или завтра означает новый скачок цен и еще большую нужду⁵.

В 1991 г. из-за роста цен, жесткой кредитной политики, высоких налогов реальные доходы населения снизились на 50–60% (при прогнозируемом снижении на 30%), т. е. стоимость потребительской корзины увеличилась в 5,5 раза, а сбережения населения уменьшились при этом более, чем в 2 раза. Вместе с тем, хотя правительство критикуется за слабую программу социальной защиты, она в действительности достаточно эффективна. Уже в феврале 1991 г., т. е. одновременно с началом либерализации цен, была введена система компенсаций, которые пересматривались каждые три месяца, если цены за этот период росли более чем на 10 %. То есть компенсации четко следовали за освобождением цен на определенные группы товаров.

Как уже отмечалось, примерно на 70 % была увеличена зарплата. В ноябре 1991 г. среднемесячная зарплата составила 1419 лв., причем в непроизводственной сфере она была немного выше – 1471 лв. Минимальный размер пенсии на конец 1991 г. составил 470 лв., средний – 500 лв.⁶. Сейчас широко дискутируется закон о пенсиях. Правительство ставит своей целью создать законодательную базу, чтобы сформировать достаточный пенсионный фонд и одновременно освободить государство от чрезмерных расходов на пенсионное обеспечение. Первоначально этот фонд будет пополняться за счет средств от приватизации, а также за счет конфискованного имущества БСП.

Для смягчения остроты проблемы бедности правительство приняло в марте 1991 г. постановление о создании так называемой второй защитной сети, в котором заложен целый комплекс мер по обеспечению приемлемых жизненных условий для наиболее нуждающейся категории населения (им частично оплачиваются коммунальные услуги и жилье, проезд на транспорте и т. д.). Надо отметить, что большим подспорьем в условиях дороговизны оказалась крепкая связь болгар с сельскохозяйственным производством (главным образом на своих приусадебных участках) и традиции домашних заготовок.

Отвечая на критику исполнительной власти со стороны оппозиции, Ф. Димитров и парламентарии от СДС постоянно подчеркивают, что правительству приходится "расхлебывать кашу, заваренную коммунистами" и выводить страну из глубочайшего экономического кризиса, к которому ее привел тоталитарный режим, а на это требуется время: ведь в Болгарии происходит смена общественной системы, а не просто перестановка политических сил. Надо признать, что несмотря на неснижающийся градус политической борьбы, пока в Болгарии удается обеспечивать мирный характер перехода от тоталитаризма к демократическим структурам без столкновений и кровопролитий. Избрание 19 января 1992 г. Ж. Желева президентом республики в некотором смысле символично – оно знаменует собой победу политического лидера, выступающего за смену общественного строя при непременном условии сохранения в стране гражданского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Демокрация. 19.09.1991; 15.10.1991.
2. Там же. 19.09.1991.
3. Икономически живот. 11.08.1991.
4. Дума. 18.02.1992.
5. Демокрация. 7.01.1992.
6. Дума. 9.10.1991; 11. 01.1992.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ОПЫТ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ (1990–1991 гг.)

Основная цель экономической реформы в Румынии – отказ от суперцентрализованной экономической структуры и переход к рыночным отношениям – была заложена в законодательных актах Фронта национального спасения (ФНС), принятых сразу же после революционных событий декабря 1989 г.¹ Общество, воодушевленное победой демократии, приветствовало первые шаги нового руководства, направленные на поощрение индивидуальной коммерческой инициативы, создание малых предприятий по производству товаров народного потребления.

Между тем в целом экономическая обстановка в стране продолжала оставаться тревожной. Объем промышленного производства за первое полугодие 1990 г. составил 70 % от соответствующих показателей 1989 г., а производительность труда – примерно 75 %. Тяжелое наследие режима Чаушеску – отсутствие достаточного количества сырья, комплектующих и запасных частей, частые выходы из строя устаревшего оборудования, низкий уровень трудовой дисциплины – обусловило углубление экономического кризиса. Рост фонда заработной платы и повышение денежных доходов населения привели к значительному витку инфляции. Промышленность была способна покрыть товарами находящиеся в обороте деньги только на 80 %². В таких условиях правительство Петре Романа, сформированное после первых свободных выборов в мае 1991 г., приступило к осуществлению экономической реформы.

Шаги экономической реформы

В начале мая 1991 г. была опубликована правительственная программа перехода к рыночным отношениям. Комментируя ее, премьер-министр П. Роман подчеркнул,

что этот переход неизбежно предполагает усугубление ряда социальных проблем, в том числе безработицу и повышение цен. Отправной точкой нового правительственного кабинета был принцип неизбежности радикальной реформы для вывода страны из кризиса, в то время как опыт других бывших тоталитарных государств свидетельствует о том, что частичные изменения в управлении экономикой только осложняют ситуацию. Премьер-министр отметил, что избавиться от старого мышления и привычек будет не просто, поэтому "наряду с использованием старых кадров, главный упор правительство будет делать на молодых специалистов, в меньшей степени подверженных влиянию прошлого"³.

В кратком изложении содержание реформы и конкретные шаги, предпринятые в течение первого года ее реализации, выглядят следующим образом: I этап (первые месяцы 1990 г.) – начало проявления свободной коммерческой инициативы, поощрение мелких предпринимателей; II этап – либерализация цен. Первая была осуществлена в ноябре 1990 г. и привела к их повышению на продовольственные товары – в среднем на 61,3 %, на непродовольственные – 113 %; тарифы и услуги при сохранении дотаций со стороны государства подорожали на 51,5 %. Вторая поэтапная либерализация предпринята с апреля по август 1991 г., вызвав рост цен на потребительские товары в целом на 65 %.

С учетом увеличения заработной платы, пособий и индексаций сокращение реальных доходов населения произошло примерно на 20 %. По оценкам экспертов, для того чтобы сохранить на прежнем уровне объем потребления товаров и услуг, роста производства которых не наблюдается до сих пор и не ожидается в ближайшее время, населению придется истратить большую часть имеющихся у него денежных вкладов, накопленных за последние 25 лет.

III этап реформы – восстановление права частной собственности на землю. Закон о земельном фонде был принят парламентом в феврале 1991 г. В соответствии с ним предусматривается безвозмездная передача 10 га земли крестьянским семьям. Приусадебные участки крестьян

автоматически стали частной собственностью. Все граждане, получающие во владение землю, освобождаются от уплаты налога на 8 лет, начиная с 1991 г. Закон поощряет и коллективный труд крестьян. В частности, в случае создания на основе распущенного госкооператива (аналогия совхоза) доброевольной ассоциации вся собственность (скот, техника, строения) безвозмездно переходит этой ассоциации. Неприватизированные участки земли переходят коммуналам, городским и уездным мэриям. Закон обязывает использовать землю только для производства сельскохозяйственной продукции; предусмотрено создание специальных служб для оказания помощи в обработке земли, мелиорации. Узаконена реприватизация земли, отчужденной у владельцев в период коллективизации. Максимальный размер участка, который может быть передан наследникам бывших владельцев, составляет 1% га.

IV этап реформы – приватизация госпредприятий. Закон о приватизации принят парламентом в конце июля 1991 г. В его разработке принимали участие ведущие экономисты страны, а также эксперты из Франции, США, Италии, Германии и Великобритании. В соответствии с законом, 30 % госсобственности бесплатно передается трудящимся посредством выдачи сертификатов. Остальные 70 % – продается в виде акций и активов юридическим и физическим лицам. Каждый гражданин, достигший 18 лет (кроме недееспособных) и постоянно проживающий в Румынии, имеет право получить определенное количество сертификатов на собственность. Трудовой коллектив приватизируемого предприятия может принимать участие во всех формах покупки акций, пользуясь 10 %-й скидкой. Покупатели активов предприятий не имеют права перепродавать их в течение года со дня заключения договора о купле-продаже.

Закону о приватизации предшествовал Закон о реорганизации предприятий, по которому им возвращались основные права, позволяющие свободно принимать решение по таким вопросам, как планирование производства, снабжение и сбыт, технологическое перевооружение, зарплата, занятость рабочей силы, капиталовложения, цены, внешняя торговля и форма собственности. Госпредприятия таким образом преобразовывались в коммерческие общества.

На практике процесс так называемой "большой прива-

тизации” шел достаточно медленно. Причина тому – убыточность большей части предприятий. Только в 1991 г. правительство пошло на покрытие убытков почти 3 тыс. заводов и фабрик. Макроструктурные показатели экономического развития продолжали оставаться низкими. 26 из 28 отраслей (кроме имеющих особое значение для румынского экспорта – мебельной и пошива одежды) снизили выпуск продукции. Уменьшение объемов производства привело к росту дефицита торгового баланса, снизились показатели экспортно-импортных операций.

V этап реформы – приватизация жилищного фонда, переход его в личную собственность квартиросъемщиков. Предусмотрено также возвращение жилья прежним владельцам, незаконно лишенным права владения в годы коммунистической диктатуры. Процесс в целом идет достаточно спокойно. Конфликтные ситуации возникают, когда прежние владельцы предъявляют претензии к жилищному фонду, давно заселенному и обжитому другими семьями. В этих случаях дело передается в суд.

VI этап реформы – антиинфляционная политика и обеспечение внутренней конвертируемости национальной валюты. С середины 1991 г. все виды торговых операций в стране переведены только на национальную валюту. С 11 ноября 1991 г. введен единый курс доллара к лею в соотношении 180 лей за 1 долл. Новый кабинет министров Т. Столожана, сформированный в октябре 1991 г., взял на себя обязанность контролировать три главных индикатора финансовой стабильности: обменный курс лея, уровень инфляции и наличие энергоресурсов. В целях преодоления давления “лишних” денег на счетах предприятий было принято решение о сокращении суммы наличных средств до уровня, зарегистрированного на 31 декабря 1991 г.

Взявший на себя осуществление наиболее болезненных, “шоковых” моментов радикальной реформы кабинет П. Романа функционировал 15 месяцев. С самого начала правительство стало бороться с теми негативными процессами и явлениями, которые накапливались в румынской экономике все 45 лет ее развития по социалистическому пути. За это время были приняты основные законодательные акты, созданы механизмы и институты, призванные преодолеть хозяйственный кризис, оживить экономику страны. “Понятно стремление населения улучшить условия своей жизни, понятна надежда, что с избавлением от

"коммунистических идеалов" в магазинах будет изобилие необходимых товаров. Однако невозможно добиться этого за одну ночь", – писала газета "Азь" ("Сегодня"). – Не следует забывать, что в 1989 г. в стране было свыше 2 тыс. нерентабельных предприятий которые более шести лет накапливали свой долг перед государством. Еще в марте 1989 г. Чаушеску признавал что 20 % производственных мощностей в промышленности не использовались"⁴.

Правительство П. Романа обвиняли в снижении покупательной способности населения (не сопоставимой, кстати, с тотальным обнищанием народа России). Но если в 1983–1989 гг. (период наиболее тяжелого кризиса) Румыния импортировала продукции на 1,2 млрд. долл., то правительство П. Романа было лишено такой возможности, а накормить страну все-таки удалось. При разрушении тогово-экономических связей с бывшими социалистическими странами и переходе на расчеты в свободно конвертируемой валюте правительство наладило контакты с международными финансовыми кругами. Иное дело, что рискнув пойти на самые непопулярные меры в политически нестабильном обществе, оно сознательно шло на этот риск, считывая не только на кредит доверия в обществе, но и на непосредственную поддержку в парламентских, партийных и других политических структурах. Оправдался ли этот расчет?

Социальная база реформ и кредит доверия

Спустя год после принятия программы правительства, когда процесс реформ столкнулся с конкретными трудностями, премьер-министр П. Роман высказал озабоченность факторами, тормозящими проведение решений правительства через парламент. Напомним, что в результате парламентских выборов в мае 1990 г. подавляющее большинство в двухпалатном законодательном органе страны получил левоцентристский Фронт национального спасения. Со значительным отрывом за ним следовал Демократический союз венгров Румынии. Была также представлена небольшая, но влиятельная фракция от Национал-либеральной партии; другие партийные формирования получили по несколько мест.

На начальном этапе все политические силы общества высказались за реформу, причем именно за ту стратегию и

и тактику, которую предлагал кабинет П. Романа, ибо иных программ просто не существовало. Анализируя это обстоятельство, П. Роман отметил: "Способность многих менять свои взгляды и убеждения, как перчатки, и демагогически поддерживать реформу, но быть, по существу, против нее – это одна из величайших опасностей. Это люди, перегруппировавшиеся в зависимости от экономических интересов, образовав своего рода мафию, не заинтересованные что-либо изменить в экономике, чтобы не потерять привилегий... Мне показалось забавным, когда один политический лидер заявил, что они готовят свою реформу – так что же, черт возьми, они делали все эти полтора года? Даже смешно! А с другой стороны, поскольку реформа порождает многочисленные трудности, повсюду говорят о неспособности и бездарности правительства..."⁵.

Парламентская оппозиция сформировалась достаточно стихийно, ибо альтернативной программы реформ она не имела. Состав ее постоянно менялся, а объединительной идеей служила борьба за избирателя. Обладая подавляющим численным перевесом в обеих палатах парламента, депутация от ФНС имела возможность проводить свои решения практически без проблем, однако за 15 месяцев правления кабинета Романа он ни разу не воспользовался ею. Более того, буквально за два месяца до падения кабинета премьер-министр высказывался за поддержку оппозиции, "потому что только так демократия может существовать... На Западе если меняется правительство, то в некоторой степени меняется и стратегия экономической деятельности. Но мы не в таком положении. Нам надо довести реформу. С этой точки зрения спекулировать на трудностях – не конструктивная позиция. Программа правительства была принята почти единогласно. Нужно было впрячься всем, а не выискивать слабые места, которые несомненно были, но исправлять их надо было по мере осуществления практических действий"⁶.

Примером внутрипарламентской борьбы может служить обсуждение закона о приватизации. Лозунги оппозиции, собранные воедино, можно сформулировать одной фразой: "Идет разбазаривание национального достояния, продажа его иностранным компаниям". Сам закон был назван анти-

народным, антинациональным и антидемократическим, так как не было проведено "всенародного обсуждения". С разъяснениями закона и позиции правительства премьер-министр выступил по телевидению, указав что из 160 поправок, внесенных в законопроект, 50 принадлежат оппозиции. П. Роман заверил, что правительство будет контролировать каждый шаг на пути приватизации. 29–30 июля 1991 г. обе палаты приняли закон с учетом поправок и замечаний. Парламентские трения, вызываемые чаще всего межпартийными спорами, затягивали принятие важнейших правовых актов и в значительной мере препятствовали объединению демократических сил не только в пользу радикальной, но и против "красно-коричневой" угрозы. Не случайно столь легкой оказалась победа шахтерского путча.

25 сентября 1991 г. несколько тысяч шахтеров прибыли в Бухарест, пикетировали, а затем штурмовали Дом правительства, предприняли попытку захвата телевидения, поджигали магазины, били витрины. Под напором их требований премьер-министр сложил с себя полномочия, правительственный кабинет был распущен. Интересы шахтеров представлял профсоюзный комитет горняков долины Жиу. Несмотря на неоднократные предложения президента и правительства провести переговоры цивилизованным путем, создать делегацию для переговоров, собравшиеся выдвигали требования лично к П. Роману "выйти на улицу" и решать проблемы там. Получив отказ, шахтеры подошли к части правительственного здания, громили магазины. Службы правопорядка ответили слезоточивым газом и резиновыми пулями.

Горняки еще крушили витрины, а печать уже назвала истинных организаторов путча – неокommунистические партии, в частности Социалистическую партию труда, сформированную из бывших партийных функционеров и наиболее ортодоксальных рядовых членов бывшей коммунистической партии. В интервью французской "Либерасьон" по итогам событий П. Роман подтвердил это предположение, сказав, что шахтеры были "идеологически обработаны". Ими манипулировали "не на экономической, а на политической почве". Популистские лозунги неокommунистов

("Не дадим распродать страну!", "Примитивный капитализм под видом шоковой терапии привел к развалу экономики!") имели воздействие на значительную часть рабочих. Так, во время муниципальных выборов в феврале 1992 г. лидеры Социалистической партии труда вели агитацию в промышленном центре страны городе Галаце и по количеству набранных голосов опередили другие партии.

Таким образом рабочие представляют потенциально наиболее взрывоопасную массу. Их труд традиционно оплачивался ниже, чем труд интеллигенции. Именно рабочих напрямую задела проблемы безработицы. Число "лишних" людей в Румынии составило в конце ноября 1991 г. 260 тыс. Из официально зарегистрированных и получавших пособие почти 153 тыс. – рабочие, около 23 тыс. – выпускники средних и 6,5 тыс. – высших учебных заведений. Число потерявших работу по отношению к занятым на производстве составляло в конце 1991 г. 2,38 %. Этот показатель, довольно низкий по сравнению с другими восточноевропейскими странами не давал, казалось бы, повода для особого беспокойства. Но темпы увеличения безработицы росли и это вызывало большую тревогу в обществе, провоцировало нестабильность.

Принимая за точку отсчета факт, что успех тех или иных реформ возможен лишь в случае их поддержки представителями различных групп общества – профессиональных, региональных, национальных и проч. (при этом у правительства, безусловно, могут быть приоритетные подходы по отношению к тем или иным группам), можно заключить, что социально-политическая нестабильность в Румынии этому успеху не способствовала.

На страницах независимых еженедельников "Экспресс-магазин", "Зиг-Заг", "Акум" и др. делались предположения, что шахтерский путч в Бухаресте стал следствием того, что румынское руководство не смогло извлечь уроки из московского путча. Во-первых, провал попытки госпереворота в СССР значительно укрепил политический потенциал румынского руководства и его международный престиж: уже утром 20 августа парламент и правительство Румынии приняли документ, где действия ГКЧП были смело и принципиально осуждены. Почувствовав значительный рост собственного авторитета, Фронт национального спасения потерял "всякий интерес" к тем, кто вчера еще был равным соперником, а теперь "полностью дискре-

дитирован" – к некоммунистическим политическим структурам. Коммунистическая оппозиция, в свою очередь, также перешла к активным действиям.

Во-вторых, в течение двух-трех недель после московского путча основные политические силы Румынии, объединившиеся на три дня в августе, вновь погрузились в межпартийные споры, в борьбу за избирателя и влияние в массах. Реакционным силам Румынии не был противопоставлен единый демократический фронт. Основным уроком сентябрьского политического кризиса в Румынии состоит, видимо, в том, что борьба за власть должна стать вторичным фактором политической жизни, уступив место консолидации демократии, защите ее институтов от возможных атак со стороны экстремистских сил, использующих в своих корыстных целях кризисную социально-экономическую ситуацию.

Основную угрозу осуществлению реформ в Румынии представляет все более крепнущий союз между рабочим (профсоюзным) движением и некоммунистическими структурами. Последние, состоящие преимущественно из "ветеранов" бывшей РКП, не имеют доступа к государственным и парламентским звеньям управления и действуют через рабочую среду, провоцируя ее популистскими лозунгами и внося тем самым элементы дестабилизации во все общество. В такой ситуации, помимо необходимых мер социальной защиты населения, поддержкой реформе может быть лишь всеобщее восприятие экономической мотивации ее неизбежности. Пока же главным достижением реформы можно считать переход к системе свободных цен. Макроэкономической стабилизации в течение одного года добиться не удалось. Насколько хватит кредита народного доверия, во многом будет зависеть от баланса политических сил в стране, от степени их консолидации вокруг практических проблем осуществления экономической реформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Adevărul. 02.01.1990.
2. Tribuna economică. 02.01.1991.
3. România liberă. 08.07.1990.
4. Azi. 25.10.1991.
5. Жизнь в Румынии. Июль 1991. С. 28.
6. Там же.

ПРИВАТИЗАЦИЯ В ЧЕХО-СЛОВАКИИ:

ПРОРЫВЫ И ТУПИКИ

Политические и социально-экономические процессы в Чехо-Словакии при всех напряженностях и эксцессах характеризуются большей по сравнению с другими странами Центральной и Восточной Европы определенностью в постановке задач, в принятии и осуществлении решений. В то же время они актуализируют следующую проблему: направленность, глубина и темпы экономической реформы в стране – равно как и в регионе в целом – связаны в первую очередь с процессами приватизации, исход которых не может оцениваться однозначно.

В 1989 г. Чехо-Словакия как бы "натолкнулась" на революцию, названную не случайно "бархатной", "нежной", имея и достаточно высокий уровень жизни, и ряд достижений в области промышленного развития, и относительное спокойствие всех социальных слоев. "Непереносимыми" были (по словам М. Кундеры и И. Свитака) ограничения политической активности, свобод, прав индивида, а также навязанные с 1968 г. народу силой обязательства служить "твердыне социализма"¹.

В экономической жизни серьезную тревогу вызывали, во-первых, акценты на экстенсивные методы хозяйствования, углублявшийся дисбаланс на структурном и региональном уровнях, отсутствие перспектив развития новейших технологий. Во-вторых, ориентация на СЭВ и особенно на СССР во внешнеэкономических связях. В-третьих, нехватка средств для коренной модернизации производства, ослабленная инфраструктура и не задействованный потенциал инновационного предпринимательства. В то же время следует заметить, что хождение "близ бездны" отмечалось в основном зарубежными экспертами² и лишь немногими аналитиками внутри Чехо-Словакии; степень удовлетворенности наличествующим в стране уровнем жизни

считалась приемлемой и даже удовлетворительной. Страна наряду с ГДР подавалась в качестве образца для всего региона.

Революция – и в этом одна из ее главных заслуг – выявила необходимость экономических преобразований, со всей остротой обнажила настоятельность качественного преобразования хозяйственных структур, интенсификации экономического развития. В связи с этим встал вопрос, как проводить реформы: ориентируясь на взрывную по темпам "шоковую терапию" (уже показавшую свою не совсем полную состоятельность в Польше) или же на медленные, но довольно жестко закрепляемые преобразования? Стоит ли рвать уже существующие (хотя и не во всем эффективные) экономические связи с ближайшими соседями ради "хороших" связей в будущем с соседями дальними? Как проводить модернизацию и кого делать главным ее агентом?

В зависимости от ответов на данные вопросы можно очертить меняющийся расклад сил в органах государственного управления и линии размежевания основных сил и блоков. Если принять традиционную схему разделения на левых, правых и центр (с промежуточными позициями), то обнаруживается следующая картина: в политическом отношении правые (консерваторы) занимают радикальные позиции по вопросам экономического развития, а левые – выступают за умеренные их темпы. Но спецификой Чехо-Словакии является то, что в политической жизни чаще всего именно центр становился опорой консенсуса, национального согласия. "Чувство центра" в ЧСФР олицетворял президент страны, для большинства населения он – гарант стабильности, взвешенности, несуетности в решении всего комплекса проблем.

В целом "бархатная" революция в Чехо-Словакии привела к резкой и масштабной активизации политической жизни. Коммунисты под давлением улицы отказались от монополии на власть, а 10 декабря 1989 г. было сформировано возглавляемое бывшим коммунистом М. Чалфой федеральное правительство национального согласия при прямой поддержке Гражданского форума – общественного движения, сыгравшего в этой революции одну из главных ролей³. В. Гавел, сооснователь "Хартии-77", 29 декабря

1989 г. стал президентом страны в результате единогласного избрания депутатами Федерального собрания (парламента), 85 % мест в котором принадлежало коммунистам.

Через два с половиной года после революции у власти оставалась та же команда. 5 июля 1990 г. В. Гавел был переизбран на посту президента новым составом Федерального собрания (234 голоса "за" и 50 – "против"), а словак М. Чалфа, вступивший тем временем в родственное Гражданскому форуму словацкое движение "Общественность против насилия", был снова утвержден 12 июня 1990 г. на посту премьер-министра ЧСФР. В стране осуществляется экономическая реформа, связанная с освобождением цен, но правительство остается у власти. Более того, за минувшие с начала либерализации (январь 1991 г.) месяцы в стране не зафиксировано ни одной крупной демонстрации против реформы.

Динамика экономических реформ в стране олицетворяется именем министра финансов правительства ЧСФР В. Клауса – экономиста правого толка, ориентирующегося на Запад, как в Польше – именем Л. Бальцеровича. Сопоставление этих фигур и ситуаций показывает: Чехо-Словакия ориентируется на более умеренные средства в решении своих проблем и "выигрывает". Бальцерович в отставке, Клаус – эволюционирует, причем в направлении к социальному реформаторству, которое на словах зачастую им отвергается. Если в Польше имела место "шоковая терапия" и, как оказалось, "безжалостная хирургия" в общественном производстве, что проявилось в резком взрыве безработицы и "уличной коммерции", то в Чехо-Словакии избран более умеренный путь. Эксцессы с коммунистами (и стоящими за ними социальными группами, ратующими за "славную стабильность" прошлого), национальные конфликты, экономические неурядицы и даже безработица не оказывали пока решающего влияния на курс реформ и одновременно не подвергали общество издержкам "хирургии ради хирургии".

Прорыв на широком фронте экономических преобразований, но и ряд тупиков, неизбежных в ходе такого рода трансформаций, частично являющихся результатом сбоя руководства. Такова общая ситуация с экономической

реформой в Чехо-Словакии. И проводящие реформу силы, и оппозиция пришли в конце концов (правда, с разных сторон и по разным мотивам) к выводу: сваливать всю вину на коммунистов уже недостаточно. Важно и то, что прошло более двух лет после падения режима, но еще важнее – что в Чехо-Словакии острее ощущается ответственность конкретного политика за конкретные ошибки сегодня. Отсюда и обоснованность мнения В. Клауса, что в Чехо-Словакии при всех трудностях все же существует политический и социальный консенсус населения в пользу экономической реформы. Это самое важное, как считает "отец" экономической реформы в ЧСФР, но для этого необходимы неустанные усилия: ежедневные интервью, еженедельные обязательные две передовые статьи, публичные выступления (по меньшей мере два раза в неделю) на различных мероприятиях, разъяснения, аргументации, отстаивание, борьба за реформы⁴. Эта сфера деятельности правительства, именуемая на Западе "паблик рилейшнз", т. е. установление прямых и обратных связей между принимающими решения органами и теми, кого эти решения касаются. "Мы по-иному поступаем в ЧСФР, – отмечал В. Клаус, – в Польше и Венгрии этого не происходит. Мы поняли, что нам необходимо непосредственно говорить с людьми"⁵. Вследствие этого оказывается возможной оперативная коррекция курса на реформу (например, "большая" приватизация была отложена на 2 месяца – с начала января 1992 г. на начало марта).

Приватизация сегодня – магическое слово, когда предполагается, что ее провозглашение как бы автоматически решит многие экономические проблемы. Однако анализ реальных действий, связанных с возвращением собственности частным (приватным) лицам показывает: решая одни проблемы хозяйственной жизни и социального развития, она порождает другие. И главная из них – момент сосуществования различных форм собственности с конфликтующими сферами влияния в деле распределения ресурсов: людских, финансовых, материальных, сырьевых и т. п.

Линия руководства Чехо-Словакии на то, чтобы придать процессам приватизации поступательный и вследствие этого необратимый характер, включить в ее сферу

сначала мелкое, а затем крупное производство, в целом находит поддержку в обществе. Однако большинство ведущих экономистов и практиков Запада неоднократно подчеркивали качественное различие между, условно говоря, "малой" и "большой" приватизацией, отмечая, что вторая – это не просто восстановление "хороших", старых, испытанных структур, например финансово-промышленных империй (типа предприятий Форда в Америке или Бати в Чехо-Словакии). Еще в 30-е годы, полемизируя с "Капиталом" Маркса, Дж. Кейнс писал: "Гиганты XX века уходят в прошлое", отвергал тем самым постулат централизации капитала ради высоких прибылей⁶. И если высшей целью приватизации является восстановление подобных "империй", то это шаг назад, во времена нерегулируемой экспансии капитала, которая отвергалась с конца XIX в. не только лидерами рабочих движений, но и значительной частью собственников, государством (антитрестовское законодательство), многими надстроечными структурами. Фетишизация частной собственности – только крупной и сверхкрупной, контролируемой одним владельцем, – тем самым выступает как свидетельство недостаточной зрелости страны в плане ее хозяйственного и социального развития.

Возникновение акционерных компаний, обществ с ограниченной ответственностью, кооперативов, различных сфер совместного владения – все это выдвигается в качестве желательного и эффективного в странах Запада. Восточная же Европа, включая и Чехо-Словакию, в чем-то "живет в прошлом" в данном отношении, надеясь зачастую на сверхцентрализованные – но уже не в рамках административно-командной системы – структуры. Здесь возможности тупика в проведении приватизации.

Приведенных свидетельств достаточно, чтобы показать: "практика" приватизации резко обгоняет ее "теорию". Фактически в ходе проведения приватизации приходится встречаться с непредусмотренными ситуациями – возможность "подложной" покупки, неконтролируемое долевое участие иностранных фирм, перепрофилирование производств и т. п. И здесь можно отметить динамизм практических решений, имеющих свою логику. Это касается и развитых стран Запада.

Так, в фундаментальной монографии С. Комана "Экономика" отмечаются сложности приватизации в современной Британии. Ее сталелитейная промышленность была национализирована в 1951 г., приватизирована – в 1958 г., ренационализирована – в 1987 г. и вновь приватизирована – в 1988 г. В книге приводятся общие аргументы "за" приватизацию: более эффективное подключение рыночных сил; снижение уровня правительственного вмешательства; ограничение завышенных требований общественного сектора; распыление собственности и укрепление позиций "народного капитализма"⁷. Аргументы же "против" приватизации таковы: угроза "естественного" монополизма; неприменимость только рыночной регуляции ряда отраслей или служб, особенно на муниципальном уровне; учет интересов лишь некоторых слоев общества; проблемы в распределении прибылей; идеологические затруднения (нельзя, к примеру, приватизировать почтовую службу)⁸.

Приведя эти аргументы, С. Коман подчеркивает, что в современной экономике неприемлемы крайности полной приватизации или полного огосударствления. В Британии и даже США идет поиск и упрочение оптимальных промежуточных моделей, а циркуляция акций наиболее благоприятна в условиях текучести форм собственности (при жесткой сохранности прав любой из них). Однако, характеризует Коман ситуацию начала 90-х годов, несмотря на оптимальность "среднего пути", приватизация поразила политическое воображение всего мира⁹.

Как отмечается в работе английских исследователей "Приватизация в малоразвитых странах" (1988), приватизация – это не одномоментный и чудотворный процесс. Часто она приводит к деструктивным последствиям, особенно если руководствоваться сугубо "идеологическими" побуждениями. Под последними подразумевается не собственно идеология, а невзвешенные и юридически не обеспеченные меры и решения, в том числе предоставление "абсолютной" свободы частнику. Поэтому наиболее сбалансированные результаты она приносит, когда осуществляется не одномоментно, а "волнообразно". Мгновенно можно принять закон и предоставить право. Но их реализация – процесс, ориентированный на поэтапность¹⁰.

Ведущий американский социолог А. Этциони выражает серьезные сомнения относительно возможности эффективного перемещения капиталов вследствие их передачи частным корпорациям, использующим ранее принадлежавшие государству мощности, или даже посредством их продажи и употребления для вращивания новых инвестиций. "Один американский экономист, работавший в Польше, описал это (в частной беседе) так: "Когда вы открываете бывшую централизованную командную экономику свободному рынку – финансовые средства растворяются подобно таблетке соды в стакане воды"¹¹. Следовательно, отмечает Этциони, краткосрочный эффект приватизации весьма часто ведет не к увеличению доходности, а к резкому спаду валового национального продукта и массовой безработице.

Как отмечается в книге "Реформы в Восточной Европе", выпущенной под эгидой Университета ООН, нет единственного пути к приватизации, равно как нет и любой другой "лучшей" структуры собственности. Это становится совершенно ясным на фоне разбросанности форм собственности и установок на формы предпринимательства не только по отношению к многообразным вариантам рыночной экономики, но и в рамках каждого из них¹². Более того, данные структуры могут временами резко изменяться, чему мы были свидетелями в 80-е годы, наблюдая США¹³. Но что подрывает любой из путей приватизации – это политическая нестабильность. Она отпугивает потенциальных вкладчиков даже в Чехо-Словакии, которые опасаются не только лишиться доходов, но и потерять вложения.

Данный беглый обзор мнений ведущих западных исследователей показывает, что "тупики" процессов приватизации четче видятся именно им, а не местным политикам и экономистам стран Центральной и Восточной Европы, находящимся в "потоке" приватизационных процессов, а не вне их. Что касается экономики Чехо-Словакии, то ее состояние на начало 1992 г. характеризовалось – по сравнению с другими странами региона – скорее угрозами кризиса, чем самим кризисом. Кризисные процессы и тенденции имеют место (этого не может не быть в условиях столь глобальных изменений). Однако "шоковая" их терапия,

образно говоря, неизбежно связанная с избыточной хирургией, здесь не рассматривается как единственное и даже адекватное средство решения. Правительство научилось ждать и отступать в малом, чтобы удержать ключевые позиции, а оппозиционные силы, выступая с его критикой, участвуют все же в созидательных процессах. Одна из важных особенностей ситуации в Чехо-Словакии в том, что экономическая жизнь не политизирована в той мере, как в других странах региона. Это, конечно, вовсе не значит, что по вопросам экономического развития не ведется политическая борьба, — она как раз весьма интенсивна и богата эксцессами.

На фоне этой общей оценки попытаемся дать картину стратегии "двухступенчатой" приватизации, которую создатели соответствующей модели защищают как оптимальную. Подготовительный этап приватизации начался с середины мая 1990 г., когда правительство определило контуры стратегии и тактики радикальной экономической реформы. Главная ее цель — переход к полной рыночной экономике, что должно явиться основой долговременного хозяйственного роста, сближения экономического уровня ЧСФР с уровнем развитых государств. В. Клаус пояснял, что первым шагом в деле реализации экономической реформы явится централизованное исправление 40-летних деформаций, а вторым — свободное ценообразование, т. е. либерализация цен. Предлагавшаяся реформа явилась своеобразной комбинацией взрывного шокового варианта и постепенного перехода, которая сформировалась под давлением реальной жизни. План-график экономических преобразований соответствовал пожеланиям Европейского сообщества, которые были выдвинуты им в ходе переговоров.

25 октября 1990 г. было принято решение о "малой" приватизации. Предполагалось продать на публичных торгах примерно 100 тыс. небольших объектов. Начало реформы датируется 1 января 1991 г. Преследовалась цель добиться стабилизации национальной валюты, частичной либерализации цен и введения конвертируемости кроны. В январе 1991 г. началась "малая" приватизация путем продажи с аукциона небольших магазинчиков и ресторанов. На пер-

вом этапе эти предприятия продавались гражданам Чехо-Словакии. В середине июля 1991 г. в Чешской Республике было приватизировано 5411 точек на общую сумму 3,9 млрд крон. В Словацкой Республике проданы 3123 мелких предприятий, что принесло в Фонд государственной собственности 1,8 млрд крон¹⁴. Один из результатов "малой" приватизации – создание ассоциации предпринимателей Чехо-Словакии, насчитывавшей, согласно журналу "Тайм", уже к началу мая 1991 г. 350 тыс. человек. Для почти 16-миллионного населения страны это достаточно весомая цифра, хотя, как замечает журнал, многие предприниматели не имеют достаточных средств, чтобы немедленно начать свое "дело"¹⁵.

К настоящему времени "малая" приватизация находится на завершающей стадии. В Словакии на торги в общей сложности было предложено около 8 тыс. объектов, половина из которых вскоре оказалась продана, за что государством было получено 9,3 млрд крон. На первом этапе на аукционах доминировали торговые точки по реализации продовольственных товаров, с 1992 г. пришел черед продажи в частные руки магазинов, торгующих обувью, текстилем, товарами для дома¹⁶. В ходе "малой" приватизации предстояло ликвидировать 23 государственные торговые организации, 7 из них уже находятся в стадии ликвидации.

И все же есть основания утверждать, что один из тупиков приватизации – разность ее темпов в Чехии и Словакии. В Чешской Республике в частном секторе на январь 1992 г. был занят каждый третий житель, в Словацкой – только каждый пятый¹⁷.

Ход и характер "малой" приватизации – процесса, результаты которого проявились достаточно быстро, – породил ряд вопросов. Должны ли приватизироваться все магазины, или только такие, торговая площадь которых не превышает 400 м²? И если нет, то каким должен быть статус последних?

По мнению министра торговли ЧСФР В. Штеповой, крупные торговые предприятия следует отдавать акционерным обществам, превращать в смешанные предприятия с привлечением зарубежных компаний. Но ее оппоненты считали, что тем самым приватизация регламентируется,

создается опасность консервации устаревших структур через их подпитку зарубежным капиталом¹⁸. Противоположная стратегия – начинать приватизацию именно с крупных и крупнейших торговых точек в стране – предлагалась министром по делам национального имущества и приватизации ЧР Т. Ежеком. Он считал, что смешанные предприятия в этой сфере превратятся в монополистов и будут сдерживать, а то и свертывать активность мелких частных собственников¹⁹. Эти два предлагавшихся решения о глубине и масштабах приватизации в торговле наличествовали в рамках единого правительственного курса. Следует отметить, что пресса Чехо-Словакии в большей степени ориентирована на радикальное решение: приватизировать все. Однако "технологический диагноз" системы торговли показал, что смешанные предприятия не являются абсолютным злом, а столь же жизнеспособной экономической единицей, как и предприятия частные²⁰.

После удачного начала "малой" приватизации правительство занялось подготовкой распродажи крупных государственных предприятий, т. е. второго этапа реформы. Были определены пути осуществления этой программы: а) продажа с аукциона; б) продажа путем рамочного соглашения; в) продажа акций на льготных условиях сотрудникам предприятий; г) прямая продажа иностранным фирмам; д) распространение акций среди населения страны по "методу купонов". Этот метод позволял всем гражданам страны за символическую сумму участвовать в процессе приватизации, становясь акционерами бывшего государственного предприятия.

Есть сторонники и противники метода купонной приватизации. Так, бывший премьер В. Комарек подчеркивал, что ЧСФР проиграет 200 млрд долл., которые "перетекут" в чужие карманы; что этот метод приведет к инфляции, поставит в трудное положение отечественные предприятия²¹. Но негативных последствий можно избежать, если умело направлять, регулировать процесс приватизации, полагает Т. Ежек. Сила приватизации в ее частичной спонтанности, хотя излишек спонтанности может перерасти в хаос. Купонная приватизация передаст значительную часть богатства людям, у которых в жизни не было ничего, кроме мизерной

зарплаты. Однако люди все еще не верят в это, в них продолжает жить подозрительное отношение к государству, этакая, по словам министра Т. Ежека, "швейковская философия"²². Поэтому купонная приватизация тысячекратно демократичнее и справедливее других альтернатив²³. "Наша цель – приватизация сама по себе, – утверждал руководитель отдела купонной приватизации Министерства финансов ЧСФР Д. Тршиска, – освобождение человека и всех деловых сфер от бремени государства. Приватизация для нас – абсолютно необходимое условие, чтобы жить и свободно дышать"²⁴. На вопрос "зачем" чехо-словацкие приватизаторы отвечают не с позиций распределительной справедливости, а с точки зрения возрождения экономической инициативы.

Отношение к срокам приватизации следующее: хотя сценарий разрабатывался в течение длительного промежутка времени, но с его проведением в жизнь медлить никто не намерен, ибо время – ключевой фактор в экономике. Директор Национального банка М. Тучек так аргументировал необходимость скорой приватизации: "Чтобы не успели разворовать". А М. Чалфа утверждал: "Мы не можем оградить это имущество сплошным забором или окружить его стражниками. Мы можем сделать лишь одно – быстрее приватизировать, а частный владелец о своем имуществе позаботится лучше всех"²⁵.

Второй этап реформы начался с середины 1991 г. С августа развернулась широкая кампания рекламы, направленная на разъяснение гражданам республики: 1) правил коллективного владения акциями; 2) связанного с ним риска; 3) имеющихся здесь преимуществ. Содержанием второго этапа стал акцент на ускорение процессов экономической трансформации. Составной частью этого этапа является "большая" приватизация, которая, по существу, должна была дать старт качественному перелому в поведении предприятий в условиях рыночной экономики. К ускорению процессов трансформации относится и прилив иностранного капитала.

С 1 ноября 1991 г. началась регистрация купонов. За первые 28 дней было зарегистрировано 280 тыс. пачек купонов. Вопреки ожиданиям первая волна "большой"

приватизации охватила всего 400 тыс. совершеннолетних граждан (их 11 млн) при ожидаемых 4 млн. Начало второй волны приняло явно ажиотажный характер. Число подписавшихся на акции превысило 5 млн человек, возник дефицит купонных книжек. Что же столь резко изменило ситуацию? Главными, как представляется, можно считать два фактора (вопрос об их сопряженности или расходимости представляет специальный интерес). Первый – активная государственная политика поощрения и второй – целенаправленная деятельность инвестиционных фондов.

Список приватизируемых предприятий в Чешской Республике был разделен на две группы: почти 2 тыс. предприятий, которые представили план приватизации соответствующему министерству до конца октября 1991 г., и около 1 тыс. предприятий, приватизация которых менее динамична, поскольку им предписывалось представить свои планы до конца мая 1992 г. Кроме того, в ЧР был утвержден список примерно 500 предприятий, имеющих государственное значение. Эти предприятия сохраняют существующий статус в течение ближайших пяти лет (например, почтово-телеграфные отделения, железные дороги, такие учреждения культуры, как Национальный театр и др.).

Все приватизируемые предприятия формально превращаются в акционерные общества и представляют своим министерствам результаты аудиторской оценки их капитала и доли акций, которые обязательно должны быть переданы фонду реституции (3%), а также для распространения среди населения (от 20 до 30%). Остальная часть капитала продается по выбору частному сектору, иностранным фирмам или остается в руках государства.

В Словакии в середине 1991 г. также был утвержден список приватизируемых предприятий, 55% которых участвуют в первом этапе распродажи.

Один из основных элементов экономической реформы в ЧСФР – создание конкурентной среды. С этой целью еще в январе 1991 г. был принят закон о защите экономического соревнования (антимонопольный закон). Под контроль республиканских антимонопольных управлений попадают производители, участие которых в выпуске определенного вида товара или предоставлении услуг на внутреннем

рынке превышает 30%. Предприятия с более чем 40%-м участием относятся уже к компетенции созданного в ЧСФР Федерального управления по экономическому соревнованию.

В статье "Взгляд на перспективы Чешской и Словацкой Федеративной Республики" В. Коромзай отмечал, что страна удачно – в отличие от других – прошла первую фазу реформ, сохраняя макроэкономическую стабильность²⁶. Падение на 13,8% валового национального продукта, 5,1% безработных (около 400 тыс. взрослого населения) – не слишком сокрушительная цена за переход; к тому же виден конец процессов девальвации и роста цен. Приватизация же 120 тыс. средних и мелких и 4 тыс. крупных предприятий также обрела видимые контуры; определены доли купонизированной и возвращаемой (после национализации 1948–1949 и 1955 гг.) собственности. Намечаются пути возвращения на западные финансовые рынки и в мировую экономику. "Однако собственно рыночные механизмы все еще слабы", заключает В. Коромзай, а это требует коррективов.

Во-первых, приватизация не должна приводить к росту цен: это дестабилизирует рынок капиталов. Во-вторых, нужна гибкая налоговая система, защищающая производителей от "давления импорта", но при этом стимулирующая их активность. В этом плане можно пойти на некоторые временные дисбалансы в бюджете. В-третьих, итогом приватизации должна стать не столько возможность контроля со стороны фирм, сколько диктат потребителя, кредиты следует давать под него. Сказать, что по этим направлениям удалось избежать тупиков, пока нельзя. Опять-таки это отмечают западные наблюдатели. Журнал "Тайм", например, подчеркивая влияние германских автомобилестроителей на "Шкоду", "анонимность" контроля над пакетами акций, допускающую внедрение капиталов мафии, высказывал прямые опасения в связи с "диким" характером приватизации, которая может быть страшнее, чем на "диком Западе"²⁷.

5 марта 1992 г. Президиум ФС ЧСФР установил срок парламентских выборов – 5–6 июня 1992. Фактически в течение 3 месяцев развернулась борьба различных политических сил по поводу двух фундаментальных проблем, определя-

ющих будущее страны: приватизация и ее экономические последствия, с одной стороны, и государственное устройство Чехо-Словакии – с другой. Эти проблемы пересекаются с третьей – внешнеполитической, сводящейся в первую очередь к отношениям с Германией.

Выделяя в качестве ведущей приватизацию, именуемую В. Гавелом "тотальной трансформацией экономики", подчеркнем: происходит она безболезненно. Внешние и внутривнутриполитические события оказывают разноплановое влияние на этот процесс. Период кануна парламентских выборов определялся взрывом приватизационной активности, последовавшим за периодом осторожного выжидания. Страхи и колебания были отброшены, быстрый выкуп купонов изменил ситуацию, предполагалось включение принципиально новых экономических механизмов акционирования, продажи и перепродажи крупных предприятий. Просматривается новое качество экономической жизни: модернизация одних крупных предприятий (и регионов) и сбрасывание со счетов других. Наличающиеся ресурсы Чехо-Словакии: не в полной мере устаревшая индустриальная база, квалифицированная рабочая сила, относительно стабильное положение в сельском хозяйстве, насыщенность рынка товарами потребления, прочная крона – делают возможным переходный период достаточно "шоковым", но все же не "излишне хирургическим".

Относительно судеб федеративного государства просматривается линия на возрастание угрозы его раскола. Суперсепаратисты Чехии (их мотивы – чем скорее отбросим "слабую" Словакию, тем быстрее станем "частью сильной Европы") и Словакии (чем скорее откажемся от "угнетающей" Чехии, тем интенсивнее будем развивать "свою" экономику) упрочили в результате последних выборов свои позиции. На состоявшихся братиславских переговорах лидеров победивших на выборах чешской Гражданской демократической партии (ГДП) и Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) В. Клауса и В. Мечъяра достигнута договоренность о том, что они начинают работу по подготовке раздела Чехо-Словакии на два самостоятельных государства, каждое из которых станет субъектом международного права. Для того, чтобы сохранить дееспособность, бесперебойность государственного механизма, создано новое федеральное правительство, которое вместе с Федеральным собранием должно учесть все нюансы, все

детали "нежного развода". Возможно, что он и будет нежным, хотя есть опасность обострения проблем соседского сосуществования Чехии и Словакии. Остается еще в стороне и непростой международный аспект дела.

Пока же вопрос, как и что будет с Чехо-Словакией, все же окончательно не предпрешен. Главное – предстоит референдум.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Svitak I. The unbearable burden of history. The sovietization of Czechoslovakia. Pr., 1990. Vol. I–III.

2. См.: Задорожнюк Э. Г. Взгляд на Чехословакию. 1988 – ноябрь 1989 гг. (по материалам контент-анализа публикаций журнала "Тайм") // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 79–90.

3. Подробнее см.: Харциева Г. Ю. Политическая картина в Словакии после ноябрьских событий // Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991. С. 249–268; Щербакова Ю. А. Начало "нежной революции" в ЧСФР (осень 1989) // Там же. С. 237–248.

4. Občanský deník. 9 V. 1991.

5. Ibidem.

6. Keyens J. M. Collected writings. Vol. 19. L., 1980. P. 34.

7. Coman S. Economics. N. Y., 1991. P. 449, 463.

8. Ibid. P. 461.

9. Ibid. P. 468.

10. Подробнее см.: Privatization in less developed countries. Ed. by P. Cook. N. Y. – L., 1988.

11. Etzioni A. Eastern Europe: The Wealth of Lessons // Challenge. 1991. July–August. P. 5.

12. Blanchard O., Dornbusch R., Krugman P., Layard R., Summers L. Reform in Eastern Europe // MIT Press. Cambridge (Mass.). L., 1991. P. 31–35.

13. Ibidem.

14. Mlada Fronta Dnes. 20.07.1991.

15. Time. 29.04.1991. P. 24.

16. Smena. 16.07.1992.

17. Lidové noviny. 28.01.1992.

18. Ibid. 20.08.1991.

19. Ibid. 28.08.1991.

20. Smena. 22.09.1991.

21. Ibid. 26.02.1991.

22. Lidové noviny. 28.01.1992.

23. Ibidem.

24. Ibidem.

25. Ibid. 01.03.1992.

26. Koromzaj V. Spotlight on the Czech and Slovak Federal Republic // The OECD observer. February–March 1992. P. 35–37.

27. Time. 4.11.1991. P. 14.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ РЕГИОНЕ В ЛЕКЦИОННО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

Исследование драматических событий конца 80-х – начала 90-х годов в странах Центральной и Восточной Европы проходит достаточно сложно и противоречиво. Это непосредственно отражается на лекционно-преподавательской и пропагандистской деятельности. Для нашей страны определяющим фактором, крайне негативно сказывавшемся на обществоведении, являлась его глубокая идеологизация, когда за исходную точку науки и преподавания брались соответствующие решения высокопоставленных партийных органов и руководителей. Мифологизированное научное сознание жестко переплеталось с еще более мифологизированной лекционной практикой, загнанной в прокрустово ложе официальных цитат, причем содержащиеся в них положения и установки могли коренным образом меняться в течение короткого отрезка времени.

Для примера приведем две цитаты из одного руководящего источника. "КПСС, – говорилось в докладе М. С. Горбачева на XXVII съезде, – убеждена: страны социализма при полном соблюдении равноправия и взаимного уважения интересов будут идти по пути все большего взаимопонимания и сближения... Предмет особой заботы партии – всемерное укрепление дружбы, развитие и совершенствование связей Советского Союза со странами социалистического содружества"¹. Но вот новая оценка событий в регионе: "... политическое и идеологическое лицо Восточной Европы качественно изменилось. Прежняя система власти в большинстве стран региона разрушена... прежняя модель отношений Советского Союза с восточноевропейскими странами рухнула..."².

Между этими оценками всего три года, а события в Вос-

точной Европе перевернулись на 180°. Парадоксально, но при декларировавшейся приоритетности восточноевропейского направления внешней политики, казалось бы, требовавшего особого внимания и непредвзятого научного анализа и прогнозирования, любые более или менее объективные оценки (например, записки Института международных экономических и политических исследований Академии наук СССР) игнорировались. Свою роль здесь сыграло, то, что нашу внешнюю политику определяло не Министерство иностранных дел и другие государственные органы, а соответствующие отделы ЦК КПСС, которые исходили не столько из анализа реальных процессов жизни, сколько из незыблемых идеологических схем и авторитарно-догматических геополитических концепций с изрядным душком имперских амбиций, выдававшихся зачастую за пролетарский, социалистический интернационализм. В конечном счете руководство "братских стран" оказалось не готовым к радикальным и динамичным переменам в общественном развитии. Отсюда вполне закономерно то, что произошло, т. е. бывшие правящие коммунистические партии в большинстве своем оказались отброшенными на обочину политической жизни. В странах Центральной и Восточной Европы резко трансформируется шкала жизненных ценностей в направлении смены общественного строя, переориентируется их внешняя политика. Во многом искусственно сложившиеся наши отношения с ними в различных сферах – политике, экономике, идеологии и др. – в одночасье рухнули на рубеже 90-х годов.

В этой связи неудивительно, что наша лекторская, преподавательская литература десятилетиями игнорировала или сознательно извращала реальные процессы жизни, проходившие в восточноевропейском (как, впрочем, и в других) регионе, и вплоть до конца 1989 г. захлебывалась от директивно заданной партноменклатурной апологетической направленности. Да и как могло быть иначе, если наши руководители самых высоких рангов, что называется, до последних дней безудержно восхваляли и награждали друг друга, сердечно обнимаясь со своими коллегами по "социалистическому содружеству". Все это соответствующим образом сказалось и на лекторско-преподавательской

"транскрипции", рассчитанной на совершенно разных слушателей, но удивительно одноплановой и однообразной в своем безжизненном бездумном, запрограммированном содержании, сбитом как бы на одну идеологизированную колодку.

Возьмем несколько публикаций: учебное пособие по научному коммунизму для системы политического просвещения (1988 г., автор В. Халипов); рекомендации для армейских политзанятий, опубликованные в журнале "Коммунист Вооруженных Сил" (апрель 1989 г.); статьи об интернационализации социалистических общественных отношений на современном этапе в журнале "Научный коммунизм" (1989 г., автор А. Доронченков). Подобных примеров можно было бы привести великое множество и все они удручают своим догматическим единством. Да простит автора читатель за скучное однообразие цитат из упомянутых работ, но без них, как представляется, не обойтись в подтверждение излагаемых здесь рассуждений. "Опыт развития братских стран показывает: марксистско-ленинская идеология, лежащая в основе деятельности правящих коммунистических и рабочих партий, однотипность государственного и общественного строя, общность целей и задач цементируют сотрудничество социалистических стран, создают прочный фундамент для взаимного доверия, сплоченности и коллективных действий на мировой арене"³, – писал "Коммунист Вооруженных Сил" в своем августовском номере. Другой журнал "Научный коммунизм" устами доктора философских наук А. Доронченкова вещал в том же году, что "на современном этапе наиболее плодотворными направлениями процесса социалистической интернационализации являются идейно-политическая консолидация и экономическая интеграция братских стран... реальное воплощение получила предсказанная еще К. Марксом и Ф. Энгельсом "общность действий и политики трудящихся разных стран и народов"⁴.

В аналогичном ключе в упомянутом выше учебном пособии для системы политического просвещения отставной генерал-майор проф. В. Халипов сообщал: "В результате претворения в жизнь решений съездов своих партий, экономического совещания на высшем уровне, договорен-

ностей на многосторонней и двусторонней основе страны-члены СЭВ продвинулись вперед в своем экономическом развитии. Повышается эффективность общественного производства. Решающим фактором этого процесса является рост производительности труда. Возрос материальный и духовный уровень жизни братских народов... Важным участком совместной деятельности партий является идеологическое сотрудничество, дальнейшее развитие и защита марксистско-ленинской теории. В последние годы КПСС вместе с другими правящими коммунистическими партиями активно продолжала разработку принципиальных вопросов развития мировой системы социализма. Неоценимую роль на современном этапе играет целеустремленная, аргументированная деятельность партий по разоблачению буржуазной идеологии, современного ревизионизма, преодолению их подрывной деятельности в странах социализма и мире в целом”⁵. Наверное, хватит цитат. Любопытно все же отметить, что извлечены они из публикаций, увидевших свет уже через несколько лет после апреля 1985 г., когда вроде бы вовсе уже было в ходу новое политическое мышление и соответствующая ему новая внешняя политика.

С позиций сегодняшнего протрезвления было бы легко, конечно, бросать упреки этим авторам. Это, вероятно, не столько их вина, а сколько беда, определяемая общей обстановкой, системой, где объективный анализ реальных процессов жизни подменялся выдергиванием таких фактов и явлений, которые удобно укладывались в прокрустово ложе господствовавших идеологических схем и политических концепций, отвечавших имперским интересам властвовавшей партийной элиты. Мифологизированная, некомпетентная идеологическая, лекторская, преподавательская деятельность шли рука об руку со столь же мифологизированной, некомпетентной политикой, все более отрывавшейся от жизни и уперлись в конце концов в полный тупик. Трудно себе даже представить тот шок лекционно-преподавательского контингента, растерянность пропагандистов, когда здание ”социалистического сотрудничества”, воспеванию которого было посвящено столько лет, сил и труда, оказалось в реальности воздвигнутым на

песке и в одночасье рухнуло. Конечно, осень 1989 г. – не случайность, критическая масса накапливалась давно, однако для нашего мифологизированного сознания это был действительно гром среди ясного неба.

Нельзя, разумеется, рисовать ситуацию одной черной краской. На этом общем удручающем фоне было немало попыток и прорывов ученых, лекторов, преподавателей-обществоведов. Среди них по праву можно назвать А. Бутенко, А. Вахрамеева, Ю. Новопашина, В. Киселева, В. Волкова, Л. Гибианского и др. Они вместе с зарубежными обществоведами внесли свой вклад в понимание реальных и противоречивых процессов современного развития стран Центральной и Восточной Европы, помогая тем самым и нашим лекторам, преподавателям сбросить с себя тяжелый груз догматизма и постепенно возратить авторитет и доверие у слушателей. Можно, разумеется, не со всем соглашаться что ими говорилось, но нельзя не оценить тот творческий и разносторонний поиск, те свежие, новаторские и неординарные подходы, которые характеризуют работы упомянутых авторов.

В этой связи хотелось бы выделить доклад Ю. С. Новопашина: "К вопросу о причинах революционных событий 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы"⁶. Обращаясь к истокам сложнейших процессов развития этих стран и глубинных причин нынешней ситуации, автор справедливо подчеркивает, что Советский Союз сыграл объективно большую прогрессивную роль и недаром народы восточноевропейских стран рукоплескали нашим воинам-освободителям. Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением Ю. Новопашина о необходимости признания не только *прогрессивного* значения действий наших народов по освобождению стран Центральной и Восточной Европы от фашистского господства, послевоенному восстановлению их экономического потенциала, но и *реакционной* роли советского руководства в деле установления над регионом собственного политического контроля и господства, навязывания другим своих левацко-экстремистских моделей общественного устройства, внешнеполитического поведения и т. д. Если отказаться от исследования этого процесса насильственной "советизации" и "сателлизации",

навязывания всеми способами в течение десятилетий чуждой народам этих стран системы советского типа, то ничего не понять в том, кажущемся на поверхностный взгляд неожиданным повороте, который начался с конца 1989 г.

С другой стороны, связь общественно-политических и экономических процессов, идущих в нашей стране, подчеркивается взаимосвязанностью тех же самых процессов в восточноевропейском регионе. Если совсем недавно наш тотальный, командно-административный, казарменный режим насильственно привносился в соседние страны, то очевидно, что крах этого режима, стремление построить новое, цивилизованное общество на подлинных основах социальной справедливости, демократии, свободы личности, признания за народами свободы выбора, т. е. отказа от насильственного осчастливливания, в том числе при помощи танков, не мог не послужить сильнейшим детонатором восточноевропейского взрыва и последовавших перемен. Неправоммерно, разумеется, отождествлять и упрощать эти процессы и ставить знак равенства между тем, что "у нас", и тем, что "у них". Но не видеть этих объективно сложившихся связей и взаимозависимостей, значит продолжать оставаться в плену ограниченного, безжизненного единомыслия.

Вернемся в этой связи к нашей лекционной и преподавательской практике, обратившись к уже приводившимся публикациям, напомним еще раз, что все они относятся не к тому периоду, который справедливо назван у нас периодом застоя, а к последним двум-трем годам. Очень характерны здесь те многочисленные публикации проф. В. Халипова, которые большими тиражами наводняли книжные полки магазинов политической литературы и которые рассчитаны на лектора и преподавателя, на студента и слушателя системы политического образования. То есть перед нами, если угодно, настольная книга научно-коммунистической литературы, удивительный бестселлер массового политического чтения. "В самих странах социализма, — соглашается В. Халипов, — есть еще немало трудностей и недостатков. По-видимому, речь должна идти и о том, что сами коммунистические партии и их руководство допус-

кали ошибки, которые ослабляли способность партий управлять событиями и в ряде случаев сыграли на руку внутренним и внешним силам дестабилизации. Вместе с тем ясно, что не такие события выражают главные тенденции развития братских стран и тем более социализма в целом. КПСС считает своим интернациональным долгом вместе с братскими партиями укреплять единство, наращивать могущество и влияние социалистического содружества. Материалы и решения последних съездов братских партий показывают нарастание единства и сплоченности, развитие сотрудничества стран социализма”⁷.

Разумеется, было бы несправедливо упрекать В. Халипова, что он не предвидел катастрофических событий следующего года. Но и в 1988 г., когда вышла его цитированная книга и когда наша страна с невероятными трудностями начала процесс освобождения от казарменных кандалов прошлого, писать так – значило продолжать нести чушь, способствовать оболваниванию. Все трудности в странах Центральной и Восточной Европы сводятся ретивым автором только к ошибкам правящих компартий и не отмечается никакого давления извне, включая и воздействие процесса советской перестройки. Правда, чуть дальше в этой книге специальный параграф посвящен взаимному обмену опытом. Но, во-первых, при всем значении взаимного обмена нельзя не видеть насаждения лишь наших стереотипов, а, во-вторых, этот обмен опытом освещается на примерах столь искусственно вырванных и столь бессодержательных при всей их внешней помпезности, что само по себе симптоматично.

Каково сейчас (да хоть и десять лет назад) читать, что в обмене опытом ”участие масс наглядно проявляется и в таком новом явлении, как международное социалистическое соревнование. Оно зародилось в 1977 г., в год 60-летия Октября, и с тех пор развивается, приобретая новые формы. У международного социалистического соревнования большое будущее”⁸. Оставим, однако, ”большое будущее” этого мифического соревнования и вновь вернемся к уровню рассказа о взаимоотношениях СССР и стран Центральной и Восточной Европы в советских учебных пособиях для вузов. Немало страниц в них уделялось так называемому новому

типу международных отношений, его преимуществам, комплексной программе научно-технического развития и сотрудничества до 2000 г. и многому другому. На этом лучезарном фоне никаких проблем, никаких трудностей не рассматривалось. Ни слова о Восточной Германии 1953 г., Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г., Польше 1970 г., Китае, ибо реальная жизнь действительно не вписывалась в надуманный и пропагандировавшийся тип международных отношений. Что же было делать преподавателю, лектору в конце 1989 г., когда его слушатель в начале этого года читал в новейшем учебнике и слышал на лекции о том, как формируется и какие преимущества несет с собой новый тип международных отношений, основанных на принципах социалистического интернационализма, законодательно закрепленных в Конституции СССР и конституциях других восточноевропейских стран.

Конечно, все эти рассуждения и цитаты падают на время, хотя и близкое, но все-таки до взрывной волны конца 1989 – начала 1990 г. Но ведь, как уже говорилось выше, только поверхностному взгляду взрыв может показаться неожиданным. Его критическая масса накапливалась все эти годы, и мы вновь убедились, как нараставшее конфликтное (с точки зрения внутренних и международных отношений в регионе) количество дало мощнейший, потрясший всю систему скачок, обусловивший новое качество. Это нарастание конфликтности в восточноевропейском регионе не проходило мимо внимания многих преподавателей, непредвзятый научный поиск ответов на непростые вопросы отражался и в соответствующей литературе. Ограничимся ссылкой на журнал "Советское государство и право". "Страны Восточной Европы, – отмечалось на его страницах, – на протяжении длительного времени брали уроки у нашей авторитарно-бюрократической системы, которая проявила и проявляет до сих пор необыкновенную живучесть. Она любыми способами отторгла все, что могло посеять сомнения в ее жизнеспособности, устойчивости"⁹.

Названная тенденция проявляется и в живучести старых, не оправдавших себя представлений, в ощутимой инерции прошлых взглядов, однолинейном усеченном под-

ходе к анализу событий, а порою в сознательном и достаточно агрессивном стремлении вернуться к недавней апологетике всего и вся, выискивая виновников где угодно, но только не у себя. Наш преподаватель среднего уровня, привыкший, увы, ориентироваться на вышестоящие указания, не всегда находит их сегодня адекватными потребностям времени. Так, М. С. Горбачев высказался на XXVIII съезде КПСС о восточноевропейском регионе следующим образом: "Происходят глубокие перемены в Восточной Европе... Как нам строить свои отношения с восточноевропейскими странами сегодня и завтра? Как с добрыми соседями, которыми нас сделала не только география, но и история. В ней, особенно после войны, было много действительно доброго, ценного. То, что СССР сыграл решающую роль в освобождении этих стран от фашизма и потом не раз искренне помогал им, осталось в памяти народов и не может не сказываться на дальнейшем развитии наших отношений. Кроме того, – и это главное – есть взаимные экономические интересы. Они сближают нас в движении к мирной Европе, к "общему дому"¹⁰.

Все это, разумеется, справедливо, и ни один преподаватель иначе, наверное, не мыслит. Память о трех миллионах наших солдат, погибших при освобождении Центральной и Восточной Европы от фашизма, как говорится, стучит в наше сердце. И народы соседних стран не забыли этого. Но разве на этом надо поставить точку, как делает Горбачев? Тогда это не анализ, а лишь констатация части правды. Народы ведь помнят и Катынь, и Берлин 1953 г., и Будапешт 1956 г., и подавление "пражской весны" 1968 г., и многое другое. И мы это тоже не должны забывать, тем более на трибуне партийного съезда. Политика "умолчаний", от которой бывший генсек ЦК КПСС так и не отмежевался, – это прямая дорога к тем ортодоксально-догматическим силам, кто за "единое интернациональное учение", кто против всякого плюрализма не то что политических позиций, но и мнений. "Плюрализм мнений, – утверждает ученый представитель этих сил, – необходим там, где нет науки, дающей однозначный ответ на возникающий вопрос. Марксизм-ленинизм есть наука, которую следует знать обществоведам, а не выдавать всякую ересь,

противоречащую этой науке, за последнее достижение передовой мысли и претендовать на руководящую роль в обществе... Происходящие же дискуссии о собственности, земле, руководящей роли партии и т. д. есть простое следствие незнания основ марксизма-ленинизма"¹¹.

Это все читаем мы не в сталинском "Кратком курсе", не у выдающегося марксиста-ленинца Брежнева, а на страницах современного научного издания. Увы, это не частный случай. Такой подход встречается и по отношению к процессам в странах Центральной и Восточной Европы, он проявляется в ожесточенном неприятии перемен, злобных нападках на новое мышление, внешнюю политику, пытающуюся строить международные связи не на диктате догм и танков, а на признании свободы выбора и общечеловеческих принципах взаимодействия. В разных публикациях и с разных высоких трибун нередко продолжается оправдание и восхваление обанкротившихся режимов в этих странах, советской имперской политики. Тревожит не только то, что это откровенно сквозит в научных трактатах, периодической печати, в лекционной и преподавательской работе. Тревожит подобный подход и в нашей бурной политической жизни, парламентских дебатах, где тоже хватает безответственных призывов к возврату по существу к прошлому. Широко известны, в частности, выступления некоторых военных (например, генералов Макашева, Тарасова, полковника Петрушенко), резко критикующих российскую внешнюю политику, особенно в отношении стран Центральной и Восточной Европы, трактующих уход наших войск с территории этих стран как отступление, предательство интересов и нашей страны и всего бывшего содружества, как удар по международному коммунизму в целом. В этом же направлении идут политические деятели фундаменталистского плана (Движение коммунистической инициативы, ниноандреевская ВКП(б) и др.).

Достаточно типична здесь газета "Молния", орган Движения коммунистической инициативы, опубликовавшая в апреле 1991 г. следующую весьма определенную и однозначную оценку переломных событий, происходивших и у нас и в восточноевропейском регионе. "Ход "перестройки" в СССР, - утверждали хранители верности принципам, -

вызвал радость в капиталистическом мире и тревогу у наших друзей в странах социализма. Лидер Румынии Н. Чаушеску выступил с призывом созвать совещание коммунистических и рабочих партий, чтобы обсудить на нем положение в СССР. Но вскоре после этого началось свержение коммунистических правительств в странах Восточной Европы, а Н. Чаушеску был расстрелян фактически без суда и следствия¹².

При всем разбросе мнений и политических симпатий немного, вероятно, найдется людей, солидаризирующихся с Н. Чаушеску и его деспотическим режимом, как, впрочем, и с однотипными тоталитарными режимами у соседей. Хотелось бы надеяться, что это арьергардные бои представителей уходящих режимов, когда мертвые судорожно хватают живых. Однако сами "красно-коричневые" не уйдут так легко и просто и могут еще долго отравлять атмосферу. В очищении ее, утверждении правды и реализма состоит высокий долг и ответственность обществоведов и на научном, и на лекционном поприще. Хочется надеяться, что и в наших лекциях, учебных занятиях, публикациях, в нашей практической работе возобладает и принесет ощутимые плоды тот творческий дух, тот плюрализм мнений, которые характеризует такие научные встречи, как международная конференция "Восточная Европа на историческом переломе". Вот тогда наши слушатели поверят нам, пойдут за нами. В заключение не могу не извиниться еще раз за обилие приведенных в статье и часто неудобоваримых цитат, без подтверждения которыми трудно было бы, однако, представить реальную картину нашей лекционно-преподавательской деятельности, особенно зарубежному читателю, не всегда имеющему подобную информацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 174, 171.
2. Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. (Записка Международного отдела ЦК КПСС).
3. Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 8. С. 58.
4. Научный коммунизм. 1989. № 2. С. 42.
5. Халипов В. Научный коммунизм и проблемы обновления социализма: Учебное пособие для системы политической учебы. М., 1989. С. 305.

6. Данный доклад доработан автором и помещен в настоящем сборнике под названием "О причинах краха международного коммунизма".

7. Халипов В. Указ. соч. С. 298—299.

8. Там же. С. 303.

9. Лебедев М. Трудные пути демократии // Советское государство и право. 1990. № 5.

10. Материалы XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 33.

11. Вестник МГУ. Серия 12: Социально-политические исследования. 1990. № 3. С. 88—89.

12. Молния. 04.1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. С. Новопашин. О причинах краха международного коммунизма . . .	5
И. С. Яжборовская. Некоторые методологические вопросы сравнительно-исторического исследования региона Центральной и Восточной Европы.	26
А. П. Бутенко. К вопросу о "бархатных" и "небархатных" революциях в странах Центральной и Восточной Европы.	38
Ю. К. Князев. Характер революций в странах Восточной Европы и возможные направления дальнейших преобразований	50
В. Д. Кузнецевский. О переходном периоде в восточноевропейских странах и проблемах возврата в западное сообщество	64
З. Млынарж (ЧСФР). Восточная Европа на историческом переломе. . . .	75
К. Ройен (Германия). От "социалистического интернационализма" к самоопределению: новый вызов Западу	84
А. Корбонски (США). Переход к демократии в Венгрии, Польше и Чехословакии: некоторые предварительные суждения	97
К. Кернер (Швеция). Взгляд на развитие постсоветской Центральной и Восточной Европы: страны Балтии и Венгрия	111
А. С. Стыкалин. 30-летняя дорога к плюрализму (о венгерском варианте демократизации)	123
Л. Б. Милякова. План Маршалла и позиция СССР	135
В. П. Киселев. К вопросу о национально-государственных интересах посткоммунистической России	147
В. В. Мирошников. Большевистский "социализм" — одна из форм тоталитаризма.	160
Е. Л. Валева. Экономическая реформа в Болгарии: первые итоги	165
Н. Ю. Калашникова. Экономическая реформа и политический кризис: опыт посткоммунистической Румынии (1990—1991 гг.)	177
Э. Г. Задорожнюк. Приватизация в Чехо-Словакии: прорывы и тупики	186
А. А. Кальмансон. Отражение процессов в восточноевропейском регионе в лекционно-преподавательской практике	201

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА:
КОНТУРЫ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ
(Сборник статей)**

Ответственный редактор
доктор философских наук профессор
Ю. С. Новопашин

Редактор Н. В. Павлова

Сборник подготовлен в редакционно-издательской группе
Института славяноведения и балканистики РАН

Подписано в печать 08.10.92. Формат бумаги 60 X 90 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 10,05. Тираж 150 экз. Заказ №201
Цена договорная.

Отпечатано на ротапринтере ВНИПИстатинформа Госкомстата РФ.

